

ANDREW HOLLERAN

DANCER from
the DANCE

Andrew Holleran

DANCER FROM THE DANCE

Эндрю Холлеран

Т а н ц о р и з т а н ц а

1978

перевод
Иван Иванов

2025

Несколько лестных рецензий роману:

Мастерски прописанный богатой, чувственной прозой, этот знаковый роман предлагает первый реалистичный и очень проникновенный портрет Нью-Йорка после освобождения геев.

Library Journal [1]

Увлекательные персонажи и взгляд на общество, как гетеросексуальное, так и геев.

Village Voice [2]

Забавный, лирический роман о Файер-Айленде [3] и Нижнем Ист-Сайде [4], где ищут любовь и стареют. Мы никогда не были на Файер-Айленде и никогда не жили в Нижнем Ист-Сайде, но мы искали любовь и старели, и эта книга — история и нашей жизни.

New York magazine [5]

Волшебная проза... Герои... одержимы физической красотой, модой, светской жизнью со всеми ее сплетнями, стилем... Их жизнь — это шикарные званые ужины и анонимные сексуальные контакты... Измученные персонажи Холлерана больше, чем сама жизнь, еще и странно притягательны... Общее впечатление этого романа — величие красоты.

Newsday [6]

Холлеран предлагает самую лирическую прозу, какую только можно себе представить. Роман — настоящее пиршество.

Boston Globe [7]

[1] американское издание для библиотекарей. Основано в 1876г. Сообщает новости библиотечного мира, уделяя особое внимание публичным библиотекам. Каждый год, начиная с 2008, оценивает библиотеки, присуждает им звезды в рамках *Star Libraries*.

[2] американский еженедельная газета, освещавшая преимущественно события культурной жизни Нью-Йорка. Основана в 1955г. С 2017г. в печатной версии не выходит.

[3] **Fire Island** - большой остров напротив побережья Нью-Йорка. Курорт и постоянное место вечеринок, тусовок и проч.

[4] **Lower East Side** - район Манхэттена, где преимущественно проживает светская интеллигенция и творческая богема.

[5] американский журнал, выходящий раз в две недели и посвященный жизни, культуре, политике и стилю в целом, с особым акцентом на Нью-Йорке. Основан в 1968г.

[6] ежедневная газета, охватывающая нью-йоркскую аудиторию. Основана в 1940г.

[7] американская ежедневная газета, основанная в 1872г. и базирующаяся в Бостоне, штат Массачусетс. Но это одно из крупнейших изданий в США.

Об авторе

ЭНДРЮ ХОЛЛЕРАН, выпускник Гарварда, известный журналист и частый автор крупных гей-изданий. *Танцор из Танца*, его первый роман, был опубликован первоначально в 1978 году и получил широкое признание критики. ХОЛЛЕРАН также автор романов *Ночи в Арубе*, *Мужская красота*, *Точка отсчета*, *В отражении мужских глаз*, *Свет меняется в сентябре*.

*Труд - тысяча цветов или приятный танец,
Где тело не изранено для услаждения души,
И красота рождается не из ее отчаяния,
А мудрость не из полуночных смен.
Кто ты, каштан,
один большой цветок с огромными корнями,
Быть может, лист, цветок иль ствол?
Так тело музыке внимает, сияет взгляд,
Хотя едва ли представляется возможным
Постичь танцора сущность
В единственно движениях его.*

Уильям Батлер Йейтс
К школьникам

Полночь
Далеко на Юге

Экстаз,
Наконец-то здесь, на Чаттахучи*, наступила весна — цветут азалии, и все умирают от рака. Пишу тебе очень поздно ночью. У нас всего одна керосиновая лампа, а жуки с мотыльками снаружи настойчиво атакуют сетку совсем недалеко от моего локтя, пытаюсь пробиться к свету, — почти как и те, многих из которых мы знали в Нью-Йорке, в попытках снискать любовь, нес-па? ** — настырно, настойчиво, бесцеремонно.

Я не могу сказать тебе, где я, потому что хочу полностью порвать со своей прежней жизнью. Сейчас я знаю, моя квартира погребена под толщей тараканов и наводнена стаями крыс; женщина снизу выкашливает туберкулез; мужчина по соседству избивает жену; приглушенный закадровый смех из

* Chattahoochee - река в США. Истоки - в штате Джорджия с Голубого хребта, течёт на юго-запад, затем на юг. Начиная от Вестпойнта, образует границу штатов Джорджия и Алабама.

** n'est-ce pas? (франц) - не так ли?

повтора Я люблю Люси* эхом разносится по лестнице; где-то звонит телефон, и мне все равно. Я не могу вернуться. Лучше бы я умер, как зверь в поле, амиго, лицом к луне, пустому небу и звездам, чем возвращаться; да, умереть с росой на щеках. Вот так, например: ржаво-красная луна висит низко над озерными лилиями, и листья дубов мерцают под ее светом. Нет ни звука в целом мире, кроме криканья уток в камышах, прорезающегося, когда умолкают лягушки. Там же гнездятся и цапли, большие белые цапли, которые каждый день уже в сумерках прилетают стаями, чтобы устроиться на ночлег в золотистых зарослях, и мы, после долгого жаркого дня, сидим под деревьями, чтобы понаблюдать за ними в приятных дуновениях бриза, слетающего с воды. Все цветет, азалии и кизил, воздух мягкий, подобно тальку, такой мягкий, что не возможно представить, чтобы здесь умирали люди; но представляешь, как они рассыпаются в прах, как печенье под дождем, печенье, тальк и азалии, опавшие и гниющие в настоящих сугробах из их же лепестков, — а в полдень, дорогуша, запах сосновых иголок поднимающийся от земли, когда идешь по лесу, окутывает словно облаком, и чувствуешь, как теряешь сознание. Здесь вдоль дорог каторжники подстригают траву под наблюдением человека с винтовкой; каторжники, цапли, азалии, ржаво-красная

* I Love Lucy (1951-1957) - американский сверхпопулярный телесериал в 8 сезонах и 180 сериях.

луна, водяные щитомордники* и пекановые** фермы, а за моим окном в этот момент бурый пересмешник спит у гнезда, которое сам и строит: приносит по одной веточке за раз, затем садится на ветку рядом, оглядываясь по сторонам, охраняя свою работу; это увлекательно и намного приятнее, чем те пропылившиеся голуби. (Как они там живут в той грязи? Как и я когда-то?)

Мальчики здесь в центре города ходят в джинсах, без рубашек, – долговязые, длинноногие южные мальчики.. Но здесь и наш ирландский священник, только что вернувшийся из миссии в Гвинее!

Мы ходим к мессе каждую неделю и довольно активно заняты церковными делами. Я влюблен в него, и в пересмешников, и в жаркое голубое небо, и в яркие белые облака под полуденным солнцем, и в сосны, щетинящиеся от жары, будто под током, и в мух, жужжащих над гардениями, и в красное, сумеречное небо, прочерчиваемое цаплями, летящими низко над озерной гладью.

В полдень я обычно лежу в гамаке в нашем саду и слушаю, как пересмешники снуют высоко в кронах дубов, наблюдаю кардиналов*** шныряющих в испанском мху****, свисающем с деревьев.

И скажу вот что: мы живем на ферме недалеко от небольшого городка, где полно почтовых

* water moccasin - ядовитая змея

** разновидность ореха

*** птица с ярко-красным оперением

**** цветущее растение, растущее на деревьях в тропическом и субтропическом климате.

служащих на пенсии, большинство из которых умирают от рака. Завтра мы с Рамоном пойдем к соседям, чтобы помочь установить септик. Не могу передать, как я счастлив, что помогаю устанавливать септик, вместо того, чтобы выслушивать друзей, которые звонят в три часа ночи и говорят мне, что собираются покончить с собой. Американцы — практичные люди! И нам требуются практические проблемы. Я бы ЛУЧШЕ помог кому-нибудь установить септик, чем обеспечил ему причину жить, — установить септик очень легко, но последнее, конечно, невозможно. Здесь нет Горячих Линий для самоубийц. Если здесь хотят покончить со всем, то выходят на озеро на лодке очень рано утром, когда семья спит, и вышибают себе мозги там, где способны что-то услышать лишь утки! Что экономит столь много сообщений, не правда ли?

Пиши. Мы забираем почту в Атланте раз в неделю, когда Рамон едет покупать удобрения, насосы и тому подобные вещи для больших девочек.

Агате-Элен де Ротшильд

Нижний Ист-Сайд

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Очевидность,

У нас тоже весна с прошлой недели — в воскресенье днем я спускался лестницей с

Коламбус-сёркл* в парк, и по запаху мочи из туалетов, ударившему мне в нос, стало понятно, что прошел год. В твоём старом районе, дорогуша, бомжующие дамы снова заняли на ночь ступени аптеки Св. Марка, шлюхи рассекают в секси-шортах, поляки выстраиваются перед зданием, где ты жил, в темных костюмах и при шляпах, как если в ожидании выезда кортежа. Все уже думали: Пришла весна! А потом за один день похолодало на тридцать градусов**, следующим утром пошел снег, Боба ограбили на Девятой улице, и мы снова вернулись к нью-йоркской зиме.

Вчера вечером во Фламинго*** была Белая вечеринка — пришли два мускулистых парня в ПОДГУЗНИКАХ, Боб был в топе от Холстона**** с блестками, там был и барон Эмберт, а также две египтянки, курсирующие вместе с Сазерлендом, — они спросили меня, не покрасить ли им свои киски! Я сказал им, что не следует привлекать внимание к неприятным вещам. Сазерленд заметил, что единственная причина, по которой он пришел, в том, что он не осмелился бросить вызов вечерним газетам; Хоббс тут же парировал, что благовоспитанная женщина появляется в печати только в трех случаях: рождение, свадьба и смерть.

* Columbus Circle - круговой перекрёсток в юго-западном углу манхэттенского Центрального парка.

** по Фаренгейту. На, примерно, 16 градусов по Цельсию

*** Flamingo (1974-1981) - закрытый, легендарный, гей-клуб в Нью-Йорке.

**** псевдоним известного в 1970-х годах нью-йоркского модельера Роя Холстона Фровика.

- Да, дорогуша, - ответил Сазерленд, - но я не настолько благовоспитан.

Музыка же была отвратительной: именно та музыка для катания на роликах, которую выпускают сейчас, когда дискотеки стали большим бизнесом. И только в шесть, когда почти все уже разошлись, включились хорошие ритмы. Джин Харрис всю ночь просидел на банкетке с чудесным пуэрториканским мальчиком, который облизывал его руку каждый раз, когда я смотрел, - я был уже готов к отправке в Белвью*.

Вот вам интеллектуальная жизнь, - я на самом деле так подавлен, что вчера вечером, когда Боб Чанеович сидел на моем лице, начал думать, как тщетна жизнь, что бы ты ни делал - все заканчивается Смертью, нам дано так мало времени, и все действительно так, как говорит Екклесиаст: Суета, Суета, суета-сует. (Конечно, это лишь заставило меня зарыться глубже, но все же - мысль никуда не делась.) Возможно, именно поэтому я ушел из Cadwalader, Wickersham & Taft** в прошлом месяце. Это правда. Я не мог более составить еще одно завещание, аккредитив или меморандум, поэтому начал зарабатывать на жизнь проституцией. Я очень хорош. Могу делать это с кем угодно: со стариками, с заячьей губой. Я ставлю клизмы, и один парень, который живет на Саттон-Плейс***,

* Bellevue - нью-йоркский крупнейший и старейший в США общественный госпиталь.

** старейшее юридическое бюро Нью-Йорка. Основано в 1792г.

*** Sutton Place - небольшой квартал в районе Ист-Сайд Нью-Йорка.

просто просит понюхать мои мокрые волосы. Сотня на ЭТОМ - легко! У меня есть один замечательный старик, который был сценаристом и знал ВСЕХ в Голливуде в тридцатые, - во время секса звонит телефон, и это всегда Джоан Фонтейн*!

Я также делаю много всяких штук с бандажом, с таксой в пятьдесят баксов (минус цена бандаж, который остается у них). У меня есть знакомый на 64-й улице, который наливает мне между ягодиц Bosco со взбитыми сливками и, пока я стою так, он дрожит!!**

(Мне сказали, что есть еще целый рынок грязного нижнего белья и вонючих бандажей - мы могли бы, наверное, сорвать куш?)

Что касается Сазерленда, то вчера он провел целый день в Бергдорфе* В ПОЛНОЙ ЭКИПИРОВКЕ - и в гаржетке**** от Холстона, которую ему тайно вынесли в магазине. И заявил продавщицам, что следует отправлять счета за покупки на его адрес в Ист-Хэмптоне! Кого боги хотят погубить, того они сначала сводят с ума.**

Твой первый очень подавлен; думает, что профсоюзы разрушают Запад, что люди больше ни во что не верят, а черные разрушили

*** Joan Fontaine (1917-2013) - англо-американская актриса, наиболее известна по ролям в голливудских фильмах во время Золотого века Голливуда (1927-1960гг.).**

**** итальянское игристое вино Bosca**

***** Bergdorf Goodman - универмаг класса люкс в Нью-Йорке. Основан в 1899г.**

****** маленький меховой шарф или цельная (с головой, лапами и хвостом) шкурка пушного животного, шейный аксессуар к женским часто декольтированным платьям, а также пальто в качестве воротника.**

город и проч. А вчера вечером на него напал белый подросток, и он провел остаток этого вечера в Белвью.

Меня самого вчера вечером избили трое сербохорватских охранников в отеле Plaza*, куда я поехал по вызову. (А я думал, что такие вещи случаются только в Восточной Германии!) Но не буду утомлять остальной частью истории, скажу только, что моя левая нога теперь в гипсе, и мы подаем на всех них в суд.

Так что, как видишь, ты ничего не упустил. Хотя все по тебе скучают. У меня есть еще одна вещь, которую я хочу рассказать, несомненно, более шокирующая, чем моя новая карьера, и вот: пока я восстанавливаюсь после вчерашнего «допроса», я начал писать роман, который хочу, чтобы ты прочел. Роман для геев, дорогуша. Обо всех нас. Не мог бы ты, не смог бы ты прочитать?

Ваша во Христе,
Мадлен де Ротшильд

P.S. Мне жаль, что все там умирают от рака, но будь осторожен; я начинаю думать, что рак заразен. Я бы не хотел потерять тебя именно сейчас.

* роскошный отель и жилой комплекс в Мидтауне на Манхэттене в Нью-Йорке. Постройка начала 20 века.

Три часа
Далеко на Юге

Безумие,

Я только что закончил намыивать алтарь в церкви ко Всемирному дню молитвы*.

Пожалуйста, присылай роман. Здесь идеальное место для чтения, и все, что я хочу сделать с этой жизнью — прочитать о ней. Рамон говорит: пиши короткие главы. Рамон еще говорит, что больше никто не способен на длительную концентрацию внимания, и именно поэтому мир столь несчастен. (Видит Бог, что это и к нам относится.)

Однако я должен предостеречь тебя, любовь моя: все это может быть забавным для нас, но кто, в конце концов, хочет читать о девочках**? Гейская жизнь очаровывает лишь потому, что это жизнь, на которую ты и обречен. Но если бы ты был семейным человеком, возвращающимся домой поездом в 5:43 в Чаппакуа***, я не думаю, что ты хотел бы читать о мужчинах, которые сосут друг другу письки! Даже если люди принимают педиков**** по доброте своей, даже если они переносят бедняжек, они не хотят знать, ЧТО ТЕ ДЕЛАЮТ.

Каноны вкуса следует соблюдать, дорогуша. Люди в любом случае устали слушать о сексе.

* международная христианская женская инициатива. Проходит под девизом «Осознанная молитва и молитвенное действие» ежегодно в более чем 170 странах в первую пятницу марта.

** sissies в оригинале.

*** Chappaqua - маленький город в 50км от Нью-Йорка. Население ок. 3 тыс. человек. Основан в первой половине 18 века.

**** fags в оригинале

История любви мальчика к мальчику никогда не покорит сердца в мире так, как история любви мальчика к девочке. (Или любви мальчика к своей СОБАКЕ — если бы ты смог рассказать подобное еще раз, эта страна сделала бы тебя богатым, будто Крёз*!) Также придется сделать роман очень грустным — мир требует, чтобы жизнь геев, как и жизнь Очень Богатых, была в конечном счете грустной, поскольку все в этой стране верят в глубине души, что для счастья нужны двухэтажный дом в пригороде и СЕМЬЯ: жена, 2,6 ребенка, фургон, большая собака, вяз с покрывкой, подвешенной на веревке к ветке этого дерева. Заклинаю, дорогуша, здесь, как и в любой другой стране, не так уж много разногласий; весь мир хочет быть похожим на Трех Моих Сыновей. Итак (а) люди переблются от романа о мужчинах, которые сосут член (не говоря уже о Других Вещах!), и (б) они будут требовать, чтобы он был в конечном счете жестоким и/или трагичным, а зачем им уступать? В любом случае, — вопреки активистам, которые хотят, чтобы мир поверил не только в то, что Гей — это Хорошо, но и в то, что Гей — это даже Лучше, — в жизни геев есть свои печали. Твой роман может послужить исторической цели — хотя бы потому, что молодые**

* царь Лидии, Малая Азия, правивший в античные времена и получивший известность легендарным личным богатством.

** My Three Sons (1960-1972) - американский телесериал. Сюжет - хроника вдовца и авиационного инженера Стивена Дугласа, который воспитывает троих своих сыновей.

королевы в наши дни совершенно неотличимы от гетеросексуальных мальчиков.

Двадцатилетние совершенно спокойно относятся к тому, что они геи, не считая себя обреченными. Кто-то должен запечатлеть безумие и отчаяние королей старых времен, Великих королей, истории которых, в отличие от той же Елизаветы Австрийской* (!), никогда не были рассказаны: Сазерленд, Та, Которой Должно Повиноваться, и Эпштейн – настоящие психи этого общества, отказывающиеся маскироваться ради его же блага.

Однако я не думаю, что роман – это хроника времени; полагаю, все, что должно делать литературное произведение, это рассказывать, каково было впервые прикоснуться к губам Фрэнка Ромеро** жарким августовским днем в туалете Les' Café по пути на Файер-Айленд***. Если ты можешь сделать это, будет божественно!

Поэтому думаю, что задача почти невыполнима, но почему бы и нет. Я бы с удовольствием посидел под сенью испанских мхов со стаканом лимонада и ореховым пирожным, почитывая роман, написанный моим близким другом! Как это по-южному! И с каждым днем я все больше люблю Юг.

Единственная часть этой страны, где есть хоть какие-то манеры, и только потому, что

* Императрица Австрии и королева Венгрии с 1854 по 1898гг. Трагически погибла от рук анархиста-убийцы.

** театральный актер, гей-активист в Нью-Йорке 1970-х.

*** **Fire Island** - один из островов побережья Нью-Йорка. Место постоянных вечеринок и курорт.

у людей больше нет манер, они отваживаются на различные вредоносные для себя действия. Прилагаю одну азалию, бледно-розового цвета; не знаю, какой она будет, когда ты ее получишь.

Элен де Севинье

Полночь

Нижний Ист-Сайд

Бред,

Только что вернулся от епископального священника, который, по-видимому, очень популярен среди своей паствы маленького городка в Коннектикуте, — втройне шикарно, конечно. Этот человек такой красивый, такой остроумный и такой обаятельный — он читал мне псалмы, а потом заставил меня избить его рукояткой мачете и плюнуть в лицо (довела популярность, полагаю). А потом я пошел в *Pierre**, где живет Дункан Ур, парень с одним из крупнейших трастовых фондов в Нью-Йорке и одним из самых больших членов (двойное сокровище). Он довольно умен, но проводит в *Pierre* весь день, ест спагетти и смотрит повторы Я люблю Люси и приглашает к себе мальчиков; или ходит по саунам ночью. Однако это было довольно неловко, — **МЫ ЗНАЛИ ДРУГ ДРУГА ПО ШКОЛЕ**!**

* *The Pierre* - роскошный отель с видом на Центральный парк Нью-Йорка. Открыт в 1930г.

** Choate в оригинале. *Choate School* до 1978г. частная школа-пансион для мальчиков в Уоллингфорде, штат Коннектикут. Основана, как и *Rosemary Hall* (школа для девочек), в 1890г. В 1978г. по настоящее время оба учреждения объединены в *Choate Rosemary Hall*.

Хотя он совершенно забыл об этом, пока я не напомнил ему, после того, как наша сделка состоялась.

Не знаю, использовать ли в качестве цитаты в начале моего романа строку Ницше или Ширелл*:

Мир никогда не сможет стать таким,
Каким ты хочешь, чтоб он был.

(из «Будешь ли ты еще любить меня и завтра?»**)

На самом деле, не знаю, должен ли роман быть написан в духе Тетушки Мейм*** или Упадка и разрушения Римской империи****; в нем есть элементы и того и того.

Что касается твоих возражений, — которые я оценил, — соглашусь с Рамоном, у всех слишком ограниченное внимание, и это именно то, что не так с миром; впрочем, как и то, что никто не хочет читать о педиках!

Но я ничего не могу поделать с тем, что я гей. Я был последовательным педиком последние пять лет, как я понял на днях. Все, кого я знаю, геи, все, что я делаю, — гейское, все мои фантазии — гейские, я — то, что Гас называл теми людьми, которых постоянно видят на дискотеках, в барах,

* The Shirelles (1957-1982) - довольно популярная гёрл-группа в США.

** Will You Still Love Me Tomorrow - композиция The Shirelles с альбома Tonight's the Night (1960.)

*** Патрик Деннис Auntie Mame: An Irreverent Escapade/Тетушка Мейм: Непочтительная выходка (1955).

**** Эдуард Гиббон The History of the Decline and Fall of the Roman Empire/История упадка и разрушения Римской империи (1776)

в саунах, — помнишь? Те самые, которых мы привыкли видеть ВЕЗДЕ, каждый раз, когда выходишь куда-то, так что хочется вызвать полицию, арестовать их? — Я обреченная королева.

Я ХОТЕЛ бы жить счастливо женатым адвокатом с домом в пригороде, 2,6 детьми и фургоном, в котором мы каждое лето выезжали бы посмотреть Гранд-Каньон, но я не такой! Я законченный, безнадежный гей!

На самом деле, когда Стэнфорд* прислал мне анкету с вопросом о самом ярком впечатлении за последние десять лет жизни, мой внутренний голос ответил без колебаний: сосать член Альфредо Монтавальди. (Это, конечно, значило больше, чем семинар профессора Леона о Чосере.)**

Но позволь заверить тебя, мой роман не о педиках. Речь идет о нескольких персонажах, которые просто оказались геями (знаю, это клише, но это правда). В конце концов, большинство педиков такие же скучные, как и натуралы — они начинают бизнес с любовниками, оказываются в Голливуде, Флориде, с собаками и в трикотажных штанах, и у меня нет желания писать о них. Что можно сказать об успехе? Ничего!

*

Stanford University - частный исследовательский университет в Стэнфорде, штат Калифорния. Один из крупнейших в США. Основан в 1885г.

**** Geoffrey Chaucer/Джеффри Чосер (1343-1400) — средневековый английский поэт. Один из основоположников английской национальной литературы и литературного английского языка.**

Но неудачники, — крошечный подвид
гомосексуалов, обреченные королевны,
которые включают передачу и несутся к
пропасти! Это завораживает. Педики,
считающие себя никчемными, потому что они
извращенцы, впадают в деградацию и
мерзость! Это как раз те, с кем и
подружился Христос, а не придурки из
центральных городских рекламных агентств,
которые выезжают в Сент-Китс* в феврале!
Эти люди мне СМЕРТЕЛЬНО надоели! (Один из
моих клиентов акционер фирмы по
производству картофельных чипсов, — он
любит, чтобы я садился ему на лицо.)
Так что, видишь ли, я написал только о
небольшом подвиге: обреченные королевны.
Carisce? **

Снова очень холодно; я шел мимо женщины,
которая живет по соседству, поднимаясь по
лестнице, — она была пьяна, как обычно, и
ей пришлось схватиться за перила, чтобы не
упасть. У нее такое грустное лицо,
поблекшее лицо женщины, которая когда-то
была красивой, а теперь — просто смирилась,
и меня прошиб озноб. ВОТ о чем я хочу
написать — почему жизнь ПЕЧАЛЬНА. И что
люди делают ради Любви (все) — неважно, геи
они или нет.

Виктор Гюго

* St. Kitts and Nevis/ Сент-Китс и Невис (Федерация Сент-Китс и Невис)
— государство в восточной части Карибского моря, состоящее из двух
островов — Сент-Китс и Невис.

** понимаешь? (итал.)

Ровно в полдень
Испанский мох и ягодные клещи

Жизнь во всей ее очевидности,
Только что вернулся со сбора клубники —
крупная, красивая, — так приятно работать
на земле, дорогуша, чувствовать Грязь под
ногтями, — и не звонить по телефону, для
разнообразия! (О, эта засаленная трубка!)
Не могу передать, какая тишина и
умиротворение на дворе. Полдень, любовь
моя; все недвижимо из-за жары; полная
тишина, даже птицы дремлют; слабый ветерок
струи́тся сквозь сетку, ветерок много более
ласковый, чем губы любого любовника-
человека; и я исполнился полного
умиротворения со вселенной. И сколь много в
этом!

Вчера я немного очистил от травы землю
вокруг пальмы, чтобы удобрить ее (здесь
фермеры используют банановую кожуру, она
обогащает почву калием), и обнаружил
блестящее, почти как вода жидкое, тело
змееньша — полосатое, серое, влажное
тельце, подраставшее до этого в маленькой
пещере из травы и земли рядом со стволом; я
также нашел яйцо черепахи, очень белое, с
прожилками, подобное мрамору или кусковому
сахару; и красивого мальчика в лодке с
веслами, ловившего рыбу в водорослях у
берега, с охотничьим ножом за поясом, среди
всей этой тишины и жары.

Прости, что утомил всем этим. Однако
новостей здесь, как можешь себе

представить, нет, кроме моего черепашье-
го яйца и того, что органист в церкви заболел,
а также бабушки Рамона, которая приехала к
нам в гости. Так вот, вчера вечером, когда
я купал сеньору Эчеваррию, мне пришло в
голову, что настоящая печаль гей-жизни в
том, что она отрезает нас от такого опыта:
находиться в темной комнате в сумерках
весеннего вечера, вытирая лоб старой
кубинской леди, (которая, по крайней мере,
не утверждает, что происходит из богатой
аристократической семьи Гаваны, как все эти
королевы в Нью-Йорке), пока Рамон говорит
с ней по-испански (увы, я знаю только
французский; и почему? Потому что, когда
впервые приехал в Нью-Йорк, Сазерленд
сказал мне, что для социального успеха
среди королей в Хэмптоне есть только два
требования: идеальный французский и большой
член), и здесь, в этой комнате, так много
ЖИЗНИ, не той тепличной, искусственной,
отчаянной жизни, которую мы вели там, в
Готэме*, а ЖИЗНИ, как она есть, во всей ее
сложности и богатстве. Ибо, в чем настоящая
печаль обреченных королей? В том, что они
бегают стаями друг с другом, ожидая
появления очередной гусиной лапки,
выгадывая, сколько еще сезонов смогут
провести на Файер-Айленде, прежде чем

* **Gotham** - давнее прозвище Нью-Йорка, получившее распространение с 1807г., когда одна из сатирических газет сравнила город с деревней Gotham/Готэм в английском графстве Ноттингемшир, известной всякими безумствами, но и философскими изречениями, одно из которых: *видимо, через Готэм проходит больше дураков, чем остается и стало, вероятно, решающим для сравнения с Нью-Йорком.*

придется снять дом на севере штата и затвориться в нем. Гомосексуальность — вроде школы-интерната, где нет каникул. Боже мой!

Дункан Ур — прекрасный пример, и его накрыло от этого много лет назад. Ты знаешь, он сумасшедший. Совершенно теряет контроль, если кто-то его отвергает. Он вламывался в дома на Файер-Айленде, перелезал через кабинки в банях. Однажды в Эверарде* я был занят сексом с корейцем-виолончелистом, поднял глаза в порыве страсти, и вдруг увидел, как Дункан спускается по стене надо мной, словно человек-муха.

— Не обращай на меня внимания, просто продолжай в том же духе, — лишь сказал он и продолжил взбираться на корейского парня, который уже был на мне (кореец же ничего не сказал; восточные люди такие вежливые). Я тогда спросил Дункана, не сложно ли заниматься такого рода сексом, а он ответил:

— Нет, все дело в ритме, раз-два-три, раз-два-три, как в танце! (Именно подобные замечания, дорогой, заставили меня осознать, что нужно убираться из Нью-Йорка, каким бы божественным ни был этот город!)
А где роман?

Герцог де Сен-Симон

* Everard Baths - гей-сауна в Нью-Йорке еще с 1888г. Закрылась в 1986г.

Семь утра,
Нижний Ист-Сайд

Бытие,

Нет ни отопления, ни горячей воды, и окна вздрагивают под ударами ветра, пока я печатаю это письмо тебе после того, как не спал всю ночь, чтобы закончить роман. Я здесь могу видеть кухню квартиры за моей, через пожарную лестницу. Кухня очень аккуратная, — там живет японская девушка, — и у нее на полках выстроилось в ряд следующее: Tide, Comet, средство для мытья посуды Dove, гель для стирки Woolite, отбеливатель Clorox — точь-в-точь все, как у меня!!!

Превосходная история о Дункане Уре, и поверь мне, только одна из многих. Он был очень умным мальчиком в школе, но всегда отчаянно влюбленным, конечно. Немного неловко видеть его в таком контексте, но в моих делах никогда не знаешь, кто откроет дверь.

Во Фламинго вчера была черная вечеринка — просто изумительно; живые модели делали фистинг на платформах, порно на всех стенах, а все кожаные королевны Нью-Йорка мочились друг на друга в тайной комнате. Какое декадентство, нес-па? Но и скучно, — я ушел до двух, но когда выходил, услышал тихий голос совсем рядом:

— У нас будет небольшое Распятие, лишь несколько друзей, на углу Парковой и Семьдесят пятой после вечеринки, придешь?

Я обернулся, – это был Сазерленд с двумя его египетскими воспитанницами, полностью в коже с молниями на спине и крошечными отверстиями для ушей, носа/рта! Они такие БОЙкие! И такие шикарные!

Итак, зрю, роман готов, наконец; в конце концов, он о Сазерленде – и Мэлоуне. Ты этого ожидал? Людей чествуют по совсем неправильным причинам, думаю, – люди должны быть известны и прославлены тем, что они хорошие, – Мэлоун таким и был, – и его история самая грустная из всех, каким-то образом. Я назвал книгу Дикие Лебеди; как думаешь, люди сочтут, что это о птицах?

Итак, я иду, дорогуша, на почту, отправлять, а потом по вызову: к пилоту Люфтганзы. И это звучит как нечто, что я сделал бы бесплатно! Но тогда секс потеряет для меня значение; он слишком бессмысленный.

О, на прошлой неделе я обнаружил венерические бородавки на своей заднице. Я выжег их у доктора Джонса, в той клинике, которой он заведует на Лексингтон-авеню; если прийти к нему со сломанной ногой, он сразу скажет, – это сифилис – какой ужас/успокойся.

Азалии прибыли темно-фиолетовыми. Спасибо. Я выбрал Сантаяну* и Йейтса.

Прилагаю: один из первых романов
(я не менял имена; там нет беззащитных,

* George Santayana (1863-1952) - испано-американский философ, эссеист, поэт и писатель.

нуждающихся в анонимности!)

***Ваша во Христе,
Мари де Ментенон***

1

Он был тем человеком, чье лицо я мельком заметил на дискотеке лишь однажды зимой, но именно мне в итоге пришлось вернуться на Файер-Айленд, чтобы забрать его вещи. Так вот, мой отец любил говорить, а я согласен с ним: нет ничего более печального, чем перебирать вещи умершего друга: что можно использовать, а что следует отдать на благотворительность.

Но Мэлоун едва ли был даже другом, — чем-то гораздо одновременно большим и гораздо меньшим, возможно, — и поэтому так странно было ехать туда вчера. Прекрасным осенним днем в последней неделе октября. И когда на такси проезжаешь от железнодорожной станции в Сэйвилле* к докам, то вряд ли эта деревня будет выглядеть более привлекательной в другое время. В самой тишине царил молчаливый праздник конца того долгого летнего сезона, когда сотня такси в день,

* Sayville - поселение на южной оконечности Лонг-Айленда, полуострова около Нью-Йорка.

таких как наше, пересекают улицами между железнодорожной станцией и доками, перемещая жителей Манхэттена через мелководный залив к их гулянкам и попойкам на пляжах Файер-Айленда. В принципе, это было путешествие меж островов: от Манхэттена до Лонг-Айленда и Файер-Айленда, но последний из трех был всего лишь песчаной косой, тонкой, как легкий взмах кисти вдохновленного художника, отсекающей Атлантику, - самой последней полоской земли, на которой человек мог бы построить дом и оставить позади весь, абсолютно весь, огромный континент на западе. Есть горожане, похваляющиеся, что никогда не были к западу от Гудзона, но измученные души, которые отправляются каждые выходные летом в свои дома на этой длинной песчаной косе, известной среди определенных людей как Опасный остров (опасный, потому что здесь можно потерять свое сердце, свою репутацию, контактные линзы), с еще большим презрением дистанцируются там от Америки: здесь они свободны, наконец-то свободны. Ну, теперь в деревне Сэйвилл установился полный покой. Напряженный сезон остался позади, и пока такси, медленнее, чем обычно, проплывало островками солнечного света и багряных листьев, сменялись, одна за другой, картины из жизни маленького городка. Дети играли в футбол в городском парке, еще один футбольный матч разворачивался на школьном поле, мальчики на велосипедах лениво выписывали круги на

парковке супермаркета, семьи сгребали листья на задних дворах своих домов. Это была та сцена, которая Мэлоуна всегда захватывала сентиментальностью. Он всегда проезжал через Сэйвилл с трепетной нежностью к этим большим белым домам и открытым передним дворам с низкими частоколами, увитыми розами. Всегда оглядывался, проезжая мимо, и говорил, что это быть может и есть тот идеальный город, который всегда ищешь, где вязы и лужайки сочетаются с людьми, которых любишь. Но эти летние такси неизбежно лишь пересекали этот городишко, подобно фургонам с заключенными, которых переводят из одной тюрьмы в другую — с Манхэттена на Файр-Айленд, — когда все, о чем мы мечтали, на самом деле, в наших самых сокровенных мечтах, и было именно таким городом, как этот, — тихий, зеленый, в стороне от снобизма и амбиций большого мира; мира, который мы не могли покинуть. — Разве это не прекрасно? — восклицал Мэлоун, когда мы проезжали мимо девочки, делающей стойку на руках на лужайке у дома, и молодой женщины, ведущей стайку детей по пятнистому тротуару. — Почему бы нам просто не снять дом здесь следующим летом? Но он знал, что мы этого не сделаем, и знал, что он этого не сделает, потому что уже сейчас предстоящее бурлило в крови, мы даже сидели наклоняясь вперед, почти слыша звуки вечеринок по ту сторону залива, и наш фургон мчался по улицам, чтобы водитель мог успеть за новой партией искателей

удовольствий, настолько одержимых им, что они проезжали, кажется, прямо сквозь Счастье, его более тихую разновидность, процветающую под всеми этими зелеными вязами. Мы проносились через всякого рода пеструю домашнюю повседневность, действительно, как заключенные этапом из тюрьмы в тюрьму, но заточенные лишь в нашей собственной искушенности и снобизме. Правда была в том, что город напомнил Мэлоуну его дни в школе-пансионе в Вермонте; вид футбольного мяча, взмывающего дугой на фоне зеленой стены леса, вызывал у него страстный вздох искреннего сожаления. Он всегда выглядел как студент, только что вернувшийся с игрового поля, с сияющими после дневной игры в футбол глазами. И он всегда выглядел так, даже в полумраке станции подземки на самой грязной улице Манхэттена.

– Люди – глупцы, потому что возвращаются домой после Дня труда*, – бормотал Мэлоун в тот солнечный день. – Надо выдвигаться после Дня труда, – добавил он; но тогда он постоянно пытался сделать свои развлечения более изысканными. Но и любил побережье осенью, когда толпы рассеивались, а зимой вообще имел привычку выбираться потанцевать в пять утра, и почему? Потому что тогда основной поток уже схлынул, и диджей** больше не играл для посетителей, переключаясь на друзей, и это были лучшие

* Labor Day - отмечается в первый понедельник сентября.

** discaire (франц) в оригинале.

треки. Именно поэтому он очень хотел, чтобы все его друзья были рядом с ним за городом, созерцая смену времен года в деревенской долине, которая так и не нашлась.

Гнусавый голос, трещащий в такси по радио летом, теперь безмолвствовал, столь же звонко, как и недвижимый воздух, за исключением одного всплеска своего рода статики, когда водителя известили, что нужно забрать миссис Траскотт, которая хотела пройтись за покупками, на улице Вязов 353. Таксист сообщил, что заберет даму через пять минут — новость, которая, должно быть, наполнила радостью ее сердце, потому что летом миссис Траскотт приходилось ждать, пока всякая шушера из рекламных агентств, врачи, дизайнеры, модели и продюсеры доберутся до своих домов на побережье.

Пока такси стояло, ожидая на перекрестке улиц в ярком, искрящемся воздухе конца октября, мы тупо смотрели в окна на осень, которую позабыли, обитая в городе, на осень, пламенеющую здесь, посреди домиков и коттеджей вдоль залива. Фургон прокатился последней пестрой улицей, повернув за угол, открывая нам зрелище, которое всегда ускоряло сердцебиение: болотистые заливчики, где заканчивались деревья, предоставляя возможность уже мачтам кораблей подниматься ввысь.

Однако паромы перестали ходить месяц назад, и пока мы ждали нанятую моторную лодку для переправы, единственным звуком в этом

свежем, чистом воздухе был стук молотков, окруживший нас, когда люди в шерстяных шапках ремонтировали свои лодки в сухом доке.

- Я не собираюсь проводить здесь следующее лето. Поеду на запад, буду жить в палатке в Африке, сделаю все, что угодно, только бы не тратить впустую еще одно лето на острове, - заявил однажды Мэлоун.

- Впустую? - переспросил Сазерленд, повернув слегка голову, будто услышал щебетание птицы позади, в кустах. - Кто вообще впустую тратит лето на острове? Да ведь это единственное противоядие от смерти, которое у нас есть. К тому же, - продолжил он, выпуская струю дыма, - ты прекрасно знаешь, что если бы ты отправился в Африку, то лежал бы в палатке среди газелей и львов и даже не отдернул бы полог, чтобы посмотреть на них, потому что размышлял бы лишь о том, кто там танцует с Фрэнком Постом и будет ли Луис играть *Местный закон**. Не будь дураком. Даже не думай сбежать. Не сможешь!

Ничего зловещего в месте, против которого Мэлоун так отчаянно протестовал, когда наша моторная лодка вошла в гавань по ту сторону залива, не было. Остров простирался в том же самом осеннем свете, что и Сэйвилл.

Только одна большая белая яхта швартовалась там, разделяя бухту с семейством перелетных гусей, и когда проплывали мимо, мы заметили

* *Law of the Land* (1973) - песня в стиле соул, написанная Норманом Уитфилдом, считающимся одним из создателей стиля Motown и психоделического соула в частности.

крупную женщину в вишнёвой теплой блузе, игравшую в карты на кормовой палубе с молодым человеком в худи. Они помахали нам, эта довольно забавная пара, и мы помахали в ответ. Маркизы в *Ботеле** были сняты, раздвижные стеклянные двери заколочены листами фанеры с налипшей палой листвой, принесенной недавним ливнем. Он никогда не выглядел настолько невыразительным. Когда мы сошли на берег, не просматривалось ни души.

Сразу заметно, что воры из поселков Лонг-Айленда переправлялись сюда ближе к зиме, обчищая дома. Мы проезжали одно большое запущенное владение за другим: дома с башенками и стекленными крышами, дома с флагами, поникшими в безветрии, дома, похожие на замки, похожие на хижины, прячущиеся в лесах, и дома, выставленные напоказ. Провисающие электрические провода блестели под еще ярким октябрьским солнцем. Листья скопились под деревьями, а кустарники стали местами бледно-бордовыми. И поверх всего этого тончайшие пряди облаков лишь подчеркивали пронзительную синеву неба. Поднявшись на возвышенность, мы увидели и протянувшуюся вдоль пляжа, в укромных уголках домовладений, вереницу ярко-бирюзовых бассейнов, до нелепости полных. Когда мы добрались до Мэлоуна, мы прошли к бассейну, стояли и смотрели туда,

* *Fire Island Pines Botel* - модное место тусовок и вечеринок, а также показов мод. Комплекс включает яхт-клуб и отель с бассейном. Сейчас - *The Hotel Fire Island Pines*. Историческое здание было построено в 1960г., после пожара в 1959г.

— на бассейн, в который все пуэрториканские мальчики ныряли с балкона, с крыши, в наркоугаре, — а затем обошли по периметру и на мгновение взглянули на апатичное море. Того зеленого цвета пустой бутылки из-под кока-колы. В тишине и спокойствии. Но прошел сильный шторм, потому что пляж совсем не походил на тот, на котором мы провели все лето — его полностью смыло, а вместе с ним и само лето: музыку, яркую одежду, танцы, влюбленных. Море проложило новый с незнакомыми бухтами и холмами. Я развернулся к дому, — известному своими счетами за электричество (три тысячи в месяц), вечеринками, людьми, приезжавшими сюда, и их развлечениями. В просторной спальне на втором этаже с видом на бассейн и океан мы открыли шкафы, выдвинули ящики и начали сортировать одежду Мэлоуна. Эта одежда! Рубашки-поло *Ralph Lauren*, костюмы от Холстона, куртки *Ultrasuede**, футболки всех оттенков, выбеленные штаны и джинсы, художественно изляпанные масляными красками, рубашки в клетку, прозрачные пластиковые ремни, джинсовые куртки и бомберы, армейская форма и старые вельветовые брюки, жуди, бейсболки и всевозможная обувь, выстроенная рядами под штабелем обувных стоек вдоль стены; кто-то однажды ушел отсюда, и все, что он смог рассказать друзьям об этом доме, что у Мэлоуна в шкафу сорок четыре стойки только

* ультразамша (1970) - патентованный бренд тканей, заменителей замши, из ультрамикроволокна.

для обуви.

Там были ящики и ящики спортивных костюмов, рубашки *Ronald Kolodzie**, лосьоны и кремы *Estee Lauder*, и опять, - ящики и ящики плавок, которых у него было двадцать восемь, спортивного и свободного стиля. А потом уже ящики с одеждой, которую Мэлоун действительно носил и которую хранил со времен учебы в вермонтской школе-пансионе: старые брюки цвета хаки, рубашки на пуговицах до самого низа с маленькими воротниками (как человек, вхожий в круг самых модных дизайнеров, он ненавидел перемены в стиле), пара утоптаных теннисных кроссовок, старый твидовый пиджак.

А в одном из ящиков не было ничего, кроме тридцати семи футболок разных расцветок, тех самых, которые он сам выбеливал или красил: нежно-сливовые и бледно-креветочные, сельдереевые зеленые и во всех оттенках желтого, его любимого цвета. Он обшаривал магазины армейских и военноморских товаров нижнего Манхэттена в поисках футболок, нижнего белья, рубашек в клетку и старых, выцветших джинсов. Еще тридцать две клетчатые рубашки висели в шкафу, а комод был полностью заполнен джинсами, выцветшими до разных оттенков синего.

Наконец я поднялся, подавленный всем этим, — ведь что это, как не символ невинного

* Рональд Колодзи - американский модельер, получивший известность оригинальными шоу-демонстрациями своих работ.

— ведь что это, как не символ невинного сердца Мэлоуна, неиссякаемого желания нравиться?

В Нью-Йорке есть парни, чьи любовники умерли от наркотиков, а их одежду те отдают своему новому любовнику без какой-либо тени сомнений; но одежда мертвеца всегда казалась мне отвратительной, поэтому я оставил дальнейшую сортировку своему другу и пошел бродить по остальной части дома. Дом со всеми его избыточными беседками и другими закутками снимала итальянская принцесса, пребывавшая все лето на Манхэттене в своих кондиционируемых комнатах над Центральным парком, поедая хот-доги, — и желавшая иметь, помимо всего прочего, местечко на случай, если однажды летом захочется выбраться на пляж. Она сняла его, а Сазерленд, — со своим особым талантом изыскивать таких экстравагантных благодетелей, — воспользовался им во второй половине лета для себя и Мэлоуна.

Но теперь здесь было тихо, и я, развернувшись, пошел обратно пустыми комнатами, лишенными того куража, который когда-то и тратил все это электричество, как человеческое, так и нечеловеческое, наполнявшее их пространство. Здесь сменялась целая череда мальчиков-прислуги, — их заменяли с такой же легкостью, как предохранители в распределительном щитке. Один из таких, танцор из Айовы, обнаружилось, неделю сдавал комнаты всяким случайным людям за пятьдесят долларов

в день. Позже, когда тот начал карьеру наркоторговца, ему прострелил голову на манхэттенской Сент-Маркс-Плейс киллер-мафиози; похороны же его были более пышными, чем любая вечеринка этой зимы. Что ж, все эти личности исчезли, и дом был пуст.

И пока я так бродил, чувствовал потаенное удовольствие, которое всегда сопровождало меня в местах, откуда ушли их обитатели: общая спальня школы-пансиона в день выпуска, церковь после мессы, бунгало у моря в окончании сезона. Было что-то безмолвное, но красноречивое в таких местах, будто выслушиваешь очень старую историю о потерях, тщете и мире. Почтовые отделения в маленьких городах, поздно ночью... и все такое.

Октябрь на Файер-Айленде прекрасен отчасти потому, что его покинули все те, кто еще недавно был здесь. И разве не в этом вся прелесть любви, почему и Мэлоун был столь гениален в такого рода вещах, в нашей постоянной борьбе, чтобы выделить из толпы единственного человека, с которым уже и общество ничего не значит? Были, конечно, такие, чья связь становилась чисто публичной, чей союз состоял из того, что другие считали их любовниками, но причина, по которой я любил пляж осенью (помимо элегантности погоды и света, который подобно яркой эмали расцветчивал все, от плотников до бабочек и кончиков травы на дюнах), заключалась в том, что теперь

притворный социальный организм исчез, оставив все таким, каким Мэлоун всегда и хотел видеть: рыбацкой деревней, в которой, предположительно, никто не лгал друг другу. Внезапное желание вспомнить прошедшее заставило меня на мгновение сесть на ступеньки, ведущие к пляжу, на те ступеньки, где в жарком августовском солнце мы отдыхали от обжигающего песка, прикрывая глаза, рассматривая чьи-то фигуры в ослепительном свете. Тем летом там появилась карлица, приземистая женщина с гидроцефальной головой*, которая бродила по пляжу среди всех этих красивых молодых людей, словно какой-то аллегорический персонаж. Был там и ветеран Вьетнама, потерявший на войне ногу, – он прогуливался по песчаной кромке у воды, одетый в кожаную куртку при самой жаркой погоде, ковыляя с тростью.

Он утонул в воскресенье, как утонуло множество купающихся. Не далее как в двадцати футах** от ступенек, на которых я сейчас сидел, весь день лежал его труп, накрытый лишь простыней, потому что полиция была слишком занята, чтобы убрать тело, а в пяти футах*** от него расположились гревшиеся на солнце люди и восхищались человеком, который только что спас жизнь совсем юному мальчику. Смерть и страсть, смерть и страсть.

* т.е. имеющей видимое утолщение на макушке и скошенной несколько назад.

** около 6м

*** ок. 1.5м

Все то долгое, безумное лето вдруг
вернулось под лучами бледного, далекого, но
еще теплого солнца, блистающего высоко над
пустынным морем. То лето, когда спортивные
шорты входили в моду в качестве плавок,
лето, когда Фрэнк Пост (каждую весну
раздумывающий о самоубийстве, потому что не
мог взять высоту снова — быть самым
чувственным и красивым на Острове, —
гомомиф, к которому стремился каждый, — но
умудряющийся не пренебрегать спортом,
принимать таблетки и осилить еще один
сезон) брил тело, надевал спортивные штаны
на Чайные вечеринки*, при том, что его
любовник умер от передозировки ангельской
пылью** и метакваломом***. Лето, когда Я
всегда буду любить Маму**** крутили весь
сезон, а мы никогда не уставали от этого.
Лето, которое началось с Львиной вечеринки,
а закончилось вечеринкой в Розовом-и-
Зеленом, (устроенной Сазерлендом, и с
которой Мэлоун исчез). Лето, когда
обнаженные, солнечные ванны стартовали и
лето, когда Тодд Келлер из Лагуна-Бич стал
для всех самым желанным парнем, а
ангельская пыль — самым желанным
наркотиком. Лето, когда Кенни Ламара
арестовали в баре за то, что он
разнюхивался попперсами, лето, для

* Tea Dance - изначально подразумевали вечера встреч для гей-знакомств в
небольшом кругу, но очень быстро приобрели формат крупных вечеринок.

** сленговое наименование РСР

*** снотворное и седативное лекарство.

**** *I'll Always Love My Mama* (1973) - очень популярный сингл
филадельфийской соул- группы **The Intruders**.

некоторых ставшее не таким уж и хорошим, лето, когда его же гости запустили праздничный торт прямо в лицо Эдвину Джильо, – так они все его ненавидели, лето, когда развалился настил у Лаймана Куинна прямо в разгар вечеринки *Солнечный удар*, где было две тысячи человек; лето, когда в июле кит выбросился на берег недалеко от Уотер-Айленда*, а в августе у берега заметили плывшего северного оленя. Лето, когда Луи Дерон щеголял в противогазе, а *Луи Виттон* обрел популярность, вместе с часами *Танк* от *Картье***, *Лакост* же вышел из моды. Лето, когда вообще рюкзак стал вдруг востребованным, лето, когда продуктовый сменил владельца, и люди начали беспокоиться о мусоре, дрейфующем в трех милях от берега в Атлантическом океане, лето, когда Джордж Ренфрю снял дом Кейнов и построил там новый бассейн для вечеринки, посвященной *Эстер Уильямс****, лето, когда новый полицейский сводил всех с ума, а Хорст Желлаби начал вывешивать флаг страны своего любовника в течении недели: достаточно было увидеть флаг Аргентины, чтобы понять, что он охмурил красивого врача, приехавшего из Буэнос-Айреса, или флаг Колумбии, чтобы понять, что тренер национальной сборной по футболу в этот момент в его постели.

* **Water Island** - уединенный поселок на южном побережье Файер-Айленда

** **Cartier Tank**, модель 1917г.

*** **Esther Jane Williams** (1921-2013) - популярная актриса эры ч/б кино, но и спортсменка-пловчиха, успешно занимавшаяся бизнесом так, что ее имя стало брендом для линейки коттеджных бассейнов.

Лето, когда модели переместились на пляж Уотер-Айленда, чтобы скрыться от толп, каждое лето набегающих на пляжи Файер-Айленда во все большем количестве. Лето, когда две Сессны* столкнулись в воздухе, и с неба в рошу, где постоянно занимались дневным сексом, вдруг обрушились тела. Лето, когда какой-то безымянный продавец погиб, пытаясь разнюхаться попперсом на дне бассейна... Все это как размытое пятно, все эти лица, вечеринки, праздники и непогода; как и все недели, месяцы, годы в Нью-Йорке, - все исчезло, слившись в одно неразличимое, размазанное пятно, жизнь ускорила, стала настолько переполненной, что ничего не выделялось.. люди ждали, как когда-то в один осенний уик-энд здесь, урагана, который выступил бы своего рода неистовой кульминацией, но не дождались. Одинокaя фигура виднелась посреди опустошенного пляжа, - кто-то прогуливался, хмуро поглядывая на песок и на море: под поздним октябрьским небом, в преддверии надвигающегося шторма. В то время как мы наблюдали столь многие приближающиеся, проходящие и исчезающие фигуры тем яростным летом, когда только и делали, что наблюдали за приближающимися фигурами, подобными этой, а затем находили их безупречными или нет, этот гость поздней осени, между тем, обрел лицо и тело, - и я узнал одного из первых любовников Мэлоуна: венгерского физика-ядерщика, которого мы

* модель легкомоторного самолета

все обожали одно время. Это место, город, кажется, были полны бывших любовников Мэлоуна. Однажды он сам сравнил их с мусором Нью-Йорка, сбивающимся в гигантский плавучий остров у берегов этого пляжа, который с каждым годом все ближе и ближе, будто накопленная любовь, как отходы, стремится задушить нас. Физик прошел мимо, погруженный в свои личные печали. Мы все хотели заполучить его, но безуспешно. И вспомнилось основное правило Мэлоуна, которым он утешал отчаявшихся, мечтавших о сближении с кем-то, произносимое с горестным и совершенно искренним сожалением (ибо, если настоящие влюбленные либо целомудренны, либо распутны, Мэлоун, в конце концов, принадлежал к первой группе): *В течение достаточно долгого времени все так или иначе переспят со всеми.* И как бы ни тривиально это ни звучало, это была правда.

Они не заметили его исчезновения, эти люди: ни похоронных вымпелов на башнях их домов, ни черной ленты на плавательном бассейне. Остров просто ждал в унылом запустении следующего сезона; сам пляж того лета милосердно стигнул в осенних штормах, чтобы уже очередное лето нашло себе новое воплощение; и это было, в общем-то, правильно. Сюда приезжали по очень эгоистичным причинам; в конце концов, здесь чисто языческое место. Мэлоуна увековечат в сплетнях. Вспомнят на дюжине званых обедов следующим летом или в тех непринужденных

разговорах после секса, когда два до того незнакомых человека обнаруживают, что знают одних и тех же людей, живут одной и той же жизнью. Можно, вероятно, ожидать столь же глубокие сентименты, как при отбытии очередной красавицы с острова, или настроений, сходных с чувствами посетителя казино, покидающего игровой зал.

Для такой частной территории, как этот дом, здесь было довольно много публичного: сюда мог прийти любой, и любой приходил. Если не эта цыганствующая толпа, кто оплакивал бы Мэлоуна? Он, так или иначе, жил в моей памяти: я всегда буду думать об этом месте, об этом море, об этом небе, вспоминая и его самого, задаваясь вопросом, не зря ли он прожил жизнь.

Можно ли вообще зря прожить жизнь? Особенно сейчас?

— Ну, — говорил Мэлоун, когда какой-нибудь тщеславный красавчик просто отводил взгляд, — мы все так или иначе часть круговорота азота.

О, да, и бабочки, взмывающие золотыми облаками с дюн по дороге в Мексику, олень, вскидывающий голову на утесе, чтобы поглазеть на пляж, серебристые рыбы с распахнутыми ртами в кузове грузовика, само небо, — вряд ли субъекты чего большего. Но в более узком, человеческом смысле, конечно, к этому не сведешь. Мэлоун беспокоился, что впустую потратил отпущенное время; и многие чувствовали, что так, вероятно, и было. Да, все те

самодовольные люди, купившие здесь дома, прилетавшие на гидросамолете со своими Виттонами. Мэлоун хотел только, чтобы его любили. Мэлоун хотел, чтобы жизнь была прекрасна, и Мэлоун буквально верил в счастье — короче говоря, был самым романтичным созданием в сообществе, граждане которого, возможно, романтичнее кого бы то ни было другого на земле, и в конце концов, — как однажды осознал, — гораздо более и обыватели.

Он хотел, чтобы его любили, поэтому сбежал в Нью-Йорк — подальше от своей семьи, — исчезая на Манхэттене, что намного проще, чем исчезнуть в джунглях Суматры. И что он сделал? Вместо того, чтобы добиваться успеха, которого от него ожидали, вместо того, чтобы стать корпоративным юристом, он устремился, как гончие за лисой, за самыми дешевыми вещами в жизни: красотой и гламуром...всеми теми причинами, по которым этот пляж когда-то захватил нас до смерти. Но вечеринки, наркотики, футболки, музыка воспринимались им такого же рода счастьем, как это море, у которого я сейчас сижу, способно было воспринимать удары кнутов, которыми Ксеркс когда-то заставлял своих слуг сечь волны, поглотившие его корабли. Начался дождь, солнце затянуло тучами, и я встал, возвращаясь туда, где чемоданы с футболками и другой брендовой одеждой Мэлоуна выстаивали такими же одинокими, как дома под сверкающим дождем, и начал вытаскивать их на настил вокруг бассейна.

Поднялся ветер, дождь усилился, теперь, когда первые облака нависли над этой легендарной песчаной отмелью, — из густого кустарника появились фигуры, спешащие к гавани со своими собственными впечатлениями.

— Бабье лето*, оно как женщина! — крикнул кто-то своему спутнику на бегу. — Многообщающее, пылко-страстное, но переменчивое! Это была первая строка из *Пейтон-Плейс***, любимого цитатника начинающего романиста. Остроумие появляется осенью; красота в июле.

Когда мы вышли к пирсу, наша маленькая лодка покачивалась, накрытая брезентом, бесчисленные фургоны на берегу, ржавели под дождем, — куча оставленных, брошенных под дождем душ, ожидающих возвращения своих связующих тел, — владелец же лодки сидел под навесом на крыльце продуктового магазина. Мы втащили сумки наверх по лестнице *Сэндпайпера**** и, к нашему удивлению, обнаружили, что задняя дверь раскачивается на ветру. Прошли внутрь, закрыли ее за собой и сразу услышали чуть различимый шепот пары, устроившейся в дальней нише, как раз там, где обычно и принято было засесть в те обжигающие и

* Indian summer (Индейское лето) в оригинале.

** *Peyton Place* (1956) - широко разошедшийся роман американской писательницы Грейс Металиус.

* *The Sandpiper*/Кулик - открылся в 1965г. на Файер-Айленде как ресторан, но быстро стал модным местом тусовок в качестве ночного клуба. Закрыт в конце 1979г.

многолюдные ночи, чтобы видеть и рассматривать танцующих. Но сейчас здесь воцарился серебристо-серый полумрак со зловещим блистанием зеркал и хрома. Мы совершенно по-собачьи отряхнулись, сели за стол, посматривая на пустой танцпол, где когда-то проводили столько жарких, экстатических ночей. Этот светлый прямоугольник полированного дерева, казалось, в какой-то момент обернулся эстетическим центром вселенной. Именно здесь я впервые увидел Рика Хафнера, блестящего от пота, как идол, вокруг которого люди падали на колени в наркотическом смятении, бессознательно пораженные его красотой, как страждущие у какой-то святыни. Именно здесь Стэнли Фарнсворт внезапно замирал, танцуя с мальчиком, которого соблазнял этой ночью (все они в итоге оказывались у Стэнли Фарнсворта), чтобы обнять и целовать его долгими, глубокими, испытующими поцелуями, которые постепенно обездвигивали жертву, подобно яду морских кораллов, парализующему рыбу, пока все кружатся вокруг них, как экзотические дервиши*, и воздух становится затхлым от использованных попперсов, и мы танцуем босиком среди их разломанных капсул, как когда-то дамы танцевали в серебряных туфлях среди лепестков роз на Чайных вечеринках много лет назад.

* мевлеви - исламская школа, основанная на учении персидского поэта и мистика Джалаладдина Руми. Особое значение придаётся музыке, пению и танцам во время коллективных молитв.

Именно сюда приходили влюбленные с ввалившимися глазами, мрачными лицами в первую ночь после расставания, не исчерпав еще бурлившую в них страсть, скорбно, печально, но и романтично поглядывая на толпу. Именно сюда приходил Лавалава в шлеме с блёстками и танцевал с Испанкой Лили в вуалевом водовороте, именно здесь Мэлоун был арестован полицией.

- Скажи мне, — спросил я друга в этом призрачном свете, — где ты впервые увидел Энтони Мэлоуна?

- В Двенадцатом этаже*, — ответил он, — шесть лет назад.

- Я тоже, — сказал я. — И думал, что Мэлоун самый красивый мужчина, которого я когда-либо видел. Но потом я был влюблен в половину всех этих людей, но ни разу даже не сказал им привет или пока.

* реальный клуб 10th Floor/10 этаж располагался недалеко от нью-йоркской сауны Эверард (см. прим. к стр. 23), действительно на 10 этаже. Это был частный, закрытый клуб в 1970-х годах.

2

Задолго до того, как журналистам открылись дискотеки Манхэттена, задолго до того, как они стали еще одним достоянием среднего класса, в самом начале, той самой осенью 1971 года, два джентльмена, чьи имена давно улетучились из моей памяти, открыли небольшой клуб на двенадцатом этаже фабричной постройки где-то посреди тридцатых-западных улиц. Район тридцатых-западных после наступления темноты напоминал настоящий лунный пейзаж: улицы, днем заполненные людьми, непрерывно выставляющими и перемещающими стойки с одеждой, грузовиками, также непрерывно сигналившими друг другу, чтобы протиснуться узкими щелями заводских выездов, ночью совершенно пустеют. Здесь воцаряется такое же безмолвие и тишина, как среди океанов Луны. Здания погружаются во мрак. Ни души на всем протяжении взгляда, — ни бродяги, ни полночного грабителя, ни полицейского.

И лишь вечерами пятницы и субботы, около часа ночи, буквально кавалькады такси доставляют к одной полутемной двери своих пассажиров, которые, предъявляя именную карту, поднимаются грузовым лифтом на двенадцатый этаж. Все, кто посещали это место в первый год, солидарны в одном: ничего столь же замечательного ни до, ни после не было.

В городе, где клубы открываются и закрываются через неделю, никто не ожидал, что возможно продержаться больше одной зимы. На второй год клуб уже стал чрезвычайно знаменит, и колоссально много людей хотели побывать там. Кинозвезды, рок-звезды, фотографы, богатые парижане и женщины из Далласа приходили посмотреть, как вдруг все закончилось. В вестибюле постоянно возникали споры о том, кто чей гость, наркотиков стало слишком много; и, в конечном итоге, я просто занимал диван в полумраке у стены, наблюдая за толпой. Первый год был наполнен трепетом новизны и эксклюзивности, — все эти люди, которые, возможно, даже не знали друг друга, но отлично понимали, кто они такие, — собрались здесь все вместе зимой, в этой маленькой комнате, не сделав совсем ничего, чтобы это произошло. Но все знали друг друга, даже не будучи представленными. Образовалось сообщество, где все танцевали друг с другом на протяжении многих лет, ходили на одни и те же вечеринки, добирались на одни и те же пляжи в одних и

тех же поездах, но в некоторых случаях могли даже не кивнуть в приветствии друг другу. Их связывала общая любовь к определенной музыке, физической красоте и стилю, — всем тем вещам, на которые не стоит тратить ни капли энергии, а иногда и жизни.

Внутри этого большого сообщества, — некоторые из составлявших его появлялись здесь только раз в месяц или дважды в сезон, — сложилось ядро из тех, которые, казалось, вообще не существовали за пределами этой комнаты. Казалось, они никогда не бывают дома, а живут лишь в непрерывном потоке этого крошечного общества. Они редко выглядели счастливыми. Проходили мимо друг друга в лифте, не говоря ни слова, безмолвными тенями Аида, одержимые ожиданием взгляда красивого незнакомца. Приходом попперса. В ожидании очередного диджейского микса, который превратит их кости в желе и оставит их всех на танцполе с запрокинутыми головами, почти закрытыми глазами, в экстазе святых, обретающих стигматы.

Они вживались во все это с таким прилежанием, что через несколько сезонов приобретали изможденный вид и убийственную серьезность. Некоторые просто стирали все, что могли, со своих лиц, приобретая визуальную бесстрастность. Но даже эти, когдаходишь в коридор, где они обычно стояли, в ожидании прохода внутрь, вдруг поворачивались совершенно спонтанно (как

если неожиданно видишь себя в зеркале, о существовании которого не знал), и на всех их лицах читалось одно и то же выражение: *Забери меня с собой. Или Люби меня.* Если бы для таких отчаянных существовала бы тюрьма, то можно было вызывать полицию арестовать их всех, — просто чтобы извлечь из этих ненужных им мест и дать им отдохнуть. Однако существовал момент, в который их лица расцветали сладчайшим счастьем, — когда все сливались в едином порыве, что и было причиной всех их действий; это происходило около шести тридцати утра, когда они снимали пропитанные потом футболки и вопили, потому что Пэтти Джо* начинала петь: *Сделай так, чтобы я тебе доверяла, что любовь может быть настоящей.* К тому времени воздух уже был почти тошнотворным от затхлого запаха попперсов, пустые и разломанные капсулы которых катались по полу, после того, как их содержимое впиталось в сердце, запаха пота и этилхлорида** от тряпок и платков, которые зажимали в зубах, держась за руки своих друзей, чтобы не упасть. Лежащие же на скамейках едва могли двигаться, остальные поднимались с диванов, где лежали, словно мученики, отдавшие свои души Христу, чтобы простереться на полу с криком животной радости, потому что Пэтти Джо начинала выводить своим металлическим, нереальным голосом те сигнальные слова:

* Patty Joe (1947-2007), сингл *Make me believe in you* (1973)

** используется обычно в качестве анестетика

Сделай так, чтобы я тебе доверяла, что любовь может быть настоящей.

(Или потому, что диджей перешел от Женщины Варваров* к Сдавайся Зулемы** или Местному закону Искушений***. Вообще, любые воспоминания о тех днях — не что иное, как череда песен.)

Когда, наконец, все расходились, кроваво-красное солнце поднималось над пожарной лестницей здания фабрики, силуэтом обрисовывающейся на углу, фасады зданий сияли золотом обрамления, и только что покинувшие клуб холодным осенним утром снимали свои футболки, выжимая их над водостоком. Пот стекал в канаву, как вода, выплеснутая из ведра, словно они — спортсмены после долгой, изматывающей игры в футбол на каком-то игровом поле где-то на севере в такой же чистый осенний день, как этот; и они все вместе уходили по Бродвею, уставшие, но восторженные, с птичьей легкостью в костях, колонны обреченных королей на пути к сауне Эверард, потому что радость и счастье переполняли их. Эти молодые люди, со взглядом, устремленным ввысь, с футболками на поясе, были действительно похожи на спортсменов,

* **Barrabas** - испанская музыкальная группа. Основана в 1971г. Существует по настоящее время.

Композиция *Woman* с альбома *Wild Safari* (1971).

** **Zulema** (1947-2013) - американская певица в стиле диско и R&B

Композиция *Giving Up* с альбома *Ms.Z* (1973)

*** **Temptations** детройтская группа, основанная в 1961г. Существует по настоящее время.

Композиция *Law of the Land* с альбома *Masterpiece* (1973). См. также примеч. к стр. 32

возвращающихся с игры, на подростков, возвращающихся домой из школы, – темные глаза сияют, лица светятся, и никто из прохожих не понимает, почему они так счастливы.

Ближе к закрытию я обычно сидел на диване в задней части *Двенадцатого этажа* и размышлял. Ведь многие были очень даже привлекательны, эти молодые люди, чье загадочное исчезновение в Нью-Йорке их семьи (не подозревая гомосексуальность) понимали меньше, чем если бы они погибли в автокатастрофе. Все эти высокие и широкоплечие, с красивыми открытыми лицами, крепкими белыми и здоровыми зубами, все были мертвы. Поскольку жили лишь для того, чтобы утонуть в музыке и страсти к друг другу, при странной демократии, единственным входным билетом которой была физическая красота, – и даже не только. Все остальное было строго бесклассовым: мальчик, отключившийся на диване от передозировки туинолами*, – пуэрториканец, который мыл посуду в столовой для сотрудников CBS**, но доктор, склонившийся над ним, лечил президентов. Это была демократия, которую мир – с его поощрениями и наказаниями, конкуренцией и снобизмом – никогда не допускает, но которая процветала в этой маленькой комнате на двенадцатом этаже фабричного здания Западной Тридцать третьей улицы, потому что ее центральный

* смесь барбитуратов

** американская телерадиосеть

принцип был самым анархичным из возможных: эротическая любовь.

Настоящий карнавал. Один парень пришел прямо после дежурства в отделении неотложной помощи Белвью* субботним вечером и танцевал, не снимая белого халата, забрызганного кровью. Красивый блондин, которого вся страна видела по телевизору почти каждый день, вкушающего питательные хлопья, пришел и встал у двери в туалет, ожидая, когда кто-нибудь зайдет, и желая чьей-нибудь мочи. С ним любил поговорить известный в Верхнем Ист-Сайде наркоторговец, который отправил сына в пансион Чоут**, а дочь в Фокскрофт***, и всегда одевавшийся как гангстер из сороковых. К ним присоединялся временами и богатый коллекционер искусства, который однажды решил вообще все бросить, этот проклятый бедлам, и на следующий день отъехал на Восток, намереваясь обосноваться там; не прошло и года, как он снова появился здесь же, у танцпола, потому что Ангкор-Бат**** далеко не так прекрасен, как Луис Санчес, танцующий под Местный закон с блестящей от пота грудью, рядом с другом, подносящим ему ко рту платок, пропитанный этилхлоридом.

* см. прим. к стр. 11

** Choate School (см. примеч. стр. 17)

**** Foxcroft School - престижная женская школа-пансион недалеко от Миддлбурга, Вирджиния. Основана в 1914г.

***** легендарный город-храмовый комплекс в честь бога Вишну, выстроенный в джунглях Камбоджи в 9 веке н.э. Одно из крупнейших в мире каменных культовых сооружений.

Коллекционер направился поговорить с красивым архитектором, который также пытался сбежать из этого пространства, от жизни и общества, проистекавшими отсюда, подобно реке из истока.

Однажды ночью он решил, что растрчивает себя, – посмотрел в зеркало и заключил, что истощен физически. Поэтому купил машину и отправился на запад, пока не нашел маленькую хижину высоко в горах, и в которой не было ни единого зеркала. Однако четыре месяца снега и два месяца цветов на чистом горном воздухе не остановили прогрессирующий физический ущерб. Это был сам по себе возраст. И вот однажды майским утром, когда луга и долины под ним исполнились цветов, он решил вернуться на Манхэттен и разлагаться со всеми красавцами в этой рукотворной оранжерее музыки и света. Ибо чем был этот клуб, как не местом, где можно было забыть, что мы умираем? Здесь были люди, настолько одаренные красотой, что не знали, для чего она. И вот врач, прибывший прямо из отделения неотложной помощи (чье темное, бородатое лицо словно сошло с картин, изображавших испанских святых пятнадцатого века), ангелоподобный сын знаменитой актрисы, человек, сбежавший на запад, чтобы не замечать время, – теперь все они вдыхали воздух Олимпа: каждый был богом, и никто не старел ночами. Нет, на это ушли годы... Ибо что делать с Красотой – этим самым странным, самым иррациональным даром?

В клубе были мальчики, банковские служащие, торговцы обувью, клерки, которым были дарованы лица и формы, столь необычные, что уже составляли свое собственное призвание. Они разлетались отсюда каждую ночь, чтобы просто постоять в комнатах по всему городу, демонстрируя себя, подобно тому, как священник в Великую субботу распахивает двери Дарохранительницы, чтобы собравшиеся узрели чашу внутри.

Тем не менее, Мэлоун, в ту ночь, когда Фрэнки чуть не избил его на тротуаре возле клуба (переполох, о котором я не подозревал долгое время после того, как все произошло, так как приехал рано вечером, чтобы посмотреть, как клуб заполняется танцующими, и услышать музыку, которая открывала ночь, как увертюра открывает оперу, и которую обитатели танцпола никогда не слышали), был уведен полицией, и с того времени стал ненавидеть, когда на него смотрят; не в состоянии выносить более взгляды влюбленных незнакомцев; и единственной причиной, по которой он вообще вернулся, после того, как расстался с Фрэнки, когда хотелось уйти и спрятаться где-нибудь навсегда, стало безумное навязчивое желание, с которым мы разрешали все запутанные импульсы нашей жизни, — потребность танцевать.

Каждый в клубе, на самом деле, как и Мэлоун, был вполне серьезным танцором, но это не обозначало безусловную красоту: Арчер Прентисс не имел ни рельефного

подбородка, ни волос; Испанка Лили, крошечная, сморщенная, даже не совсем мулатка, которая жила со своей слепой матерью в Бронксе и продавала обувь в местном магазине, ночью преображалась в Саломею, танцующую ради головы Иоанна Крестителя* в вуалях персикового цвета; Лавалава, гаитянский мальчик, который был моделью *Vogue*, пока редактор не увидел его в примерке с огромным пенисом там, где предполагалась вагина; еще один человек, которого знали по спродюсированному им фильму, и не желавший делать ничего другого в жизни, — все собрались здесь, на этом квадрате светлого дерева и танцевали, не глядя ни на кого другого, друг для друга. Самые романтичные люди в городе, в этом клубе. Неважно, проводили ли они дни в банках и офисных зданиях: их истинная жизнь начиналась, когда они входили в эту дверь, — обратившись в глубочайшую веру, словно оживая чудесным образом. И жили одной ночью. Самый красивый из азиатов был на самом деле целомудренен, подобно жрецам Диониса, приходил каждую ночь, избегая взглядов всех, кто хотел его (по другим причинам, чем Мэлоун, игнорируя такие взгляды), и после многочасовых танцев посреди полуголой толпы, каждый вечер возвращался домой в одиночестве, отказываясь смешивать возбуждение в своем сердце с реальностью чувственных поцелуев.

* ветхозаветная история, когда Саломея, дочь Иродианы, жены Ирода Антипы, танцевала на дне рождения своего отчима, подученная матерью, чтобы испросить у Антипы казни Иоанна Крестителя.

Сплетники болтали, что он отказывается потому, что у него маленький пенис, — проклятье в гей-среде, — но это объяснение было очень характерным, с учетом обстоятельств, тогда как тот лишь хотел хранить эту жизнь совершенной, в сфере идеала. Хотел быть желанным, а не доступным, потому что, оставаясь желанным, он, как фигура на греческой урне, пребывал таковым вечно. Прекрасно понимая, что однажды доступный, он больше не будет очаровывать, — поэтому сам секс стал вторичным по отношению к зрелищу: того единственного момента, когда он входит в эту дверь. И даже танцуя, он осознавал, что чье-то сердце будет разбито; все здесь были полностью осведомлены друг о друге, Например: я сижу на диване, наблюдаю, как Арчер Прентисс танцует с двумя усатыми мужчинами в клетчатых рубашках, которые выглядят так, будто только что прибыли из лесов штата Мэн, — этих двоих я знал много лет, но никогда не говорил им ни слова, как и в случае с Арчером Прентиссом. Однако, эта техническая дистанция не мешала нам много узнать друг о друге. Хотя я понятия не имел, кто они, эти двое по левую руку от меня, и никогда не был представлен Арчеру Прентиссу, я знал, с точностью до четверти дюйма, длину и диаметр пениса каждого и то, что им нравилось делать в постели. Но то же самое знали и все остальные здесь. Если же одна из фигур этого гобелена

сплетен, сотканного на Двенадцатом этаже, исчезала, — как сбежавший в Камбоджу, или на Запад, — такие исчезновения были менее загадочными, чем большинство действительно происходивших. Если чье-то лицо в этой толпе исчезало, то обычно по одной из трех причин: (1) мертв, (2) переехал в другой город, не со всеми жителями которого переспал, или (3) нашел любовника и остепенился, проводя субботные вечера дома со своим приятелем, обсуждая планы дома, который они надеялись выстроить в Тинеке*, штат Нью-Джерси.

Двое в клетчатых рубашках, уже сидящие на диване слева, обсуждали в тот момент именно такое. Рослый блондин (улыбающееся, с сигаретой *Winston* лицо которого украшало дюжину рекламных щитов скоростной автомагистрали Лонг-Айленда) рассказывал темнокожему:

— Он хочет, чтобы я переехал к нему, после его возвращения из Португалии.

— О, Боже, он живет на Бикман-Плейс**, да?

— Да, но Говард живет недалеко от Саттона, и хочет, чтобы я тоже переехал. Черт, не знаю, что делать.

— Не раздумывай, Джон! В Саттон-Плейс*** одни еврей-дантисты.

Они расхохотались над решением проблемы; тогда как в следующее мгновение в дверь

* **Teaneck** - пригород Нью-Йорка. Основан в 1895г.. Население ок. 42 тыс. человек.

** **Beekman Place** - улица, расположенная на восточной стороне Манхэттена.

*** **Sutton Place** - квартал в районе Ист-Сайд Манхэттена, вдоль пролива Ист-Ривер.

вплывало нечто, кто по непонятной мне причине, очаровывал больше, чем любой из завсегдатаев этого места: Сазерленд. Он ворвался, сопровождаемый странной тусовкой из египетских наследниц какого-то хлопкового фабриканта, парня, самого популярного среди моделей, прибывших из Парижа за последнее десятилетие, пуэрториканского наркоторговца и итальянского принца. Сазерленд был в черном облачении от Норелла*, тюрбане, черных туфлях, сверкал стразами, вокруг поржала вуаль. Он поднес длинный мундштук к губам и растворился в толпе. Какой-то темнокожий начал лениво рассуждать, стоит ли спать с Арчером Прентиссом, который был (а) очень уродлив, но (б) имел большой член. В разгар этих дебатов внезапно прорвалась Сдавайся Зулемы на фоне микса из Деодато**, и двое лесорубов тотчас поднялись танцевать; лишь только они ушли, двое других мальчиков в черном с усталыми, но красивыми глазами тут же заняли их места и начали обсуждать ушедших:

- Я зову его *Блинчик*, — сказал один.
- Он совсем не пользуется косметикой! — воскликнул другой.
- О, нет, — ответил первый, — наоборот!

* **Norell** - бренд Нормана Дэвида Левинсона (1900-1972), американского модельера, особенно популярного в середине 20 века.

** **Deodato** - творческий псевдоним Эумира Деодату де Алмейда, бразильского пианиста, композитора, аранжировщика и музыкального продюсера. Особо известен его альбом *Prelude/Прелюдия*(1973), одна из композиций которого *September 13/13 Сентября* стала базовой в плане бита для хип-хопа.

Потому что он тот мужчина, с которым представляешь себя просыпающимся субботним утром, и он печет для тебя блинчики, а затем ты идешь гулять с собакой в парк. И у него всегда усы, и всегда он носит клетчатые рубашки!

- Согласен, он великолепен, — заключил было его друг, — но кто-то сказал мне, что у него самая маленькая писечка в Нью-Йорке. И сразу, будто щелкнули пальцами, на танцполе рослый светловолосый лесоруб во всей своей сияющей мужественности рассыпался в пыль.

- О, да ладно, — сказал один, — только не это, — он закрыл лицо руками. — У меня и так хватает всякого, зачем ты это сказал? — Потому что это правда, — последовал ответ.

- О, Боже, — застонал первый гнусавым, бруклинским голосом, — о, Боже, я не могу в это поверить. Нет, он мой Блинчик.

- Они все носят клетчатые рубашки, и у всех усы, — сказал его друг. — Можешь выбрать того, у кого большой член. Никто из них все равно на тебя не посмотрит.

Тот посмотрел сквозь пальцы на лесоруба, оживленно беседующего с Сазерлендом в черном Норелле, тюрбане, с длинным мундштуком, и, повернувшись к своему другу, спросил:

- Кто эта женщина, с которой он разговаривает?

- Ее зовут Эндрю Сазерленд, и она живет на Мэдисон Авеню. Она помешана на скоростях,

жить ей осталось недолго.

В этот момент началась *Ты мне нужен**, все еще под затихающими аккордами *Ты заставил меня ждать под дождем***, и два мальчика на диване, — со слухом острее, чем у койота, даже не спрашивая друг друга, упорхнули на танцпол. Вместо них тут же уселись пожилой седовласый мужчина и его друг, еще более пожилой, которого из-за слухового аппарата, парика и спинного корсета молодые королевны звали *Залчасти****.

— Я нахожу его таким красивым, — сказал мужчина о только что убежавшем на танцпол мальчике, — как в театре Кабуки****: эта длинная шея, глаза, тяжелые веки. Он никогда не смотрит на меня, думаешь, потому что боится?

Они начали обсуждать какого-то их друга на танцполе, недавно узнавшего, что у него рак легких.

— Нет, нет, — возражал *Залчасти*, — у него рак толстой кишки, думаю, у его матери рак легких.

— Да, — согласился его собеседник, — он ведь раньше кричал на мать за то, что она слишком много курит, а она на него за то, что он слишком быстро ест.

— А теперь — вот. Завтра он вылетает в клинику, — отвечал *Залчасти*. — Как думаешь, захочет он уйти сегодня домой с кем-то?

* Clara Lewis *Needing You* (1973), сингл

** *You've Got Me Waiting for the Rain to Fall*

*** образ этого человека блестяще раскрыт в романе Эдмунда Уайта *Наш молодой человек* (2016), перевод на русский в 2024г.

**** традиционный японский театр

- А знаешь, — сказал его собеседник, — я так думаю, что то обстоятельство, что он умирает, придаст ему смелости подойти наконец-то ко всем тем парням, в которых он был влюблен все эти годы, но никогда не решался даже поздороваться с ними.

- Ну, у него такой вид..., — задумчиво ответил Запчасти. — Он выглядит.. как призрак.

В этот момент два пуэрториканских мальчика, не обращая внимания ни на кого внимания в собственном горячем споре, подошли потушить сигареты к пепельнице возле дивана:

- А причина, по которой ты не знаешь английского, — внезапно выпалил один из них по-английски своему другу, — в том, что ты тратишь слишком много времени в погоне за членом!

И они оба поспешно удалились в направлении танцпола, причем обвиненный возбужденно защищался на быстром испанском перед своим другом.

Седовласый мужчина на диване поднял вверх глаза, глубоко вздохнул, притушив свою сигарету в пепельнице, и сказал:

- Дорогой мой, буквально, целые жизни были истрачены на погоню за членом.

Внезапно он выпрямил спину.

- О! — воскликнул он, — Вот оно!

В этот момент *Роман на одну ночь** начал пробиваться через ритмы *Ты мне нужен*, тогда оба оставили бумажные стаканчики с яблочным

* *One Night Affair* - оригинальная, считающаяся первой в стиле диско, композиция с альбома *The O'Jays In Philadelphia* (1969) группы *O'Jays*.

соком на полу возле дивана и направились к танцполу.

Во мгновение все очистилось, и парочка высоких черных парней в широкополых шляпах двинулись сюда, как парусники, очень медленно перемещаясь по краю толпы, но прежде чем они смогли преодолеть пространство ковра к удобным подушкам дивана, послышался шелест шелка и отчетливый голос. Я повернулся и увидел усевшегося Сазерленда с худым, бледным молодым человеком в роговых очках, выглядевшим так, будто тот только что выбрался из ущелий стеллажей Нью-Йоркской публичной библиотеки.

На мгновение Сазерленд, вставлявший сигарету в свой длинный черный мундштук, и бледный парень в очках посмотрели на черных мальчиков в шляпах; и те, увидев, что гавань закрылась, развернулись на дальней кромке ковра и продолжили движение вдоль толпы, как два галеона, разведывающих Берег Слоновой Кости жарким безветренным днем. – Я нахожу это прекрасно выражающим все печальное состояние человеческих дел в данный момент истории, и нахожу это же идеальным символом упадка Америки, – изрек Сазерленд таким низким, гортанным голосом, который всегда, кажется, отражает готовность признаться в чем-то невообразимом даже в самых смелых снах, – но эти динги* – единственные, кто относятся к шляпам серьезно! – и он повернулся

* dinge в оригинале. Черномазые (жарг.)

к мальчику с сигаретой в сверкнувшем мундштуке, ожидая огня.

– Динги? – переспросил мальчик надтреснутым, полным серьезности, голосом, пытаясь в третий раз извлечь пламя из своей зажигалки.

– О, дорогуша, ты один из тех миллионеров, которые предпочитают зажигалки по девяносто девять центов? – саркастично заметил Сазерленд, ожидая появления огня.

Мальчик, – который, как мы позже узнали, был наследником огромного состояния, связанного с сельскохозяйственным оборудованием и азотными удобрениями, – густо покраснел, потому что не мог переносить упоминания о своих деньгах и боялся, что кто-то попросит у него в долг или решит, что он оплатит счет. Сазерленд затаился, вынул изо рта сигарету и, окутанный облаком дыма, когда мальчик повторил свою просьбу объяснить, кто такие динги, начал лекцию:

– Черные, дорогуша. *Шварцеры**, негры, как хочешь. Почему они танцуют лучше? Потому что танцуют лучше. Им здесь сходят с рук такие вещи, которые не сошли бы ни одному белому мальчику за миллион лет. И почему они носят белые шляпы? И всю эту неистовую одежду? Когда перчатки вернутся, – продолжал он, надевая свои длинные черные, – а мне жаль, что они когда-то исчезли, можешь быть уверен, что эти и будут теми, кто натянет их первыми!

* shvartzers (идиш). Чурка (жарг.)

Мальчик уже не смотрел на Сазерленда, пока тот вещал, — его взгляд был прикован к чему-то в десяти футах* впереди; на его лице было то самое потрясение, отчаянное выражение человека, впервые увидевшего людей, о существовании которых и не подозревал, более красивых, чем когда-либо мог себе представить, и все они в этом маленьком зале. Он выглядел так, будто готов разрыдаться.

Наклонившись ближе к Сазерленду, который в этот момент как раз закончил с перчатками и оглядывался вокруг, в легком облаке застоявшегося сигаретного дыма, еще одной вуалью окутавшем лицо, на лице пятерня, — вздохнул тот, — *внутри все горит*, — мальчик, притихший и встревоженный, придвинувшись еще ближе, спросил:

— Кто это?

— Его зовут Алан Солис, у него огромные яйца, и он работает в отделе по связям с общественностью Пан-Ам**, — они оба посмотрели на него. — Спроси меня о ком угодно, дорогуша, я знаю их всех. Я живу в Нью-Йорке со времен Гражданской войны. Что было чистой правдой: Сазерленд, казалось, был вездесущ, как инициатор всего и вся с начала времен. Он был и кандидатом в епископальные священники, художником, светским персонажем, торговцем, альфонсом, издателем, кинорежиссером, а теперь и просто — Сазерлендом.

* 3м

** Pan American World Airways (1927-1991) - национальная, но коммерческая, американская авиакомпания.

И все же, — под черной дымкой вуали его лицо осталось таким же невинным и восторженным, как в день прибытия в Нью-Йорк; и сохранялось, хотя все ждали обратного, — от спидов, которые он употреблял, — открытым, честным, дружелюбным и, даже больше, чем у мальчика слева, выглядело так, будто он все это видел впервые.

— Я был влюблен в Алана Солиса, — сказал Сазерленд опять тем низким, но сдавленным голосом, — когда приехал в Нью-Йорк. Я был так влюблен в него, в него, — продолжал он (потому что прерывал и повторял фразы не из-за какого-либо дефекта речи, а для эффекта), — что когда он выходил из туалета в поезде до Сэйвилла, я обычно заходил туда сразу после, просто чтобы понюхать его пердеж! Просто вдохнуть газ из его кишок! Этот запах для меня был гораздо приятнее, чем Шанель номер 9 или чем там сейчас пользуются дамы...

— Знаешь, — начал мальчик, согнувшись, словно от боли, глядя на Алана Солиса так неотступно, как мангуст смотрит на змею, — если бы я только мог найти изъян. Если я могу отыскать изъян в ком-то, то все уже не так и плохо, понимаешь? Но этот парень, кажется, идеален! О, Боже, это ужасно! — и он закрыл рукой свое лицо, пораженный самой смертоносной силой, Красотой.

— Изъян, изъян, — повторил Сазерленд, роняя пепел в пепельницу слева, — о, да, я прекрасно понимаю.

- Если я просто вижу недостаток, то вроде уже и не так безнадежно, удручающе, — сказал мальчик, его лицо было искажено все той же внутренней болью, хотя Солис болтал с невысоким мускулистым итальянцем, которого хотел забрать домой в тот вечер, и совершенно не обращал внимания на этого обожающего его поклонника, чье тело было слишком тщедушным, чтобы заинтересовать.

- Я понял, — отвечал Сазерленд, который теперь повернулся к нему, — и я помню его недостаток. Грудь. Его грудь такая волосатая, что нельзя разглядеть глубокую, точеную впадину, разделяющую мышцы. Этого достаточно, дорогуша?

Мальчик закусил губу и задумался.

- Боюсь, да. У него настолько все в порядке, что единственный недостаток в том, что он это знает.

- И вот еще, — сказал бледный мальчик, — когда мы жили в Англии, я приезжал домой из школы на каникулы, а у нас в деревне был парень, он работал в мясной лавке. И какой потрясающий! Белая-белая кожа, румянец на щеках и самые красивые золотистые волосы! Он был прекрасен, как ангел! Я не преувеличиваю. И всю ту зиму я мечтал о нем, гуляя по полям, и дома по ночам. А в Принстоне* был парень, любивший нырять в бассейне. Я был влюблен в него, и осенью постоянно уходил из спортзала под впечатлением, думая о нем целыми днями!

* Princeton University, расположен в г. Пристон, шт. Нью-Джерси. Основан в 1746г.

Вот почему я здесь, так как, возможно, ищу того помощника английского мясника или студента из Принстона, — сказал он, тогда как Алан Солис пошел на танцпол, — потому что я так устал мечтать о лицах и телах. Я хочу прикоснуться к кому-то на этот раз, — добавил он внезапно сдавленным голосом.

— Ну, а как насчет того, вон там? — Сазерленд махнул мундштуком в сторону высокого парня с квадратной челюстью, который преподавал английский детям из стран третьего мира в Гарлеме. — Это Грег Баттс. Я всегда находил его очень похожим на Руперта Брука*; однако, как мне сказали, у него очень маленький член и вряд ли выдержит фантазии таких масштабов, как у тебя.

— Знаешь, я ненавижу быть геєм, — заявил ему мальчик, чуть наклоняясь, — я просто чувствую, что это разрушило мою жизнь. Истощает меня, знаешь, это как опухоль или паразит! Если бы я был натуралом, я бы женился, и все было кончено. Но геєм я трачу так много времени на воображение! И ненавижу лгать своей семье, так как знаю, что никогда не стану тем, кого они во мне хотели бы видеть. Потому что все это как болеть раком, но ты не можешь рассказать, вот что такое тайный порок!

Сазерленд безмолвствовал, внимая этим заявлениям; лишь сидел некоторое время, с мундштуком у губ, совершенно неподвижно;

**** Rupert Brooke (1887-1915)** - английский поэт, известный идеалистическими военными сонетами в период Первой мировой войны.

а затем сказал:

- Возможно, что тебе нужно... возможно, что тебе нужно.., — глубокомысленно повторил в своей манере он, сохраняя приветливое выражение на лице. И тотчас развернувшись к своему другу, изрёк:

- О, дорогуша, ради бога, не воспринимай все так серьезно! Просто повторяй за мной
На лице пятерня, внутри все горит.

- *На лице пятерня, внутри все горит,* — повторил мальчик с вымученной улыбкой.

- Вот! Это поможет проникнуться атмосферой! И, пожалуйста, не думай, что ты должен быть государственным секретарем! — выпалил Сазерленд, когда его две египетские наследницы прошли мимо. - Вот их прапрапрапрапрадедущка был фараоном, а твой был всего лишь фермером, выращивающим картофель в Вюрцбурге! - и он помахал этим двум египетским девушкам, обступившим модель-француза с самозабвенно счастливыми улыбками.

Пространство на мгновение вновь очистилось, чтобы заметить среди танцующих высокую, худую девушку, которая каждый вечер приходила одетой из последней коллекции известного дизайнера и гордилась тем, что переспала со всеми самыми красивыми гомосексуалами в Нью-Йорке.

- Возможно, тебе нужно вот это.

Сазерленд вытянул руку в черной перчатке, в центре ладони блеснула маленькая красная таблетка.

- Что это? — спросил мальчик.

- О, не спрашивай, дорогуша, — отвечал Сазерленд. — Если это таблетка, прими ее. Мальчик покосился на розовый кругляш в ладони Сазерленда, сияющий рубином на черном бархате под сводами *Bulgari*.

- Я не... — только и смог сказать он.

- Ты мне не доверяешь? — спросил Сазерленд.

- Я никогда не просил бы тебя принять что-то, что не улучшает ясность ума.

- Но... скорости убивают, — выпалил мальчик, уставившись на Сазерленда поверх очков.

- А *Диал** предотвращает запах двадцать четыре часа в сутки, — выдохнул Сазерленд очень тихим голосом. — Дорогуша. Не верь всему, что слышишь. Например, не читай газеты, они разрушат твой разум гораздо быстрее спидов. *Нью-Йорк Таймс* ответственна за большее количество смертей в этом городе, чем *Ангельская пыль*, *крое-муа***. Он положил красную таблетку на подлокотник дивана и продолжал:

- Есть много лекарств, которые я бы не советовал тебе принимать. Я не из тех королев, чьи имена не стану называть, но которых, если взглянешь на танцпол, ты наверняка узнаешь, и которые сидят на ветеринарных транквилизаторах. Дорогуша, — наконец, выдохнул он, кивнув в сторону Майкла Зубицки, светловолосого парня, курсирующего около дивана, не осознавшего, где находится, — лунатической королевы,

* *Dial* - бренд антибактериального мыла, устранявшего запах пота.

** *croyez-moi* (франц) - поверь мне

с которым Сазерленд не разговаривал с тех пор, как тот отверг мальчика, в которого сам Сазерленд был влюблен, – я не мариную себя в формальдегиде и не пытаюсь пропитать мозг препаратами, используемыми для усмирения свиней, у меня нет желания превращаться, как некогда спутники Одиссея*, в зверей, я не завидую той исключительной легкости с которой боров из Небраски предает себя кастрации и смерти, истекая кровью, – сказал он это прямо в лицо Зубицки, который, пытаюсь разглядеть, что за человек перед ним, остановился и наклонился, всматриваясь сквозь темную вуаль Сазерленда, в пяти дюймах** от него, зависнув огромной морской чайкой над рыбой в глубине под собой, – чтобы быть поданным на столы всех американских семей от Дулута*** до Каунсил-Блаффс****, нет, вы должны меня простить, я, дорогуша, старомоден, верю в *General Motors* и очевидность богов...

Внезапно, вскинув тяжеловесную светлую голову, Майкл Зубицки отстранился от Сазерленда и двинулся, как зомби, вдоль ковра, остановившись у стены рядом с растением в горшке.

– Кто это? – спросил мальчик, оценивающе

* их превратила в зверей волшебница Цирцея (Гомер *Одиссея* Гл. 9 ст.ст. 235-240)

** 12.5 см.

*** **Duluth**, *Миннесота* - город на берегу оз.Верхнего, системы Великих Озер. Население ок. 87 тыс. человек. Основан в 1856г.

**** **Council Bluffs**, *Айова*- город на восточном берегу р.Миссури. Население ок. 63 тыс. человек. Основан в 1853г.

поглядывая на Зубицки.

– Ничего не значащая тетка, – ответил Сазерленд, выпуская струю сигаретного дыма.

– Мстительная королева. У этого огромного белокурого зверя, этого нацистского штурмовика, член, будь он чуть меньше, мог бы стать влагалищем, и если люди по какой-либо причине ложатся с ним в постель, то неизбежно сбегает прямо посреди всего со словами я устал, или у меня уже был секс сегодня, ну, или с одним из таких классических оправданий. Мальчик был так озлоблен своей судьбой, что, когда у него случился сифилис, пошел в Сауну и заразил всех, кого мог и у кого был огромный. И это, дорогуща, так думаю, это лучше, чем покушаться на президентов, – он выпустил длинную струю дыма. – Разве ты не видишь, что даже после того, как динги обретут права, ампутанты, евразийцы, педики, даже после, как все они будут обеспечены, кто облегчит страдания этого последнего меньшинства, этого меньшинства внутри другого меньшинства, я имею в виду тех прокаженных из Нью-Йорка, королев с маленькими членами? Воистину Христос благословил и прокаженных и шлюх, но в Библии нет утешения для мальчиков с маленькими дергунчиками, их избегают больше всех. Люди ложатся со мной в постель один раз, и я больше никогда их не вижу! – сказал он с широко раскрытыми глазами коалы, признаваясь в том, что другие в такой ситуации всю жизнь скрывали.

- Что делает правительство для них? Ладно, неважно, — вздохнул он, — это определенно не твоя проблема, — сжал его руку и улыбнулся. — В жизни есть большие три лжи, — продолжал монолог Сазерленд для своего молодого друга, чью первую ночь в сфере гомосексуальности и чье знакомство с этой сферой Сазерленд взял на себя. — Во-первых, чек почтой. Во-вторых, я не кончу тебе в рот. И в-третьих, у всех пуэрториканцев большие члены, — сказал он и с этими словами наклонился вперед, взял руку молодого человека своими руками, затянутыми в длинные черные перчатки, и произнес тем же низким, глухим голосом:

- Ты начинаешь путешествие, гораздо более странное, чем любая экскурсия к истокам Нила. Сегодня вечером ты ступил на огромный, неизведанный континент. Позволь провести тебя туда настолько, насколько смогу. Я буду держать тебя за руку столько, сколько мы сможем пройти вместе, и покажу тебе наиболее интересную флору и фауну. Помогу избежать зыбучих песков, которые могут затянуть тебя, или, по крайней мере, отнять много времени, терновых зарослей, ложных перспектив — ах, — вздохнул он, — у нас их много, у нас много тром-плёи* в этой самой комнате! — продекларировал Сазерленд восторженно, энергично размахивая мундштуком. — Так что давай вместе поднимемся вверх по этой реке, насколько сможем, — продолжал он, снова обхватив

* trompe l'oeil (франц.) - обманка, фальшивка

руками белую, тонкую ладонь своего подопечного, — и не забудь задавать вопросы, отмечай все: орхидеи и плодовых мушек, детей, роющихся в поисках еды в кучах дерьма, и ибиса, прорезающего сумерки в лунном свете.

Давай дойдем хотя бы до чего-нибудь притягательного. Это будет захватывающее путешествие! Если бы я только мог помочь избежать обходных маршрутов, тупиков, болезненных состояний и ложных восторгов, которые сам пережил. Он стиснул руку пареньку и воскликнул, повторяя на свой лад ритуальные слова бар-мицвы*, где когда-то присутствовал под видом еврейской матроны из Флэтбуша**, ты гомосексуал, мой дорогой, с сегодняшнего вечера! И с этими словами он посмотрел на входящих мужчин, которых можно было свободно видеть лишь с этого дивана у гардероба. Среди этой запоздалой группы, появившейся между прибытием двух гораздо больших (поскольку всеобщее желание прийти максимально позже всех остальных создавало волновой эффект, так что никто больше не желал выходить из дома раньше двух часов ночи), привлекал внимание молодой человек; и наследник удобрений спросил:

— Ого, кто это? Найди изъясн, я не в состоянии.

— Это Мэлоун, — отвечал Сазерленд самым низким, самым драматичным из своего набора

* еврейский обряд совершеннолетия

** Flatbush - район в Бруклине, Нью-Йорк.

голосом, - и его единственный недостаток в том, что он все еще ищет любовь, когда всем нам должно быть совершенно ясно, что нет никакого Мистера Совершенство или Мистера Несовершенство, если на то пошло. Мы все сами по себе. Он работал в администрации Белого дома, дорогуша, а теперь поговаривает о самоубийстве, если какой-то пуэрториканский маньяк не убьет его первым. Я же наблюдал, как этот человек прошел в зал, и его тут же приветствовали несколько из самых красивых парней, настолько красивых, что никогда ни на кого не смотрели, а уходили в темноту комнат в глубине клуба, чтобы просто поссать на совершенно незнакомых людей и чтобы им вылизали задницы. Они подошли к Мэлоуну первыми. Кого-то из них он обнял, кому-то пожимал руки, - это были почти старомодные манеры. Он склонял голову к голове собеседника, будто не хотел пропустить ни слова, отвечая ему, наклонялся к самому его уху: очаровательный жест, якобы для того, чтобы исключить шум комнаты, но внушающий чувство избранности, доверия, словно для конфиденциального откровения. Вежливость, с которой он продвигался в зомби-толпе, где наступали друг на друга с беспечной резкостью спешащих в метро, и останавливался, чтобы поговорить с теми, кто обращался к нему, отражалась в его улыбке. У него было такое лицо, которое нравилось, и возникала уверенность, что, хотя вы понятия не имеете, кто это,

он хороший человек. Он познакомил своих обожателей друг с другом, а затем оставил с новыми друзьями, исчезая в толпе. Я понятия не имел, кто он, это было просто лицо, которое я заметил как-то на дискотеке однажды зимой; но для меня он был тем центром, на котором все держалось.

— Он имел несчастье влюбиться в бандита, — сказал Сазерленд, когда наследник удобрений снова спросил о Мэлоуне, — который угрожал убить его просто потому, что тот больше его не любит, и был настолько глуп, чтобы высказать это.

Еще одно полезное правило, дорогой друг: если черные — единственные, кто носит шляпы, — выдохнул он, поднося мундштук к губам, — то латиноамериканцы, мое сокровище, — единственные, кто воспринимает любовь всерьез.

Мэлоуна теперь преследуют по Манхэттену с ножом и пулями. У него никогда не было секса.

Две египтянки подошли к Сазерленду, наклонились и быстро переговорили с ним по-французски в течение нескольких минут; весело взвизгнули и ушли. Наследник удобрений и здесь захотел узнать, что это значит, Сазерленд отвечал:

— Они узнавали, стоит ли им красить свои киски. А ты что думаешь на этот счет?

— Я? — испуганно отозвался мальчик.

— Тебя тошнит при мысли о щёлке? — спросил Сазерленд, с присущей ему деликатностью, выпуская струю дыма. — Ну, если быть

честным до конца, я нахожу это, саму мысль об этом, отвратительной сверх всяких слов! Однако я люблю своих девочек! Они без ума от присутствия стольких красивых молодых людей, — такого количества красивых молодых людей, которые совершенно не заинтересованы в том, чтобы зависнуть между их ног этим вечером. Но, крое-муа, мой друг, от этих кисок пар идёт!

Мальчик отшатнулся, бледнея еще больше, а Сазерленд уже выражал приветствия небольшой группе из пяти человек, подошедших поговорить с ним, среди которых был блондин, преследуемый пуэрториканским маньяком, египетские наследницы и модель-француз, прибывший из Парижа*. На секунду взглянув туда, я обнаружил, что смотрю прямо на Мэлоуна. Наши глаза встретились. Его были серо-голубыми, взгляд невозмутим. Все это, как я отметил гораздо позже, утром, в своем дневнике, походило на тот мелодраматический момент в исторических романах: когда главный герой на многолюдной рыночной площади, пыльной дороге, на Голгофе внезапно встречается взглядом с Христом, и меняется навсегда.

Ну, я не изменился, но меня заметили, — достаточно, чтобы написать об этом чуть позже в тот день, запечатлеть момент, когда я взглянул на Мэлоуна и подумал: его глаза похожи на Иисуса Христа.

Но тогда, вдруг, Сазерленд повернулся к наследнику удобрений и сказал:

* Гай, главный герой романа Э.Уайта *Наши молодой человек* (2016)

- Дорогуша, пойдем, мы едем в центр!
Небольшое мероприятие-распятие на Парковой
и Семьдесят пятой, без жести.
Мальчик, бледный, потрясенный, поднялся и
последовал за египетскими женщинами,
моделью-французом и парой ассистентов
Холстона*, выскользнувших из темной
комнаты, Сазерленд же, в его черном Норелле
и тюрбане, возглавил процессию. Вместе с
ними ушел и Мэлоун, а с ним и магия,
которая, как я понял тогда, заключалась не
в музыке, свете, танцующих, лицах, а в тех
глазах, невозмутимых, серьезных и
искренних, обращенных к тебе с обещанием
любви.

* см. примеч. к стр. 10

3

За время, прошедшее до того, как обосноваться в Нью-Йорке, Мэлоун достиг всего того, что предполагалось в качестве целей для молодого человека, — юноши из хорошей семьи, то есть семьи, которая всегда имела в каждом своем поколении с тех пор, как переместилась в какой-нибудь Огайо из сельского городка Германии, доктора или двоих: судью и профессора. В немецкой семье его отца усердно и много работали, результатом чего стало процветание, и постепенно рассеялись по свету, хотя и сохранили определенную любовь к маленькому городку в Огайо, в котором выросли. В детстве Мэлоуну разрешали прочесть семейное письмо, которое родственники пересылали друг другу: новости в основном касались высаженных овощей, погоды, смены сезонов, а те события, которые какая-нибудь другая семья сочла бы первостепенными, упоминались уже почти в конце — Салли собиралась в Корею служить в медицинском корпусе,

Эндрю в кругосветное путешествие на корабле *Надежда*, Марта обнаружила у себя туберкулез, исследуя однажды собственную мокроту в лаборатории, Джо продолжает пить. Пита повысили до кассира в *Sears International**, Гарри умер. Год удался для кабачков, хотя брюква не выросла так быстро, как мы ожидали. Ты же знаешь, как Лоуренс любит свои кабачки. Похоже, и кукуруза тоже немного запоздала... - и так далее и тому подобное. Мэлоуну нравилось читать эти письма в детстве; они казались такими приветливыми, такими спокойными, - так умиротворяюще заботиться лишь о погоде и фруктах. И когда стал старше, он увидел, насколько они были скромны, находя судьбу овощей более интересной, чем судьбу человеческой поросли, пробивавшейся на заднем плане к еще большей славе, чем какие-то кабачки, - ибо семейное письмо, похожее на информационный бюллетень садоводческого клуба, напоминало Мэлоуну глянцевого годовые отчеты из корпораций, акции которых держал отец, приходявшие каждую весну, с перечислением долгов и активов, прибыли и планов будущих инвестиций. Такова была семья со стороны отца: бесстрастная, разумная, трудолюбивая и щедрая друг к другу. Однако тот женился на городской девушке - из большой, смекалистой ирландской семьи в пригороде Чикаго, - и она находила этих немцев иногда слишком бесстрастными на ее вкус.

* *Sears* - сетевая розничная компания в США. Основана в 1892г.

Но покинула Чикаго вслед за новым мужем, оставила друзей, вечеринки с катанием на коньках, променады бульвара Мичиган, курорты в Висконсине и переехала в небольшой городок южной Индианы; и именно там Мэлоун провел первые несколько лет своей жизни, гоняясь за кроликами, охотясь в лесу, избалованный бабушкой по отцовской линии, пока его родители не уехали за границу, чтобы работать в международной инжиниринговой фирме. Это был золотой век американских корпораций, расцвет как следствие победы во Второй мировой войне, и его родители тоже приняли участие в этом. Семья научила Мэлоуна быть вежливым парнем, самостоятельным, трудолюбивым, верить в Бога. Он брал уроки игры на фортепиано по субботам и мыл внутренний дворик каждое утро перед тем, как уходил в школу. Над буфетом в столовой их теперь уже бунгало висела картина, изображавшая женщину с вязанием в роще фруктовых деревьев и ее детей, играющих около нее.

— Вот такой должна быть моя семья, — сказал однажды его отец. После обеда он шел отдыхать, — традиция жаркого климата, — а Мэлоун садился у телефона в прихожей, читая античную историю и охраняя отцовский сон. Отец вставал и уходил к себе, в кондиционированный офис около часа дня, а когда возвращался в пять, уже наступающим, ветренным вечером, Мэлоун бежал обнять его на крыльце, прижавшись лицом к хрустящей белой рубашке, от которой исходил запах

офисного кондиционера. Отец и мать, часто только проснувшись к этому времени, так как ночами напролет читала детективы, пили коктейли на веранде, а Мэлоуном занимались горничные, обожавшие его за кудрявые золотистые волосы.

События детства были совершенно обычными, если так вообще бывает: он плакал, когда потерялась собака, плакал, когда нашлась. По утрам в воскресенье мать надевала короткие перчатки к церковной службе, он держал ее за руку, когда они входили и занимали места внутри. У него появилась коллекция кораллов в спальне. Самые разные служанки появлялись и исчезали, а он привязывался к ним всем сердцем, поскольку обычно в прачечной за их бунгало те занимались своими волосами, заплетая косы, он же сидел рядом с тазами и корытами, благоухающими мягкой терпкостью отбеливателя, читая книги. Ему нравился запах отбеливателя и набегающий временами с раскаленных, пустых, иссушенных улиц ветер, вобравший в себя ароматы этого острова, его колючих деревьев и кактусов; нравился разогретый под ясным, солнечным небом бетон, смех служанок. Постепенно, с годами, забылись, конечно, и те дома с волшебными и пыльными чердаками, их сырые, манящие исследовать, подвалы, забитые консервами, инструментом и старыми игрушками; забылись и снег и смена времен года, он обжился и сделался обывателем Экватора, чья душа любит свет и чувственные удовольствия.

Ибо нет более чувственного места на земле. По субботам в ослепительно-белом кинотеатре, в его темном чреве он наблюдал, как Эррол Флинн* прыгает по горящим палубам, спасая Оливию де Хэвилленд**, и когда выходил оттуда к режущему глаза солнечному свету, здесь были кокосовые пальмы и лазурные волны из того самого фильма. Уже ночью, когда пассаты завывали в жалюзи ставень, а он лежал в постели; собака лаяла где-то далеко под огромной луной, скрипели на ветру миндальные деревья; ему снилось то, что обычно и снится мальчику такого возраста — ковбои, Супермен, пираты — но с одной лишь разницей: там, снаружи, под финиковыми пальмами, у лагун, и было почти все из этих снов, настолько же реальное, как и тапочки у кровати. Когда исполнилось двенадцать, он отказался от мечты стать пиратом и заменил ее мечтой стать священником. И начал, когда приходил домой после школы и занятий по катехизису, вместо того, чтобы играть в мяч, уединяться в своей комнате и молиться, преклоняя колени, перед статуэткой Иисуса, надеясь, что Христос явит Себя. Родители хранили молчание, когда он читал молитву над своим супом, настолько долгую, что к тому времени, как первая ложка холодной жидкости достигла его губ, они уже приступали к десерту.

* Errol Flynn (1909-1959) - голливудский актёр австралийского происхождения, кинозвезда и секс-символ 1930-х и 1940-х годов.

** Olivia de Havilland (1916-2020) - британская и американская актриса. Основной период кинематографической карьеры 1935 - 1988гг.

Его мать, не утратившая ни вкуса к вечеринкам ни своей эффектности, не забывала о духах и ожерельях; водила Мэлоуна на мессу в деревню, где поручала ему возжигать свечи за многочисленных тетушек и дядей в Америке; иногда, после коктейля по вечерам, настаивала, чтобы он посидел с ней в залитой светом и похожей на пещеру гостиной их бунгало, пока она рассказывала о снеге и Рождестве в Чикаго. Потом она поднималась, включала проигрыватель, ставила пластинку и начинала танцевать, — танцевать по комнате, вместе с ним или одна, а мотыльки бились в сетку на двери.

— Что бы там ни было, — говорила она, — никогда не теряй чувства юмора. И танцуй! Я надеюсь, ради всего святого, что ты умеешь танцевать!

И Мэлоун вставал и танцевал для нее. Потом ему снились сани и снежные ночи, мать, которая всегда его любила, и что он отлично танцует, варежки и одеяла, падающий снег. Самыми жаркими ночами, когда пассаты продували их бунгало, он мечтал о снеге; бесконечными днями — о том, чтобы стать священником; но мечтал всегда.

Мэлоун был один из тех, чья милая, восприимчивая натура воспринимает впечатления, как горячий воск: годы спустя, когда давно уже покинул те места, он вспоминал масляно-черные тени финиковых пальм на полу внутреннего дворика при лунном свете; или свою мать, танцующую в

освещенной пещероподобной гостиной;
страдальческие завывания ветра, рвущегося
сквозь закрытые жалюзи; загорелые лица
голландских моряков, выходивших после душа,
чтобы посидеть на веранде отеля,
расположенного рядом с церковью, которую
они с матерью посещали; парфюм, которым она
пользовалась, собираясь в эту церковь,
завитки ее волос, уложенные за ушами, еще
влажные от душа; солнечный свет, косо
расчерчивающий черепицу; отблески
раскаленных на солнце гранитных скал;
ветер, раскачивающий морской виноград*.
Но впечатления, вынесенные из того светлого
бунгало, как и мечты о северном снеге в
жаркие дни, были противоречивы. Мать
даровала ему любящее сердце, отец —
определенную немецкую холодность, которая
удивляла позже в разгар его самых
эмоциональных эпизодов, проявляясь подобно
трупцу, внезапно ощутившему холод и вдруг
поднявшемуся из гроба. Эта двойственность
рассудительного отца и жизнерадостной
матери — северных снегов и тропических
ночей, моряков, посвящающих серенады
девушкам, гуляющим по улицам под жарким
солнцем, и распятого Христа в церковном
полумраке, — была своего рода гигантский
разломом, скрывающимся глубоко в земле до
того единственного дня, когда годы давления
заставляют прорваться. Гомосексуальность
была лишь одним из аспектов всего этого.

* *Coccoloba uvifera* - низкорослые деревья и цветковые растения, распространенные по всей тропической Америке и побережью Карибского моря. Плоды напоминают виноградную гроздь.

Он не считал, что его детство как-то отличалось от детства прочих, которые становились натуралами при тех же, если не худших, противоречиях, — и, наконец, пришел к выводу, спустя годы после самых серьезных поисков причин случившегося, что какая-то колдунья взмахнула над ним, спящим, палочкой в один из тех вечеров на Цейлоне. В Библии говорится, что человек разделенный нестабилен во всех отношениях. Ребенок не знал этого. Был послушным, хорошо воспитанным, разрешал все вопросы, принося домой в первую пятницу каждого месяца (например, на мессу Святого Сердца Иисуса) табель успеваемости, который нравился и матери, и отцу. Эти, такие разные, люди оба желали, чтобы он хорошо учился в школе. Так он и делал. Учитель географии, садовник-португалец, его одноклассники: все любили его за то, что он преуспевал.

— Получи образование в области права и финансов, — сказал однажды отец, — и ты всегда будешь востребован.

В возрасте пятнадцати лет его отправили в Америку, как островной ананас особого качества, для поступления в одну из школ-пансионов Вермонта; и вот так, со всем нерешенным, запутанным, несформированным в молодом человеке, который думал, что величайшим испытанием жизни будет сдача экзамена по тригонометрии, он лишь помахал на прощание мужчине и женщине, чьи жизни, как позже почувствует, содержали ключи к его собственной. По мере того, как их

фигуры становились все меньше на причале Сурабанды* между пальмами и белёными домами, с плачущей рядом служанкой, он еще больше отдалялся от тайны, которую взросление лишь затеняло, добавляя дополнительные слои корректности к отношениям, которые уже были формальными. Получи образование в области права и финансов — вот все, о чем он мог думать, когда белая рубашка его отца потерялась в цветастой палитре этого райского острова. В Новой Англии нашелся снег, — но это был снег одиночества, потому что теперь он скучал по своей семье, испытывая то первое потрясение, которое случается, когда сердце разлучено с объектами своей привязанности. Но усердно учился и откладывал счастье на какое-то будущее: привычка, которую он не оставлял долгие годы. Хотя он никогда не был таким же отличным бейсболистом, как отец в молодости, его все-таки выбрали капитаном футбольной команды. Он любил энергичные матчи — до яростного дыхания, обжигающего все внутри, — и завёл несколько хороших друзей. Приобрел то, что так важно для американцев: популярность. Окончил университет, буквально, осененный славой. Но, исходя из амбиций, поступил в Йель, оттуда — в школу права с переводом в Стокгольмский университет, где защитил диплом по праву морскому и банковскому.

* Surabanda - так в оригинале. Скорее всего это Surabaya/Сурабая — второй по величине город Индонезии, административный центр провинции Восточная Ява.

По возвращении устроился в крупное юридическое бюро Нью-Йорка и сразу же принял участие в том грандиозном пиршестве, которое будет кормить юристов десятилетиями: вступил в дело по иску к городу владельцев Центрального вокзала*. В качестве сотрудника администрации его кандидатурой заинтересовались в Белом Доме. Он был тогда красивым молодым человеком в тёмном костюме при жилетке и галстуке от J. Press**, в очках, дополняющих образ, и его часто можно было видеть в экспрессе на Вашингтон, читающим Генри Джеймса***, или летом на закате в Джорджтауне****, задержавшегося по пути на экспресс обратно в Нью-Йорк у книжного магазина, чтобы рассмотреть в витрине том о французских соборах. Есть разные способы держать дистанцию, и успех — один из них: Мэлоун был безупречным и где-то даже снобом.

Что-то произошло с Мэлоуном с тех пор, как его отправили учиться в Америку: в те снежные зимы Новой Англии, помимо привычки вставать в пять, чтобы вникнуть в математику, потом тащиться двумя милями сугробов, завтракая где-нибудь по дороге,

* **Penn Central case** (1978) - иск ж/д компании Пенн-Сентрал к городу Нью-Йорк о компенсации упущенной прибыли в связи с запретом построить высотное здание над Центральным вокзалом.

** бренд мужской одежды, основанный в 1902 году компанией **Jacobi Press** на территории кампуса Йельского университета в Нью-Хейвене, Коннектикут.

** **Henry James** (1843-1916) - крупный англо-американский писатель.

*** **Georgetown** — исторический район на северо-западе Вашингтона, вдоль берега реки Потомак.

он одолел какой-то грандиозный элемент в себе, обернувшийся настоящей чопорной девственностью. Хотя жизнь его и тогда была безупречна внешне, он чувствовал себя за стеклом, передвигаясь по миру в отдельной капсуле, ни с кем не соприкасаясь. Что было мучительно. Как-то вечером он зашел к сокурснику и обнаружил того стоящего голым после душа посреди комнаты: его это совершенно расстроило. Он писал письма девушкам на Цейлон, но то были всего лишь письма. Выслушивал истории парней из Коннектикута, которые занимались любовью уже в первую ночь по приезду домой на каникулы, с девушками в *Шевроле*; истории о городских проститутках, листал *Плейбой*, номера которого были буквально у каждого; и его все это совершенно не трогало. Такой диссонанс между его собственными чувствами и чувствами друзей сбивал с толку. Но он лишь усерднее учился и мечтал о Цейлоне. В Нью-Хейвене он научился не обращать внимания на галстук, который сосед по комнате вешал на дверную ручку, когда в его постели была девушка. Так галстуки стали для него символом богатой эротической жизни, которой наслаждались другие. Сам он был ещё девственником, когда в 1972 году снял комнату в большом доме в пригороде Мэриленда. Дом принадлежал вдове посла, дружившей с его бабушкой в детстве, он снял похожий и в Брукфилде*, Коннектикут,

* **Brookfield** - небольшой город на северо-западе штата. Основан в 1788г., население ок. 18 тыс. человек.

так как работал в двух городах. Как и большинство его сокурсников, он ненавидел города. Женатые друзья жили в Северном Салеме*, и он навещал их по воскресеньям. Полагая трогательным и необычным, что они желали его общества, ведь предполагал, не имея опыта совместной жизни, что они сочтут другого человека назойливым. Для него было важно, чтобы они были счастливы в браке, и когда год спустя те развелись, он был ошеломлён. Подумалось даже, что само по себе присутствие его в их жизни каким-то образом стало проклятием. Конечно, были и другие семейные друзья в пригородах, но в их компании чувство одиночества лишь обострялось.

Он начал изучать вина. Вступил в Сьерра-клуб**. Но каждый раз, когда собирался присоединиться к ним в походе, отменял все в последний момент, — стыдясь своего одиночества. Он был очень гордым. Ненавидел быть холостяком. Однако, в то же время был предан семье: звонил родителям каждый месяц. На Рождество посылал подарки племяннице и племяннику. На дни рождения дарил каждому из них по сто долларовых облигации.

Он начал выходить на пробежки. Осенью бегал в одиночестве проселочными дорожками, красота которых буквально ранила его.

* **North Salem** - пригород Нью-Йорка. Основан в 1788г., население ок. 5 тыс. человек.

** **Sierra Club** - американская экологическая организация с отделениями во всех штатах США. Основана в 1892г. Организует походы и выезды на природу, помимо политической деятельности.

Организовал питание, избегая холестерина и принимая пивные дрожжи по утрам с апельсиновым соком.

Окончательно стал достойным членом своего класса. Но мир внушал тревогу уродливостью, продажностью, вульгарностью. Поэтому воскресенья были заняты чтением *Таймс*. А когда приезжал в Нью-Йорк по делам, он видел все эти выпускающие пар и дым башни вдоль реки глазами большинства своих товарищей по общественному классу: куча асфальтового шлака, тлеющая под коричневой пеленой смога. Поэтому стал одним из тех людей, которые звонят *Гражданам за чистый воздух*, если видят, что черный дым из какой-нибудь трубы на Манхэттене идет дольше, чем разрешенные законом десять минут. И начал размышлять о том, чтобы ездить на велосипеде в офис из Йельского клуба* в маске, но в итоге решил, что выглядеть это будет глупо. Выхлопы автобусов приводили его в ярость. Архитектура беспокоила тоже. В силу посредственности, отсутствие красивых проспектов и бульваров, приятных площадей. Ночами приходилось перестраивать город. Он даже вступил в *Комитет по возвращению деревьев на Пятой авеню*, полагая, что всё можно спасти с помощью озеленения,

**

The Yale Club of New York City - частный клуб в центре Манхэттена, с членством, почти полностью ограниченным выпускниками и преподавателями Йельского университета. Расположен на Вандербильт-авеню 50.

но в конце концов отчаялся и перестал участвовать в сборах средств и танцевальных ужинах, организуемых Комитетом.

Бессилие и обречённость чувствовались вполне отчетливо. Относительно политики тоже; мир, как и город, казался неуправляемым хаосом, наполненным кричащими, продажными детьми — огромный детский сад малолетних правонарушителей, за которыми только присматривать.

Как-то поздно ночью, когда он заблудился в автострадах и шоссе среди янтарного зари нефтеперерабатывающих заводов Джерси, то был уверен, что попал в ад.

Но все его вина, пробежки, походы в театр делали столь же несчастным, как и минуты нерешительности в магазинах здорового питания, когда возникало ощущение, что жизнь буквально останавливается из-за выбора двух марок витаминов.

А однажды вечером по дороге домой на поезде в Коннектикут он вдруг обнаружил себя в кондиционированном вагоне с раскрытым *Нью-Йоркером** на коленях.

Мысли остановились. Страница ярко и холодно поблескивала под лампами дневного света: а он лишь переводил взгляд с блестящей поверхности на бледно-серые тонкие полоски тёмной штанины брюк. Наконец показалась станция. Он вышел в сомнамбулическом оцепенении. Никто, конечно, не ждал и не встречал его. Он чувствовал, что должен позвать кого-нибудь на помощь, но кого?

* The New-Yorker - популярный городской журнал. Первый номер в 1925г.

Я заметил его на вечеринке в галерее *Hirschl & Adler* на Шестьдесят седьмой Восточной улице*. Это была презентация коллекции портретов, работ Джона Синглтона Копли**. Мэлоун находился здесь в толпе корпоративных юристов, таких же, как он сам, их жён и пожилых представительных мужчин, чьи смокинги принадлежали еще их отцам и дедам: они продолжали существовать как класс, невосприимчивый к распаду города. Мэлоун прекрасно вписался, и если бы не его блистательная красота, я бы никогда не узнал его, — но увидел, когда проходил всю эту тусовку с подносом печенья и шампанского. Даже тогда он говорил в своей характерной живой, электризующей манере, что в таком окружении казалось неуместным, не соответствующим окружающей обстановке. Улыбка, столь ослепительная, выглядела болезненной, — почти как крик, если смотреть под определённым углом. Но так часто бывает: что-то прорывается изнутри.

Мэлоун уехал рано, чтобы успеть на поезд обратно к себе, за город, — я видел, как он мягко и ласково пожелал спокойной ночи друзьям, а затем исчез в честерфилде*** и шарфе от *Sulka*****, чтобы поймать такси...

* реально галерея расположена на 57 Восточной улице

** *John Singleton Copley* (1738-1815) - американский и английский живописец, крупнейший и наиболее влиятельный художник колониального периода, мастер портретной и исторической картины. (См. стр. стр. 95 - 98)

*** темное, длиной до колена пальто с бархатным воротником.

**** один из старейших брендов роскошной мужской одежды, в своё время представленный в самых дорогих районах Парижа, Лондона и Нью-Йорка.

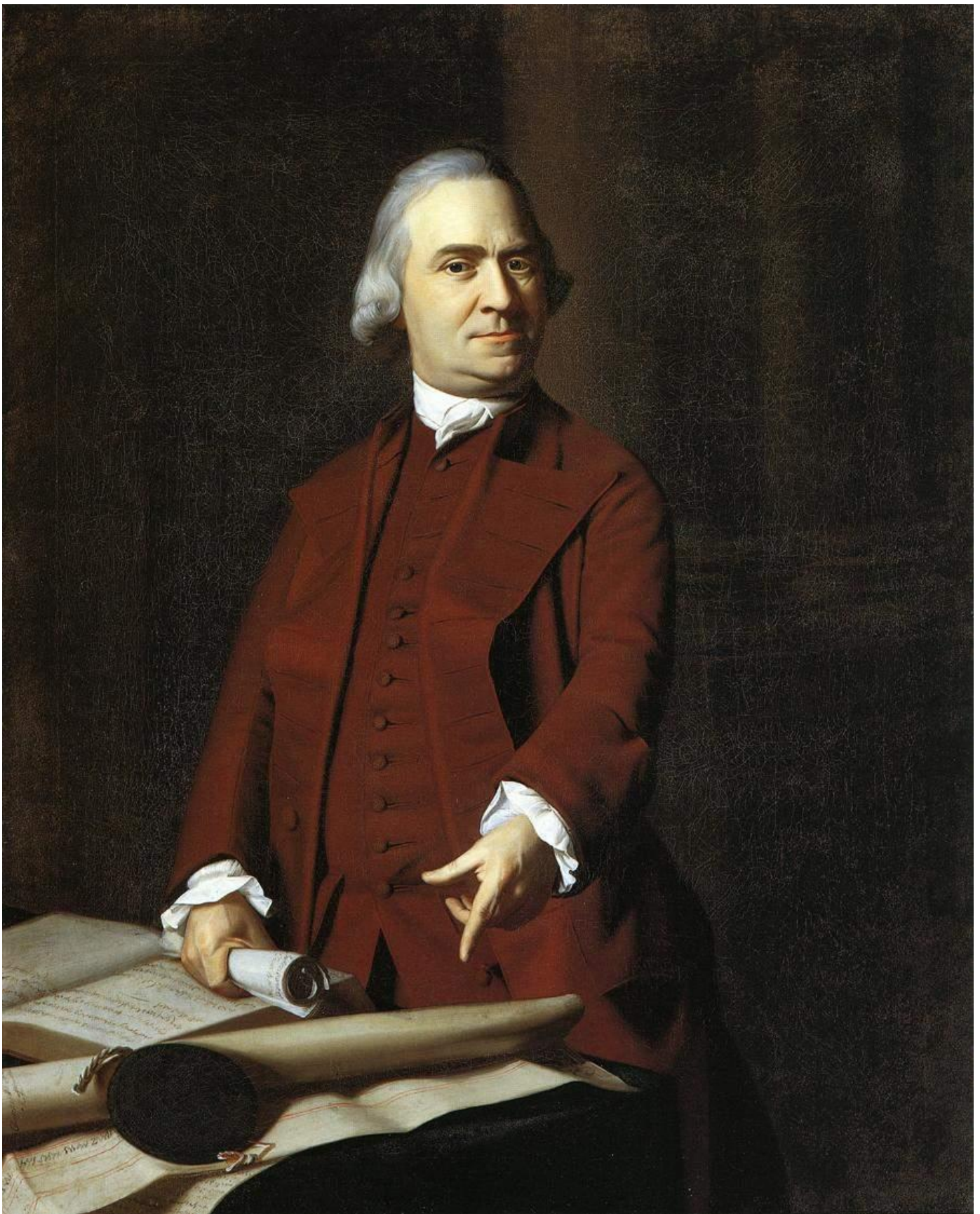
Мальчик с белкой
1765

Таддеус Берр
1758-1760

Автопортрет
1780-1784

Сэмюэль Адамс*
1772

* американский государственный деятель, философ,
один из отцов-основателей США

очень красивый мужчина, которого я больше, вероятно, никогда не увижу, поскольку в Нью-Йорке эти люди виделись преимущественно лишь друг с другом; в остальном, вели невидимое существование.

Позже он переехал ещё дальше, в Вашингтон, и вёл ещё более отшельнический образ жизни, возвращаясь после долгого дня с бухгалтерами компании Центрального вокзала в дом вдовы в пригороде Мэриленда. От вдовы всегда исходил лёгкий аромат кольдкрема*. Она обычно сидела на веранде в кресле-каталке, когда Мэлоун возвращался вечерами, и иногда приходил туда, выпить чашку чая в ее компании. Она рассказывала о муже, про очаровательный Сайгон двадцатых, пока Мэлоун наблюдал, как свет в саду сменяется закатными отблесками. Рассказывала о пляжах, которые они с мужем обнаружили на маленьких островах Сейшельского архипелага, а сумерки сгущали тени в глубине сада, под высокими дубами, среди благоухающих гардений и мирта. Он чувствовал себя персонажем Генри Джеймса и начал подозревать, что станет именно тем, с кем ничего не случится.

– Когда найдёшь свою девушку, – сказала она, ласково положив свою руку на его, – ты непременно отвези её в Садрудабад в апреле, чтобы посмотреть на изумительные деревья в цвету. Нет ничего прекраснее, чем видеть чудеса этой земли с любимым человеком! Эта фраза могла бы появиться в статье

* cold cream - косметическое средство для смягчения и увлажнения кожи.

*Ридерс Дайжеста**, но Мэлоун был абсолютно согласен с ней. Его угнетала мысль, что ему никогда не сделать этого. Но он был дисциплинированным, и на следующее утро встал покорным душой, как обычно пошел на работу, играл в сквош в час дня с коллегой, женившимся недавно, потому что, как тот заявил Мэлоуну, каждый должен быть женат к тридцати годам. Даже любимая игра теперь наводила меланхолию, потому что его партнер, старый школьный друг, постоянно говорил: *Энн то, Энн это и Мы с Энн собираемся в Зальцбург этим летом*, что лишь добавляло уныния. Он перестал навещать женатых друзей. Они, решил он однажды вечером, вернувшись из поездки, угнетают меня.

Однако та мрачность, которую навеяло всеми обстоятельствами, была ничем по сравнению с ужасающим одиночеством, накрывшим в воскресенье вечером около восьми; в виду того, что день он провел один и прокатился по антикварным магазинам с товарищем-холостяком, а уже дома, обозревая прекрасный сад, — вдова давно легла спать, намазавшись кольдкремом, аромат которого витал повсюду в доме, — он вдруг ощутил себя настолько и совершенно одиноким, что не мог представить себе никого более печального. Слезы выступили, казалось, сами по себе. А ведь этот день, воскресенье, всегда был любимым днем недели; в этот

* *Reader's Digest* - американский семейный журнал общего профиля, выходящий десять раз в год. Первый номер в 1922г.

день, воскресенье, семья всегда проводила вечера вместе, собираясь дома после всяких разных дел, чтобы за остывшим ужином изучить воскресную газету; и в этот день, воскресенье, самое мягкое, самое человеческое, самое приятное время, он сидел за маленьким письменным столом у окна, вслушиваясь в звуки сада, – словно невидимые птицы атаковали его, воздух наполнился невидимым порханием некоего укориженного присутствия. Он был одинок, как Прометей, прикованный к своей скале. Завтра поток зарабатывающих на жизнь людей захватит его; но сейчас, в этот момент, в этих зеленых мягких сумерках, в этот мягкий и зеленый воскресный вечер, когда сердце мира, казалось, пульсирует на ладони, он сидел у себя наверху в огромном доме, в ужасе от того, что просто, должно быть, не выживет.

Он решил сделать всё, чтобы избежать одиночества в эти особые моменты, – к которым относился с тем же страхом, с каким страдающий бессонницей боится часа, когда пора ложиться спать. То есть начал встречаться с девушкой, с которой познакомил на симфоническом концерте кантат Баха коллега из бюро, – аспиранткой Американского университета*, и отец которой был заместителем госсекретаря по делам Дальнего Востока.

В воскресенье днём ее маленькая белая

*

American University - частный исследовательский университет с федеральной лицензией в Вашингтоне. Основан в 1893г.

спортивная машина останавливалась у дома, раздавался звук сигнала, и вдова улыбалась, уверенно полагая, что это роман, – но роман лишь состоял из разговоров о книге *Мон-Сен-Мишель и Шартр** Генри Адамса – и когда он прощался с ней, а маленький белый *Триумф*** исчезал, растворяясь в тени больших дубов, обрамлявших въездную дорожку, Мэлоун чувствовал себя более подавленным, чем когда проводил вечер в одиночестве; подавленным всеми этими изысканными разговорами о витражах, болью от слишком большого количества улыбок, в которых было так мало чувств, поцелуями, которые лучше было приберечь для пожеланий спокойной ночи, и соблазнением, которое так и не произошло в его комнате наверху, под скатами крыши.

– Что со мной не так? – подумалось ему. Но все изменилось, так как Майкл Флориа появился в доме вдовы, чтобы заниматься садом после школы. К тому времени Мэлоун забросил плавание, куда отправлялся обычно после работы, обзорные прогулки по книжным магазинам Джорджтауна, концерты камерной музыки, на которые они ходили с той девушкой, – все это было просто нелепым притворством.

* *Henry Adams Mont Saint Michel and Chartres (1904,1913)* - книга-размышление автора, американского историка и ученого, о средневековой культуре, архитектуре, скульптуре и витражах двух знаковых французских достопримечательностей — аббатства Мон-Сен-Мишель и Шартрского собора.

**

Triumph Motor Company - изначально британская компания, основанная в 1885г., продолжавшая автопроизводство, после смены собственников, до 1984г.

Теперь по вечерам он сразу устремлялся домой, чтобы поработать в саду вдовы, избавляясь от напряжения интеллектуальных усилий рабочего дня среди прохлады тёмной земли, липнувшей к рукам, когда готовишь место под посадку нового куста или дерева. Ряды ржавых консервных банок с растениями, семена которых вдова привезла с собой из высокогорий Азии и долины Кашмира, заполняли множество полок в сарае и он начал этой зимой пересаживать все это в грунт. Заметив его интерес, вдова наняла местного старшеклассника, отец которого состоял агрономом в Министерстве сельского хозяйства, в помощь Мэлоуну. Это был отзывчивый темноглазый американец итальянского происхождения, участник школьной команды по плаванию, намеревавшийся продолжить учебу и уже подавший документы в несколько колледжей. Поэтому, когда они возились с землей на старых клумбах, перекапывая и утаптывая землю вокруг недавно высаженных чайных кустов, Мэлоун раздавал Майклу все полезные советы, какие только мог. Он был по-настоящему счастлив: холодная чёрная земля в руках, свет россыпью блёсток на тёмных листьях магнолии над ними, и смуглая красота этого молодого парня рядом.

– Он очень помогает! – радостно говорил Мэлоун вдове. – Очень славный парень!

Мэлоуну вспоминались и те приступы искреннего смеха, которые случаются в таком возрасте. Так что он любил смешить Майкла.

Иногда тот смеялся настолько сильно, что падал на землю и лежал, словно раненый, корчась в приступах смеха меж рядов чайных роз и плюмерий из Кашмира поздним зимним днём. Но ранен был не он. А Мэлоун. Но, как человек, который не понимает, что там у него липкое на ноге, пока не посмотрит вниз и обнаружит, что там кровь, Мэлоун узнал об этом лишь спустя какое-то время.

Он был очень занят по работе, и однажды вечером, вернувшись домой после долгого дня составлений кредитных договоров, услышал, как вдова сообщает, что Майкл здесь последний день. Он устроился на лето в Колорадо, а осенью собирается поступать в колледж Белойта*. Мэлоун не мог понять, почему вдруг перехватило дыхание.

Он выскочил из дома в костюме и прессовском** галстуке, с портфелем, полным бумаг, пытаясь выглядеть непринужденно, и увидел Майкла с пакетом инсектицида, аккуратно пересыпающего порошок в пятигаллонную*** канистру. И тут он почувствовал раны. Это было настолько определено и пронзительно, что сил хватило лишь на слабую улыбку, — Желаю удачи, — едва смог произнести он, пожимая парню руку и надеясь, что тот не различит под серой тканью костюма дрожь, от внезапно подкосившихся коленей. Не

* **Beloit** - город в шт. Висконсин. Основан в 1836г. Население ок. 36 тыс. человек.

** см. прим к стр. 89

*** ок. 23л.

доверяя больше голосу, он просто отвернулся. Это физиологическое предательство настолько поразило, что он вернулся назад, охваченный мрачной яростью. Пнул корзину для бумаг, шумно и громко хлопая позакрывал ящики, ревел и ругался, раздеваясь. Конечно, это было совершенно неправильная, совершенно неуместная любовь; это было единственное, чего он, — преуспевший во всём остальном, такой добродетельный, такой образцовый, — не мог даже допустить. Как если бы признавал, наконец, что у него рак. В этот миг он увидел открывшуюся перед ним жизнь, которую не мог себе представить, но и безнадежную пропасть. В любом случае, вариантов не просматривалось: сделаешь неправильно, — осудят, сделаешь все правильно, — так и останешься призраком. Лет через двадцать, в таком же доме, где-нибудь в пригороде, — двадцать восемь комнат, а в них никого. Но в ярость приводило и то, что он, который вел такую дисциплинированную, такую правильную жизнь, теперь отчаянно ревет горючими слезами из-за этого совершенно не замечающего ничего старшекурсника, уезжающего в Белоитский колледж, чтобы теперь уже там плавать в местной команде.

Он поднялся с кровати и посмотрел в окно на занятого азалиями парня в саду. На мгновение стало очевидным все безграничное безразличие природы, — совершенный хаос, абсолютная бессистемность вселенной, — ведь

было очевидно, что, склонившись над растениями, тот размышлял о составе раствора с ядами, которые смешивал, чтобы уничтожить красных пауков, терроризирующих кусты камелии, а он, Мэлоун, в то же время переживал невыносимую трагедию.

Разумный человек посмеялся бы над Мэлоуном, назвал бы его мелодраматичным, сентиментальным, посоветовал просто жить дальше и перестать думать, что он низвергнут во тьму и скрежет зубовой, — какая чушь!

Но Мэлоун не был таким разумным человеком. Некоторые живут ради любви более других. В ту ночь он пережил смерть, лежа у себя наверху в доме вдовы, в этом огромном пространстве пустых комнат, где коридорах витает запах кольдкрема и глухо отзывается звук телевизора, который смотрят внизу. В момент, когда организм обычно плодоносит, Мэлоун погиб, как бархатцы, вдруг высохшие в горшках неделю назад без всякой видимой причины.

Вся любовь его прошла путь, подобно росту и гибели какого-нибудь растения, от безразличия до, собственно, любви, а потом угасания, и ни единого объятия, ни единого поцелуя, ни единого слова не прозвучало между ним и любимым. Он слышал, как внизу вдова говорила с ним, слышал, как хлопнула дверь кухни, слышал, как открылась и закрылась калитка, через которую мальчик выходил на соседнее поле и шел домой, а он лишь лежал, смотрел в потолок, словно

изваяние в этрусской гробнице.

В ту ночь он все-таки встал, надел свою тёмно-бордовую рубашку-поло, в которой, как все говорили, выглядит особенно красивым, спустился вниз к машине, и поехал куда глаза глядят. Просто поехал, безо всякой цели. Он колесил среди пустынных галерей заправок и стоянок фастфудов, окружающей Вашингтон, подобно блуждавшей когда-то здесь армии Конфедерации, нарезая круги в багровых отблесках пончиковых и автосалонов, где всё – машины, лица, тела – мерцает потусторонним светом, продолжая и продолжая этот безумный слалом, так и не признаваясь, что делает, – пока не добрался до Дюпон-Серкл*, где остановился, вышел в темноте под зелёными деревьями, встретил мужчину, пошёл в парк и отсосал у него. Всё это происходило в состоянии, похожем на транс, и одновременно полностью осознанном; будто кто-то другой на мгновение занял физическую оболочку, которая была Мэлоуном. По возвращении домой, выйдя из этого сна, как человек, который только что кого-то убил, возвращается в свою квартиру, садится за тарелку супа, Мэлоун принял душ, длившийся больше часа, и промыл рот мылом. Остаток ночи он просидел, делая записи в дневнике. Написал стихотворение. Внес запись о том, что впервые использовал рот не для тех двух безупречных функций – речи и приёма пищи, – теперь он полностью осквернил его.

* Dupont Circle - исторический кольцевой парк и район Вашингтона

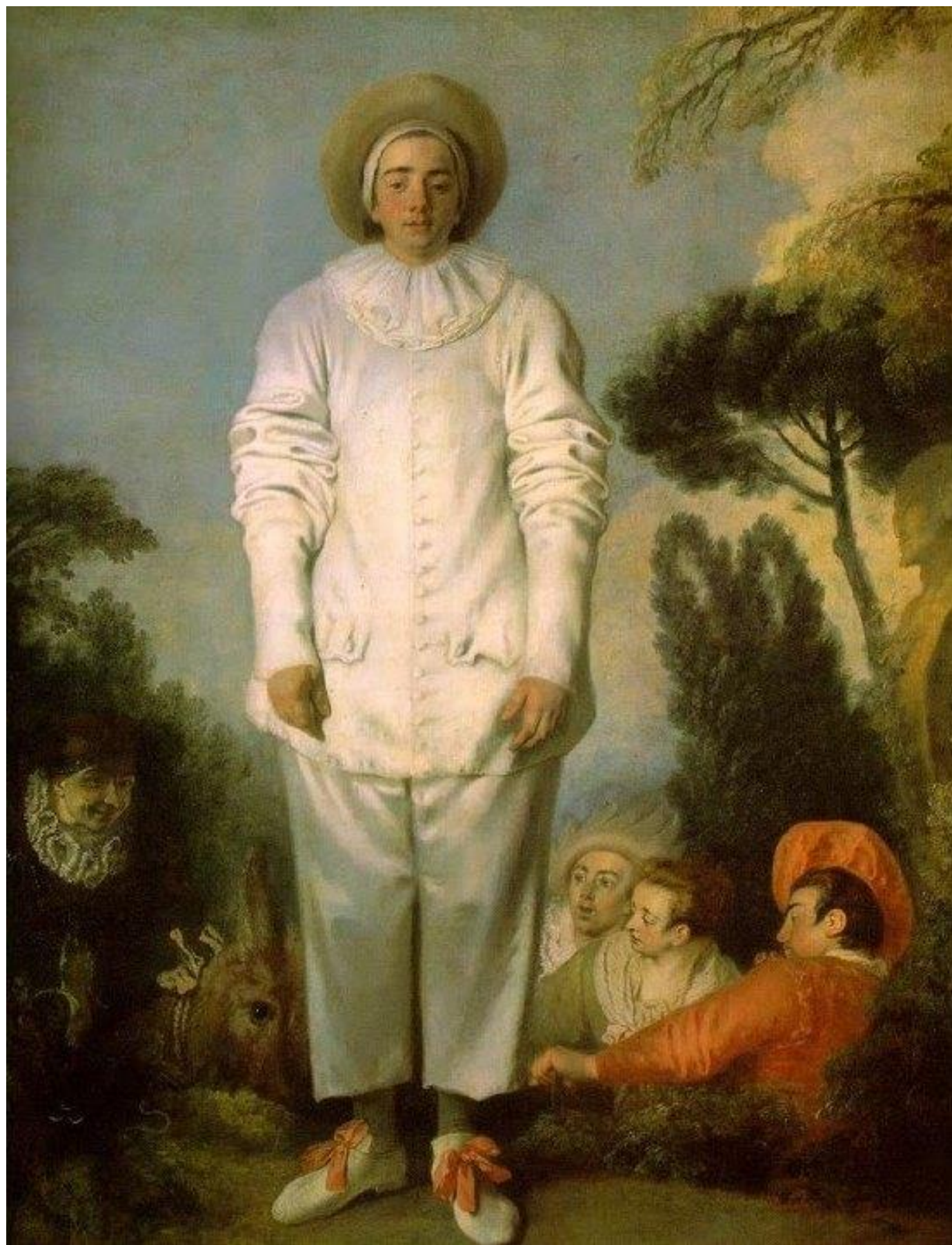
Эти губы, горло, соприкасавшиеся с молоком, яблоками, хлебом и всем дарующим жизнь, теперь осквернены безвозвратно. Ибо Мэлоун верил в каком-то неопределённом, но буквальном смысле, что тело, – храм Святого Духа, чистое вместилище. Он сидел и смотрел, как сад за окном проступает из тьмы. Это был первый горестный, но странно выразительный рассвет такого рода, и он лишь безмолвно взирал, в том безапелляционном, до побеления, состоянии самоосуждения, перед которым померк бы любой суд Божий.

Год прошёл, будто и не было той ночи. Мэлоун хранил целомудрие. Вдова умерла весной, и он переехал в город, снимая квартиру в северо-западной его части; где вел тихую жизнь, играл в сквош с тем коллегой, который женился, потому что считал это необходимым к тридцати. Посещал музеи, обозревая работы любимого Ватто*, выезжал и осматривал места сражений Гражданской войны на холмах вокруг города. Однако, теперь интерес к истории казался интересом к смерти, и приятные, прохладные дуновения налетающего ветра, когда стоишь на рыжевато-коричневом холме, смотришь на деревья, уже сбросившие листву, на фоне бледно-голубого неба, больше не радовали душу, а заставляли чувствовать против воли обречённым на общество природы.

* Jean-Antoine Watteau (1684-1721) - французский художник, академик Королевской академии живописи и скульптуры. Выдающийся мастер, один из основоположников искусства рококо. (См. стр.стр. 109 - 112)

Урок музыки
1717

Жиль (Пьеро)
1719

Любовные радости
1718-1719

Танец
1716-1718

А мысли начали разбегаться по хитросплетениям кредитных выплат и предоплат, – он больше не мог с обычной быстротой разбирать бумаги. Среди дня проваливаясь в ту бездну, которую теперь носил в себе – в осознание того, что не может вечно жить один, без любви. Это изменило отношение к работе. Она представлялась не более чем возмездным обменом на ужины в ресторанах, уроки тенниса и неделю лета во французских соборах. Буржуазное устройство мира, собственные паразитические отношения с огромной, безликой экономикой, с помощью которой зарабатывал себе на жизнь, странным образом отталкивали его. Он как-то прочитал ремарку Гейне* *Слава не стоит поцелуя молочницы* и подумал как и деньги, комфорт и престиж.

В самые тоскливые ночи он уходил в один из общественных парков Вашингтона, где просто сидел, наблюдая за соотечественниками – этими обитателями ада, мрачно думал он, за этим променадом проклятых, – пока не начинали петь птицы, и нужно было спешить домой с рассветом, вроде того человека, выстаивавшего на пляже, у самой кромки воды, а потом решившего всё-таки не купаться в этот вечер. Вода холоднее, чем он думал, суровое небо; апатия овладела им. Мэлоун садился за стол и, словно кающийся на исповеди, погружался в дневник, начать который его побудила любовь к тому парню,

* Heinrich Heine (1797-1856) - немецкий поэт, прозаик, критик, публицист.

работавшему в саду вдовы посла. В коротких заметках даже не упоминалось имя молодого человека, он упоминался как Х (настолько Мэлоун был потрясён собственными чувствами). Он, воспитанный в семье, ирландки и католика, вырос в хорошем буржуазном доме, где беспечность в отношении этикета за столом были грехом, не говоря уже о такой буре в сердце.

— Моя единственная надежда, — писал он в дневнике, более всего похожем на бухгалтерскую книгу в твердом переплете продавцов и кассиров начала этого века*, — среди них, кружащих у фонтана. Они — моя судьба, и если я хочу жить, то должен быть с ними. Что самое удивительное, у меня нет выбора. И я, никогда не ограниченный ни бедностью, ни болезнью, ни несчастием, теперь ограничен этим. Божья шутка. Маленькая шутка. Чтобы мы оставались людьми. Смирение гордецам. А я был столь горд.

Казалось сентиментальным размышлять об этом как о кресте, который должно нести в жизни, но если это не так, то что это? Звуки ночного шоу разносились по коридору от телевизора женщины, жившей по соседству, и смех, холодный, жуткий, далекий, заставлял сердце биться чаще; ибо сам он умирал.

Он снова отметил:

Есть обреченность жизни, которая будет повторяться снова и снова, как и жизни прочих других, — ведь жизнь сама по себе

* т.е 20 века

статична, подобно чтению уже написанных работ, – но некоторым повезет с удачным сюжетом, другим наоборот, – и, несомненно, понятно, что именно эта жизнь обречена на одно и то же прозябание, повторяющееся бесконечно.

Что-то, вроде удовольствия, в котором момент удовлетворения совпадает с разрушением: целовать – значит нести гибель; лишь только губы касаются того лица, которое ты жаждал, о котором мечтал, вождедел, оно всякий раз разлетается вдребезги.

И одним последним взмахом он вывел там же
ЕСЛИ ГЛАЗ СОБЛАЗНЯЕТ ТЕБЯ, ВЫРВИ ЕГО.
Но как же быть? Главный недостаток его характера постепенно исчезал после всех этих лет, уступая место пустым ритуалам насыщенной жизни, неделя за неделей. Эта жизнь была фикцией. Он возненавидел закон; фарисейские придирки относительно разделов имущества казались ещё одним проявлением смерти при жизни. Даже в нём он был не так уж силен, добиваясь всего лишь самым упорным трудом. Он был не из тех, способных справляться с контрактными спорами, учитывая византийские намёки налогового кодекса, с легкостью механических устройств, типа двенадцатисекундных овощерезок. Но был как никогда уверен лишь в общих контурах представляющейся романтической судьбе. Неудивительно, что, когда смотрел на незнакомцев на улице, его беспокойная тоска по спасению обращалась к

ним. Никто, разумеется, не пришёл ему на помощь, – до одной поздней ночи в Нью-Йорке, во время работы в дневном свете ламп на вышине офисов Уолл-стрит с векселями Республики Заир, когда вошел молодой парень-посыльный с пачкой телексов* от лондонского босса. Мэлоун, который в тот момент чувствовал себя крысой, отгрызающей себе ногу, чтобы вырваться из капкана, поднял на него глаза. Откуда ему знать, что все его желания, все одиночество были столь же ясными на лице, как символы на печатной странице? Ведь в том и заключалось его очарование: его чувства всегда были видны в глазах и на лице. Он ничего не мог скрыть. Посыльный, парень-пуэрториканец из Бронкса в бордовых брюках и теннисных кроссовках, положил телексы на стол и опустил руку на спину Мэлоуна. Круговым движением руки по спине, он перешел к груди и животу; Мэлоун повернулся и посмотрел на него. Они поцеловались. Это был поцелуй жизни. Дикая радость охватила его. Где-то хлопнула дверь, мальчик тотчас ушел, а Мэлоун остался сидеть с выражением лица Пресвятой Девы Марии на картинах, изображающих Благовещение.

Летом Нью-Йорк превращается в тропический город, хотя так бывает, в принципе, в любое время года, если уж на то пошло, – и когда Мэлоун уже поздно ночью вышел из офиса,

* телексная связь, организованная еще в первой трети 20 века, позволяла при помощи специальных аппаратов передавать текстовые сообщения.

улицы были полны людей, разгуливающих в свете уличного освещения. Каждая улица, где проезжало такси с ним, казалась несущей что-то потрясающе зловещее.

В Йельском клубе он написал родителям длинное письмо, в котором объяснил своё недовольство юридической практикой, а на следующий день ушёл от Братьев Кудерт*, чтобы посвятить себя журналистике. Но он мечтал сделать карьеру в любви. Однажды ночью заблудившись в метро, он оказался на площади Шеридан**, которая в тот летний вечер была заполнена шумными толпами молодых людей, разглядывающими друг друга и оживленно болтающими. Мэлоун направился туда, чтобы снять комнату где-нибудь поблизости. Стояла середина августа. Он не хотел быть тем человеком, с которым никогда ничего не случится. Тем временем он уже исчез для своих прежних друзей и семьи, словно бы уехал на Бали или погиб в автокатастрофе. Теперь он был совершенно свободен, чтобы с той же страстью к успеху, с которой играл в сквош и занимался юриспруденцией, стремиться к единственному, что до сих пор ему совершенно не удавалось: любви.

Так как любовь, чувствовал он, наблюдая, как пуэрториканские парни разгружают

* Coudert Brothers LLP - юридическая фирма, с обширной сетью отделений, включая московское, базирующаяся в Нью-Йорке. Основана в 1853г., прекратила деятельность в 2006г.

** Sheridan Square — площадь на Манхэттене, в районе Гринвич-Виллидж.

газировку для *Джем Сла** на углу его нового дома, любовь была всем, что имело значение в жизни; без неё жизнь не имела смысла.

И вот в последний воскресный вечер августа 1973 года он сидел на ступенях этого дома, словно монах, наконец-то пришедший к святыне Сантьяго-де-Компостела** — посвященной не Христу, в которого он больше не верил, а любви.

* *Gem Spa* - газетный киоск и кондитерская на углу площади Святого Марка и Второй авеню в районе Ист-Виллидж. Открылся в 1922г. и быстро стал культовым местом встреч представителей андеграунда. Закрыт в 2020г.

** **Собор Святого Иакова** (Сантьяго-де-Компостела) — католическая святыня в Галисии, Испания. Посвящён ближайшему ученику Иисуса Христа, апостолу Иакову. Исторически был местом христианского паломничества на Пути Святого Иакова ещё со времён раннего Средневековья и традиционно отмечает конечную точку паломнического пути.

4

Как пустынно и призрачны некоторые районы Манхэттена летними вечерами после наступления темноты: мощенные улицы не отражают неоновый свет, которого и так не очень-то много, – лишь иногда одинокая лампочка мерцает над дверью заброшенной фабрики на углу, где четыре таких же заброшенных склада расставлены напротив друг друга, – здесь улицы больше напоминают Новый Орлеан, чем Нью-Йорк, с его ржавым металлом навесов над темными тротуарами, подобно верандам Юга, и никого вокруг под белой летней луной у блестящего зеркала реки. Если души, чье будущее на какое-то время не определено, действительно обретаются в пустоте между раем и адом, называемой лимбом, то Мэлоун по прибытии в Нью-Йорк занял похожее положение. В то первое лето он и был призраком: сидел в своей комнате поздно ночью, обливаясь липким потом, прислушиваясь к странным и пронзительным звукам вокруг. В соседней квартире кашляла женщина; кто-то распахнул ветхое окно в тёмноту ночи, кто-то орал на

жену, в туалете спускали воду, непрерывно бормотало радио, сообщая новости. Вечерами, когда он обычно приходил на Уолл-стрит 245, где печатал документы на следующий день для патентного поверенного, которого никогда не видел, финансовый район был совершенно безлюден, как заводской цех после сигнала окончания работ, когда все спешат домой, к своим эротическим мечтам. Поэтому, когда он уходил, на улице не оставалось вообще никого, кроме геев и воров, именно они составляли ему компанию по пути обратно. И он пробирался, очень осторожно, мимо тёмных скоплений людей, преимущественно на пустых парковках, около стоящих грузовиков, в переулках, где они поклонялись Приапу* в свете летней луны. Эти призрачные экскурсии по таким призрачным же местам летними ночами не были чем-то удивительным: он просто ждал нового рождения. Исчезнув из прежней жизни, сбросив себя прежнего вместе с костюмами и прочим скарбом, оставленным в цоколе дома в Вашингтоне, он, по сути, перешел в иное, бестелесное состояние, ожидая пробуждения и воплощения посредством любви. Он влюблялся в людей, с которыми даже не знал, как познакомиться. Постоянно вспоминая лица, которые видел в ресторанах, замечал на перекрестках, в метро, питаясь их воображаемой любовью, как таракан крошками. А по выражениям лиц, с которыми, подняв глаза, сталкивался, понял, что и его

* римское божество. Изображался с эрегированным членом

запомнят, чтобы вспоминать. Тогда он мог бы стать жертвой великой гомосексуальной болезни – недоступного образа, который можно видеть, но не более, – но, к счастью для Мэлоуна, этому безнадежному романтизму не суждено было развиваться, потому что он встретил кого-то и влюбился.

Однажды ночью, в четыре часа, он стоял на платформе метро в Верхнем Вест-Сайде, когда из темноты, словно шахтеры из забоя, появились четверо. Они несли фонари, мотки проволоки и метлы, и были в ярко-оранжевых жилетах, и, вот, один из них заставил сердце Мэлоуна забиться чаще; поскольку посмотрел на Мэлоуна с таким уверенным, спокойным и серьёзным взглядом, словно с работ средневековых художников, явившись из темноты со включенным фонарём. Взглянул на Мэлоуна, а Мэлоун посмотрел на него, затем он поднялся на платформу вместе со всеми остальными, – и мгновение спустя, с утробным гулом и сигналом, грохочущий поезд вкатился на станцию. Мэлоун зашел в вагон, чувствуя, что некоторым образом уклоняется от смысла жизни; но со спокойным отчаянием идущего на смерть прошел внутрь, сел, собрался с духом и уставился на рекламу бараньих отбивных, а поезд тронулся, унося прочь от цели всей его жизни, причины, по которой он сюда и прибыл.

Но что делать в таких обстоятельствах, как не зайти в вагон? Двери смыкаются, и ты стремительно удаляешься от того, что в глубине сердца значит больше всего.

Он неделями вспоминал того парня, храня его образ, как знамя, и вдруг снова увидел у Банка Леуми* на Юнион-сквер**, с облегчением улыбнувшись этому свидетельству высшей силы; ведь теперь не придётся в его поисках бродить по ночному метро. Но парень просто запрыгнул в такси и уехал, прежде чем Мэлоун успел хоть как-то приблизиться. Прошел месяц, но Мэлоун чувствовал, что теперь все происходит на поверхности, на улицах, и предоставил Богу возможность новой встречи; и с этим фатализмом, спокойствием, искренним убеждением он совсем не был готов, когда зашел в клинику венерических заболеваний на Девятой авеню, чтобы сдать кровь на анализ, обнаружить того парня сидящим в приемной, угрюмо просматривающего журнал. Он поднял глаза, увидел Мэлоуна. И наступила та самая вневременная пауза, будто мир внезапно прекратил свое припадочное движение; Мэлоун тоже замер, не зная, что делать. Встретиться со своими, вдохновленными Венерой, я в этом месте! Из кабинета вышла медсестра и объявила: *мистер Оливейри*, парень встал, вошел в кабинет, а Мэлоун упал в кресло с колотящимся сердцем и подумал: *По крайней мере, теперь я знаю его имя*. И уже на приёме у врача, где все эти психофизические порывы его души обсуждались столь клинически, обычно в удовольствие,

* **Bank of Leumi** - старейший и крупнейший коммерческий израильский банк. Открыт с 1902г.

** **Union Square** - одна из главных площадей Манхэттена с 1830г.

и можно было лишь сидеть на краешке стула, раздумывая, что весь тот прежний блуд был попусту слепым метанием, и что на этот раз он, должно быть, здоров, ибо сама любовь сейчас в приёмной. Он выскочил на улицу, чтобы увидеть парня около входа, ожидающим его.

- Привет, - сказал тот.

- Привет, - отвечал Мэлоун. Раньше не было понятно, что говорить, но теперь, уже в разговоре, очевидно, что это и неважно: подойдёт всё.

Они переехали в заброшенное здание в нижнем Манхэттене. Лето лишь начиналось, и они были так же одиноки в этой части города, как если бы жили посреди полей Вермонта. Ветшающие фабричные здания, мощёные переулки, трава, пробивающаяся между камнями, пустыри, усеянные битым стеклом и выброшенным, ржавеющим металлическим хламом разного рода, - всё это лишь придавало их бытию покой и сельское умиротворение под проплывающими над ними просвечиваемыми солнцем облаками.

Фрэнки оставил жену и ребёнка ради Мэлоуна. Он жил с ними в Бейонне*, где вырос и женился. И не любил Нью-Йорк, но переехал сюда, чтобы жить с Мэлоуном. У него были качества, которые Мэлоун также потом отмечал в парнях из Нью-Джерси: они были, как ни странно, добрее тех, кто приезжал на Манхэттен ради карьеры.

* Bayonne - город в шт. Нью-Джерси, недалеко от Нью-Йорка. Основан в 1861г. Население ок. 75 тыс. человек.

Фрэнки стал работать в день, так как получил повышение в транспортном отделе и ушел из ночной бригады. Он никогда не ходил в бар, никогда даже и не желал этого, слышал о Файр-Айленде, но считал его тусовкой королевы, и вёл жизнь, которую, если не считать того, что он спит с Мэлоуном, едва ли можно было назвать гомосексуальной.

Место, которое они нашли, находилось в поле зрения бывшего дома Фрэнки на набережной в Нью-Джерси, через ровную, серебристую поверхность реки* в те раскалённые летние дни: они жили над пустым Вест-Сайдским шоссе и были совершенно одни.

У них был целый этаж, много лет назад переполненный нервной суетой женщин, занятых пряжей ниток для дамского белья; теперь Мэлоун и Фрэнки, словно какие-то создания, предпочитающие деревья, обжились высоко наверху среди руин этого города инженеров и стали, из-за жары совершенно голые, чьи бледные силуэты в лучах солнца, вполне органично дополняли хороводы плавающих в воздухе пылинок между двумя балками над редко использовавшимся по назначению полом. Именно там, высоко над пустынными улицами этой ничейной земли между финансовым районом и кварталами, которые впоследствии станут районом Вилладж, они лежали на матрасе, наслаждаясь друг другом, пока не замирали лишь только для того, чтобы дожидаться долгих занятий

* р. Гудзон

любовью этой ночью.

Поначалу Мэлоун даже не мог позволить Фрэнки сесть напротив без того, чтобы не встать и не обнять его. Не мог представить, что тот стоит у высокого окна с видом на гавань, а он не обнял его. Не мог позволить ему стоять в туалете без того же. В конце дня он сидел, поджидая его внизу, с яблоком или персиком, сок которых стекал по подбородку и застывал липкой коркой на ветру. Постоянно носил синие джинсы и теннисные кроссовки, крестик на шее, такой же, как у Фрэнки, – подарок Фрэнки на день рождения; и, как все гомосексуальные любовники, они стали похожи друг на друга – за исключением очевидного различия, когда лежали рядом, в сплетении друг с другом днем и ночью, – бледная, золотистая фигура одного и смуглая другого, темноглазого, – слияние северной и южной рас. У каждого проколото правое ухо с маленьким золотым кольцом в нем. Настоящие пираты. И Мэлоун, восхищавшийся красотой тела Фрэнки (данной ему, как и красота его глаз), начал днем посещать небольшой спортивный зал, чтобы сделать свое тело таким же прекрасным, как у его возлюбленного; здесь, под опекой старого сицилийца, прописавшего ему диету из авокадо и мороженого, Мэлоун игнорировал то, что сам отлично знал: его тело превосходно от природы.

Он просто хотел сделать что-то для любимого и поэтому работал над мускулатурой, пока действительно не добился исключительности,

даже среди замечательных телом в гомосексуальном Нью-Йорке, – но сидел у себя внизу в этом пустынном районе Манхэттена, всё ещё неизвестный тому миру, который такие тела ценит.

Мэлоун жил только Фрэнки. Покупал мыло, запомнившееся с детства, ароматизированное, из Нью-Дели, и намывал им тело своего возлюбленного, вдыхая приятно-сладковатый аромат, когда они лежат вместе. Утром, когда ещё темно и прохладно, Мэлоун вставал, шел в душ, а затем возвращался в постель, чтобы Фрэнки проснулся рядом в чистоте и свежести, и они могли целоваться в прохладе, которая, если и бывает, то лишь перед рассветом летнего дня. В конце концов счастье Мэлоуна стало настолько полным, что больше не требовалось прикосновений к Фрэнки таким безумным, навязчивым образом, а можно было только смотреть на него: когда он бреется, помешивает суп, стоит у окна, закуривает сигарету...

Да и Фрэнки обожал Мэлоуна: купил ему тот крестик на день рождения, целовал его глаза и шею, долгими часами обнимаясь с ним у окна над гаванью, и они смотрели на корабли, уходящие в море; а однажды заявил ему, что они поедут как-нибудь в Рио-де-Жанейро; и когда он сказал однажды вечером, после того как они вместе опять испортили очередную лазанью:

– В пятьдесят, мы, вероятно, станем хорошими поварами, – Мэлоун был глубоко тронут; ведь эти слова обозначали

Я буду любить тебя до самой смерти. Так как полагал, что они всегда будут вместе и через много лет, стариками, — он ведь любил Фрэнки и не мог представить какое-нибудь иное развитие событий.

Чувствовалось совершеннейшее умиротворение, когда они лежали в тени воскресным вечером, а он еще и положил голову на прохладную, гладкую впадину живота Фрэнки.

— Раньше я ненавидел воскресенье, — почти про себя шепнул он, в уже начинавшемся прочерчиваться синевой воздухе и медленно спускавшихся с неба сумерках. — Воскресенья кажутся тебе...необычными? — спросил он громче.

Фрэнки пожал плечами, поднёс сигарету к губам и произнёс своим густым, размеренным голосом:

— Ненавижу их, потому что завтра на работу. Мэлоун улыбнулся и замолчал, понимая, что едва ли стоит ожидать, что Фрэнки будет испытывать те же чувства, что и он, к небесно-лазурной святости воскресных вечеров.

— Ты слишком много думаешь, — произнес Фрэнки, пригладив волосы за ухом. — Я, например, не думаю, я просто делаю, — он наклонился к Мэлоуну и началось тщательное взаимное исследование рта и губ, через которые, подумалось Мэлоуну в этом продолжительном поцелуе, душа на самом деле высасывается из тела...

В коже Фрэнки была какая-то необычайная мягкость; Мэлоун не мог понять что это

такое, а лишь проводил руками по его животу, по рукам и ногам, словно пытаюсь определить, из какого материала они, как покупатель в Гонконге пробует на ощупь шёлк.

Прикосновения тела Фрэнки к его собственному было столь же мягким и нежным, что, когда их ноги переплетались после занятий любовью и Фрэнки засыпал, а Мэлоуну спать совсем не хотелось, он поднимал голову в тихом полумраке и желал лишь высказать хотя бы кому-нибудь: *Смотрите, я совершенно счастлив. Этот парень – настоящее чудо. А то, что он любит меня, – и еще одно.*

Он прислушивался в темноте к часам, в деликатном ритме которых будто исчезает весь мир, и только они с Фрэнки, благодаря их абсолютному счастью, все еще существуют. Когда же снова лег, и темные, мягкие волосы Фрэнки упали ему на плечо, а ветер, налетающий с гавани, начал тихонько постукивать в окно, ему казалось, будто они где-то, на каком-то уступе, высоко над миром, одинокие, как пастухи на скале с полотен Брейгеля*, – и никого кроме них в пронзительно синем, ветреном и нежном мире. Мэлоун лежал без сна всю ночь в восхищении и покое, опять же словно пастух, стерегущий стадо, только это бдение было не скучным, а радостным. Когда несколько позже начался дождь и огромные брызжущие облака

* Питер Брейгель Старший (ок. 1525/30 — 1569) — нидерландский живописец и график, самый известный и значительный из носивших эту фамилию художников. Мастер пейзажа и жанровых сцен.

опустились на пустую, освещенную оранжевыми фонарями улицу внизу, Мэлоуну пришлось высвободиться из объятий Фрэнки, чтобы встать, пересечь пространство пола и закрыть окно. Вернувшись, он обнаружил, что Фрэнки проснулся. Забравшись в постель под одеяло, чувствуя тепло тела Фрэнки, тепло его ног, живота и рук, мгновенно обнявших его, словно одно из тех растений, обвивающих камень или кованое железо крошечными бледно-зелеными усиками, оплетающими и пробирающимися выше, чтобы за ними мог последовать основной стебель, Мэлоун осознал, как его буквально душит счастье. Почувствовал, что его обнимает, укрывает этим тёплым одеялом, не Фрэнки, а сам мир, Бог, и он лежал, слушая, как сердце Фрэнки бьётся рядом, боясь дышать – он был так счастлив; пока Фрэнки не поцеловал его, а он поднял глаза и увидел в слабом свете уличных фонарей нежность и признательность, переполнявшие Фрэнки, его глаза блестели искрясь, подобно сверкающим каплям дождя за окном, когда он смотрел на Мэлоуна с лёгкой улыбкой человека, проснувшегося глубокой ночью и обнаружившего, что он не только в безопасности, но и любим. Фрэнки лишь улыбнулся, но за этот взгляд, эти глаза Мэлоун отдал бы всё на свете. И обнимая Фрэнки в эти жаркие дни, Мэлоун возвращался к самым памятным дням своей жизни: жарким дням под шелестом финиковых пальм во двореке их бунгало, духам матери, запаху

накрахмаленных белых рубашек отца и
впитавшегося в них запаху
кондиционированного офисного воздуха,
лазурным лагунам, шхунам, пальмовым
листьям, блестящим на свету, словно по ним
стекает вода, оглушительному звуку
заводского гудка в час дня, дневному сну,
чернокожим женщинам в шальях, перебирающим
четки в церкви; фальшивые годы
почтительного поведения отступали, и Мэлоун
чувствовал себя таким же умиротворенным,
как и тогда, когда он сидел у корыта с
Ирен, которая пела песни и правила волосы
горячим утюжком.

Любовь открыла многое: популярные песни,
которые он слышал на радио, как стало
очевидным, в конечном счёте соответствовали
действительности. Каждый раз, когда касался
губами впадины живота Фрэнки, он всё дальше
и дальше уходил от ночей одиночества,
кольдкрема вдовы, бесплодных лет
растраченной юности, - лишь чувственное
воспринималось при мысли обо всем этом тело
и составляющая его плоть Фрэнки. В эти
мгновения он, поднимая глаза, видел, как
Фрэнки отзывается с лёгким любопытством и
изумлением ну эту страсть Мэлоуна.

Фрэнки расспрашивал Мэлоуна о прошлом:
Фрэнки, в конце концов, оставил жену и
ребёнка ради него. Но Мэлоун с любопытством
и некоторым раздражением отметил желание
Фрэнки знать о школах, в которых он учился,
и местах, где жил, так как эта сторона его
личности казалась ему самому бесполезной.

Когда Фрэнки читал газету, то иногда просил Мэлоуна произнести слова, никогда раньше не встречавшиеся, и объяснить их значение. А Мэлоун больше не читал газет. Они ничего не значили. Он был влюблен. Газеты же воскрешали в памяти тоскливые воскресенья из прошлого; так же, как Фрэнки ненавидел тунца, потому что в основном только им и питался, когда был беден. Теперь, конечно, многое изменилось, но он всё ещё хотел заработать больше; читал объявления о вакансиях и выписывал адреса обучающих организаций, которые слышал по радио. Возвращался домой с идеями и планами:

– Может быть, стоит стать электриком, – говорил он, – мы могли бы переехать в Джерси и построить дом. Только ты, я и все эти белые придурки.

Он хотел учиться, верил в профсоюзы, какое-то время планировал заняться ремонтом телевизоров. У него были золотые руки. Он ни дня не пропустил на работе, даже когда обсуждал своё будущее с Мэлоуном, но хотел быть самому себе хозяином.

– Понимаешь, нужно учиться, – говорил он, выпуская струйку дыма. – Даже девчонки в массажных салонах проходят обучение. Даже проститутки, – сразу добавил еще.

– Какая это была бы увлекательная жизнь: жизнь проститутки, – подумал Мэлоун. Ведь в нем что-то произошло, – отрекшись от мира работы, долга, осторожностей и практичности, он теперь хотел богемной жизни. . Его очаровывали шлюхи, люди,

живущие исключительно для любви, художники, невротики, — ими был полон город...

— Но ты же учился, приятель, — говорил он Малоуну, обхватывая его голову обеими руками в месте с ушами так, что Малоуну казалось, будто его череп может быть раздавлен этими огромными ручищами, как грейпфрут; и Малоун думал, они же чудесны эти руки, руки любимого.

— Мир зависит от нас, — сказал он и заставил замолчать Фрэнки поцелуем. Но тот и не думал молчать; ему не давала покоя мысль, что Мэлоун образованнее его. Фрэнки гордился итальянскими корнями и не любил, когда его принимали за пуэрториканца. И хотел, чтобы его сын стал врачом, о чем застенчиво сообщил Мэлоуну. Хотел для себя чуть более лучшего; чему-нибудь выучиться, чинить телевизоры, переехать с Мэлоуном в Нью-Джерси, в дом, где-нибудь среди сосновых делянок. Он был все-таки настоящим американцем. Мэлоун же пропустил все это мимо ушей, словно летний дождь, который, понятно, скоро закончится.

Они были лишь вдвоем в этом здании, как пара обезьянок на дереве. Ничто не вторгалось в этот район, у которого даже не было имени, и который, казалось, заполнен большим количеством грузовиков, чем людей, район заросших высокой травой пустырей, огромных безликих складов и громадин коммутационных станций Нью-Йоркской телефонной компании. А сами они жили на бывшем некогда ведомственном кладбище.

И продолжали бы жить этой безмятежной, такой сельской жизнью, если бы Мэлоун не пошел на Гранд-стрит* за арбузом в один из знойных дней этого лета и не встретил там молодого человека, столь же прекрасного и столь же странно трогательного, как и Фрэнки. Они едва обменялись парой слов, прежде чем заняться любовью в его квартире над хозяйственным магазином. Это было похоже на то, как если бы он упал с дерева, ведь, возвращаясь домой, в тот заповедник, где жил с Фрэнки, высоко над призрачными переплетениями проводов телефонной компании, он заметил еще больше темноглазых молодых людей, пробирающихся на юг из мест обитания гомосексуалов. Он занимался с ними любовью в последующие дни. Он не знал, что произойдет, но знал, что придется лгать. И к чему готов не был, так это к почти неуловимому пониманию, которое передалось от него к Фрэнки однажды вечером во время занятий любовью, — не более чем короткая пауза, всего лишь замирание сердца, мимолетная отстраненность, которую Фрэнки почувствовал мгновенно, и когда Мэлоун со вздохом откинулся назад, тот посмотрел на Мэлоуна своими прекрасными, притягательными глазами и сказал ровным, спокойным голосом: — Если ты уйдешь от меня, я убью тебя. Это было подобно тому, как если во всем городе отключилось электричество, будто внезапно все замерло, и на гулкие обычно проспекты и улицы опустилась потрясающая

* Grand Street - улица на Манхэттене

тишина. Мэлоун вздрогнул. Слова прозвучали настолько неожиданно, в таком серьезном и размеренном тоне, что не оставляли никаких сомнений; к тому же муха, летавшая над ними, вдруг села на липкую полоску от насекомых, свисающую с потолка, отчаянно жужжала, а затем затихла...

Чуть различимое шипение проезжающих машин стало заметнее вместе с отступающей жарой; и позже, когда в окно повеяло прохладой вечера, словно из приоткрытого холодильника, они снова занимались любовью. Секс с Фрэнки всегда был похож на парные движения под водой. Они двигались, подобно целующимся под водой пловцам, медленно; но эта неспешность, гравитация, которую Мэлоун нашёл некогда столь чудесной, – то спокойствие, подобно умиротворенности работ средневековых художников, которым глаза Фрэнки одарили Мэлоуна в тот первый момент, когда он их увидел, – теперь казались не столько средневековым умиротворением, сколько летаргией духа. Неужели все это просто ловушка? Такая же хваткая, как клей на ленте от насекомых, висевшей над ними, словно гирлянда китайских фонариков? Он размышлял, лежа в сплетении их рук и ног, занимаясь любовью и раздумывая о десятке отвлекающих вещей, – о комнатах, где занимался любовью с другими, о смерти Бога, о белых рубашках отца, – и вообще странно, что он лежит здесь, ограниченный этой высокой башней посреди городских руин летним вечером.

В окне, лениво взирая со своего матраса, он видел белоснежный, сияющий огнями корпус лайнера *Канберра**, медленно уходившего через гавань в открытое море, а над ними ещё одна муха отчаянно зажужжала на клеевой полосе ленты и снова сразу же затихла. Мэлоун лежал рядом с Фрэнки в состоянии ясного, холодного, безмолвного смятения; он сам не понимал, что произошло, и решил проблему, наконец, уставившись на небо, голубое, бездонное небо в высоком окне, позволив своей душе воспарить в бескрайний простор.

– О боже, о боже, – приговаривал Фрэнки, вернувшись с работы на той неделе, снимая галстук и закуривая косяк. Он поцеловал Мэлоуна и, не понимая, почему произошло отчуждение, пытался вернуть всё к прежнему. Мэлоун был тронут. Спросил Фрэнки, как прошёл день, но им, по сути, не о чём было говорить. Раньше это не имело значения, а сейчас молчание воспринималось болезненно. Фрэнки любил смотреть телевизор, Мэлоун же его терпеть не мог. Теперь, рассматривая Фрэнки долгими, унылыми вечерами, когда телевизионные комедии прорезали привычную тишину, Мэлоун спрашивал себя, почему он здесь, с человеком, который смотрит телевизор, каждый вечер накуривается, ненавидит своего начальника и обладает вспыльчивым характером; но потом Фрэнки, отворачиваясь от холодильника с бокалом

* океанский лайнер, совершавший круизы в составе флота компании P & O Orient Line (ныне P & O Cruises) с 1961 по 1997 год.

вина, смотрел на Мэлоуна своими затуманенными глазами, и Мэлоун вспоминал.. Однажды воскресным днём, понимая, что Мэлоун больше не может выносить этот самый любимый его день здесь, в их солнечном скворечнике над гаванью, Фрэнки наклонился, поцеловал лежащего рядом Мэлоуна, а затем, с его рукой в своей, спросил, не желает ли он сегодня съездить в Нью-Джерси и погулять с его сыном. Мэлоун почувствовал, как внутри у него что-то перевернулось. Но поехал, и рука об руку с Энрико и Фрэнки они прошли по призывно-ярким аттракционам парков развлечений, зашли посидеть в кафе-мороженое из-под зноя палящего солнца, а Мэлоун становился всё грустнее и грустнее. В конечном итоге, именно привычка записывать мысли и произошедшее в дневник положила конец роману. Однажды вечером Мэлоун пришёл домой с работы и обнаружил Фрэнки стоящим посреди комнаты. Телевизор был выключен. Мэлоун лишь взглянул на Фрэнки и сразу понял, что произошло. Его раскрытый дневник лежал на матрасе.

– Что случилось? – только и смог произнести Мэлоун.

– Так где ты был в понедельник днём? – яростным, жёстким голосом следователя спросил Фрэнки. – А где в среду днём, когда я звонил? И кто такие Джордж Диллоу и Стэнли Коэн? Ты, чёртов ублюдок! – прорычал он, ударил Мэлоуна по щеке и вдавил его в стену.

Да, вот как это бывает. Ревность, насилие.

Убийство в любовном гнездышке... - подумал Мэлоун с холодной отстранённостью человека, только что выбравшегося из автокатастрофы, сидящего на склоне холма, недоумевая, почему это он не дома в постели. Ведь вопрос, что произойдёт, если Фрэнки когда-нибудь обрушит на него такой же гнев, как в тот день, когда бакалейщик отказался обналичить ему чек, или в тот день, когда узнал в телефонном разговоре, что знакомый в Нью-Джерси сдал других агенту по борьбе с наркотиками, никогда не терял актуальности. - Чувак, он мёртв, - сказал тогда Фрэнки. - Завтра он окажется в реке, - Мэлоун слушал и не верил своим ушам.

Сейчас же Фрэнки снова и снова бил его по лицу, бросал об стену, пинал, бил кулаками по рёбрам. С этим избиением Мэлоун, понимая, что больше никакие разговоры невозможны в принципе, и опустошенный до бессилия, просто сбежал. Скатился вниз на жаркие, пустые улицы, бежал и бежал изо всех сил несмотря на сломанное ребро, пока не остановился в тёмном переулке неподалеку от Бонд-стрит*, где сел, кашлял, плакал и ждал, пока не прекратится дрожь. Потом встал и пошел к северу, пока не добрался до многолюдной части района Виллидж, где кинотеатры, магазины всё ещё были открыты, а рестораны полны улыбающихся людей в тени зелени растений, по ту сторону зеркальных витрин.

Он снова сел на какие-то ступеньки.

* Bond Street - улица Нижнего Манхэттена

Идти было некуда, да и боль в нескольких местах усиливалась. Так он и сидел, не обращая внимания на проходящих по 10-Западной. Но вдруг изумленно увидел это: настоящая герцогиня в парике, внезапно возникшая на фоне задней двери склада, где только что завершился *Бал Магии, Фантазии и Мечтаний*.

- Помогите, — произнес Мэлоун.

- Дорогой мой, — отвечал Сазерленд, взглянув на его перепуганное лицо, — дом Гиш никогда не закроет двери своего владения нуждающимся в защите беднейшим из подданных, — и помог Мэлоуну забраться в прибывшее такси. Некоторое время они ехали в тишине, только Мэлоун тяжело дышал рядом с Сазерлендом, его ноги дрожали, как дворники на ветровом стекле. Никто не произнес ни слова. Сазерленд протянул Мэлоуну сигарету, тот лишь покачал головой, и Сазерленд молча курил, время от времени поглядывая на Мэлоуна в свете проплывающих уличных фонарей, пока они катили на север. Прошло много времени с той поры, как он останавливался у книжного магазина в Джорджтауне, разглядывая альбомы, посвященные французским соборам, и он больше не выглядел как молодой человек, заглянувший в книжный летним вечером, а больше походил на парня, только что выскочившего с поля в Нью-Гэмпшире: с блестящими глазами измотанный футболист, лицо расцарапано в пылу игры, серьга затерялась в растрепанных золотистых

волосах. Мэлоун всегда отличался двусмысленным видом воспитанного, но уличного парня, и это так заинтриговало Сазерленда, что, когда такси остановилось у его дома на Мэдисон-авеню, он развернулся к Мэлоуну и спросил:

– Простите за вопрос, но... вы материально заинтересованы относительно чувственных контактов?

И Мэлоун, так же деликатно, как этот незнакомец рядом, с сигаретой Голуаз, в белом парике 17 века, в парче и стразах, мягко улыбнувшись ответил:

– Спасибо, нет, – поскольку был настолько мягкосердечен, что не переносил отказа кому бы то ни было. Отказ другой стороне расстраивал его гораздо сильнее, чем собственный, – он был одним из немногих гомосексуалов в Нью-Йорке, кто уходил с кем-то лишь потому, что не хотел ранить чьи-либо чувства.

– Я восстанавливаюсь после любовной ссоры, – добавил он. – Не везёт в любви.

– Тогда пойдём в Карлайн*, – сразу предложил Сазерленд, протягивая руку, – и выпьем. Я всегда хожу в Карлайл, чтобы протереть синяки кубиком льда, смоченным в перно**. А потом потанцевать в клубе Двенадцатый этаж.

* **Carlyle** - кафе, ночной клуб и бар в одноименном отеле на Манхэттене. Очень популярное место встреч и отдыха у городской богемы. Основано в 1955г., работает по настоящее время.

** **Pernod** - один вариантов нового абсента в 1970-х, крепостью в 30 градусов и на анисе, в отличии от полыни в оригинале.

После Карлайла они отправились к Сазерленду, в его скромную обитель над небольшой галереей на Мэдисон-авеню, поскольку в Двенадцатом этаже не принято было появляться раньше двух часов ночи, а было только начало второго. Сазерленд стряхнул с кровати рукопись по истории религии, которую писал последние пять лет, и уложил Мэлоуна, чтобы заняться его синяками, – и именно это, годы спустя, он никогда не забывал, поскольку определение милосердия от Христа, – самое простое и верное *Ты приютил меня израненного*. Он убедил Мэлоуна рассказать обо всем, что случилось с ним снова, пока тот промывал лицо дарами Жермен Монтейл*, восклицая в разных местах, с блестящими глазами: *Ах!*, ибо Сазерленд, подобно царю-повелителю Шахерезады, мог часами выслушивать любовные истории. Он прекрасно знал, от чего и почему Мэлоун бежал.

– Конечно, он тебя избил, – заявил Сазерленд, промокая ватным тампоном цвета лаванды висок Мэлоуна. – Латиносы – последняя эгоцентричность на свете! Ты поработен красотой смуглых красавцев, и я вижу впереди лишь скорбь, которую ты, без сомнения, ждешь, – декламировал он. – Неужели ты не мог бы, неужели ты не хотел бы полюбить кого-то вроде меня вместо всего этого?

Но этот вопрос нес характер риторического

* Germaine Monteil - американский бренд, специализирующийся на люксовой косметике и парфюмерии. Основан в 1936г.

предложения, в которое и сам Сазерленд больше не верил. Он лишь взглянул на Мэлоуна и сказал:

– Боже! Со сколькими мне нужно будет еще тебя познакомить! – а затем, словно упаковывая в оберточную бумагу какую-то ценную безделушку, найденную буквально под ногами, обернул Мэлоуна одеялом и добавил, – Конечно, он тебя побил. Пусть будет уроком. Это этнический генофонд, в котором мы засели, как дети в песочнице с какашками. Минеральная вода сознательных французенок по всему миру, – пробормотал он, наливая Мэлоуну стакан *Перье*. – Видит Бог, пришлось поискать, – продолжал он, отпивая из своего стакана, вздохнул и протянул Мэлоуну кубинскую сигару. – Центр, окраины. Раньше я, бывало, выбирался в пригороды по субботам, потому что там было так много красавчиков с темными глазами. Какое-то время я переключился на Филадельфию, Род-Айленд. Но давайте будем честны. Какими бы божественными они ни были в постели, у итальяшек* нет сердца! Женщины с самого детства растлевают их: обожают, балуют, возводят в ранг богов. Печально, конечно, что они такие красивые. Настоящие любовники и, увы, принадлежащие к той же культуре, что и мы, хотя, как считается, мы все же эмоционально отсталые, – ну, да, в каком-то смысле мы холодны, как рыбы. В другом смысле, мы – единственные, способные действительно любить.

* guinea в оригинале

Пусть итальянцы и евреи размахивают руками, клянутся в страстности, но они ничего не понимают, ничего не смыслят в любви! Они — девчонки из шоу, друг мой, и не забывай об этом! Только северный европеец способен по-настоящему испытывать муки душевной боли, — Сазерленд выпустил струйку дыма и многозначительно посмотрел на Мэлоуна; потому что видел себя десять, даже пятнадцать лет назад, рассматривая Мэлоуна, сидящего на диване, в синяках и лиловыми пятнами на лице в свете домашней лампы тем поздним летним вечером у себя же в комнате на Мэдисон-авеню. Он был тем Сазерлендом, много лет назад, и его лицо всё ещё хранило способность выражать ту романтическую надежду, с которой столь многие приезжали сюда, в этот город; и Сазерленд наслаждался этим.

— Боже мой, — снова пробормотал он тихо, — мне нужно познакомить тебя со столькими людьми.

Мэлоун же просто сидел, повеселевший, но и замороженный странной мудростью, исходящей от этого человека, и сознавая, что идти больше некуда. В полпервого ночи он не знал в городе никого, кроме его уже, видимо, экс-любовника, от которого только что сбежал.

— В конце концов, мы живём в опасные времена, — продолжал Сазерленд, закуривая ещё одну сигару, — в полной философской стерильности, живём в грубое и опасное время, когда нет никаких ценностей,

о которых можно говорить, и цепляться можно только за конкретные вещи — например, член, вздохнул он, стряхивая пепел в чашу с увядшими ноготками. Встал, подошёл к шкафу и открыл дверцу, являя, подобно графу Монте-Кристо, своё сказочное сокровище — гардероб пятнадцати сезонов. Какое-то время они оба молча смотрели на стопки камуфляжа для джунглей, обычного камуфляжа, выбеленных спецовок и художественно изляпанных красками джинсов, джинсов на молнии и джинсов на пуговицах, майки и тонкие футболки, ремни-паутинки, клетчатые рубахи и десятки футболок всех цветов; здесь нейлоновые куртки-бомберы соседствовали с кожаными, коричневыми и черными; а на полу рядами выстроились в парадном расчете рабочие ботинки, мотоциклетные с высоким голенищем почти уже сапоги, сапоги ковбойские, brutальные заводские ботинки, походные, висели бейсболки, шахтерские фуражки времен до появления касок, а рядом, в плетеной корзине, настоящим змеиным клубком, — прозрачные пластиковые ремни, которые Сазерленд однажды обнаружил в магазине на Кэнел-стрит* и ознакомил с ними гей-Нью-Йорк, а значит, всю страну несколько сезонов назад. Свистки, тамбурины, вязаные шапки, очки-авиаторы, алюминиевые ингаляторы, тёмные очки с двойными оправками в стиле *Сиротки Энни*** и авиационных,

* Canal Street - соединяет Манхэттен с Джерси-Сити и Бруклином.

** Little Orphan Annie - главный персонаж оригинальных комиксов Гарольда Грея, выходивших ежедневно с 1924 по 2010гг.

огромные перламутровые веера, — вмещала другая корзина, свидетельствовавшая о весьма разнообразной экипировке, которую Сазерленд считал необходимой, когда выбирался по клубам в разные сезоны.

— Но со временем понимаешь, — вздохнул Сазерленд, удрученный тем, что ночью на очередной вечеринке его отвергли, а он два года ждал просто возможности поговорить, — что нет ничего, кроме этого, — сказал он, извлекая бледно-оранжевую с красным клетчатую рубашку из *Блумингдейл** и бросая ее на кучу футболок пастельных тонов из армейского магазина там же, на Кэнел-стрит, рядом с корзиной, заполненной прозрачными пластиковыми ремнями. Он надел бейсболку и развернулся к Мэлоуну:

— Есть тут что-нибудь, что ты хотел бы надеть? И тебе нужно избавиться от этих теннисок, — он выставил на обозрение пару *Herman Chemi-Gums*** из Хадсона на Тринадцатой улице. — Эти гораздо прочнее. Так что же нам остается? — сказал он, размещаясь рядом с Мэлоуном и поднося к губам бокал с перно. — Для чего, спрашивается, остаётся жить? Зачем вставать с постели? Ради этого унылого круга занимательной неискренности? Ради омерзительного буржуазного общества, навязанного нам последователями Аристотеля? Нет, мы всё ещё можем выбрать жизнь богов и

* *Bloomingdale's Inc.* — американская сеть люкс-универмагов, основанная в 1861 году Джозефом Блумингдейлом и Лайманом Блумингдейлом. Магазины продолжают работу по настоящее время.

** обувь на патентованной подошве *Chemi-Gums*.

поэтов. Что ведет к танцу. Да, — продолжал декламировать он, поворачиваясь к Мэлоуну, — это всё, что остаётся, когда уходит любовь. Только танцевать, — он изящно указал рукой на стопки кассет и пластинок в другой части комнаты. — Ибо в этом городе нет любви, — сказал он, бесстрастно взирая на Мэлоуна, — только диско — но и они быстро увядают тоже под неумолимым давлением капиталистической эксплуатации... — он ещё мгновение смотрел на Мэлоуна, а затем тихо заключил, — а что более подходит для начала Вашего образования, чем подняться с Вами на Двенадцатый этаж?

Но вместо начала Мэлоун в тот вечер просто уснул, он и вообще спал гораздо больше в эти первые недели осени, — ведь когда в нашей жизни ничего не происходит, мы просто остаемся в постели, — однако слышал, смутно, сквозь сон, или видел сквозь полуоткрытые глаза, через слипшиеся ресницы, странные фигуры, проникающие в комнату и покидающие ее, изо всех сил стараясь хранить тишину: Сазерленд и его друзья, (которых он приводил посмотреть на Мэлоуна, спящего, подобно нормандскому принцу где-то на краю света), в огромных конструкциях из папье-маше, с чудовищно-огромными головами, райскими птицами, в образе придворных Франции и Падуи, персонажей фильмов Феллини, — готовились к костюмированным вечеринкам начавшегося сезона. Впрочем, Мэлоун пропустил вечеринку

Феллини в Зале Радуги*, вечеринку Лео в Арсенале**, событие Иллюзии и кошмары в Автомате на Сорок второй улице, поскольку лежал в постели и слышал, словно со дна моря, далекое, раскатистое эхо сигналящих и проносящихся на улице такси — звуки, открывающие глубины с воспоминаниями о детстве, когда он приезжал в Нью-Йорк на каникулы со школы. Сазерленд любил в этот город точно так же, — если для Мэлоуна Нью-Йорк заключался в далёком, срывающемся звуке клаксонов такси на дне ущелий Среднего Манхэттена, то для Сазерленда в странном вкусе сэндвича с яичным салатом из кофейни в отеле, где он сидел, возбужденно осматриваясь, и ждал, когда коридорные принесут багаж его матери, а потом они на такси прокатятся к 47 пирсу, а там, на лайнере Роттердам***, забронирована каюта, чтобы отправляться в Европу. Он влюбился в Нью-Йорк, бывая здесь ещё в детстве, в особый запах его влажного, бодрящего воздуха, в чайки, кружащих над мачтами корабля, поднимающегося по Гудзону к причалам. Влюбился в тот город, и хотя теперь уже другой, привязанности сохранились, в сочетании с любовью юности и зрелости.

* **Rainbow Room** - знаковое и очень модное пространство, ресторан и тп. в здании 30 Rockefeller Plaza на Манхэттене, с 1934г. по настоящее время.

** **The Park Avenue Armory** - здание, построенное для нужд Национальной гвардии США. В 1970-е годы, да и по настоящее время - площадка для выставок, вечеринок и тп. Здесь есть и музей необычного искусства.

*** **S.S. Rotterdam** (1959-1997) - круизный океанский лайнер, построенный в Голландии. С 2010г. - плавучий отель в порту Роттердама, Нидерланды.

В пять часов, в тот самый час, когда они с матерью гуляли здесь по улицам, чтобы заглянуть в музеи, универмаги, рестораны и театры, он теперь просыпался после вчерашней вечеринки, умывался и бросался вниз встречаться с красивыми мужчинами, возвращающимися с работы, чтобы если не заняться с ними сексом, то хотя бы поболтать за коктейлем.

Иногда Мэлоун просыпался и наблюдал Сазерленда в униформе Клары Бартон*, умывающегося с косметикой Эрне Ласло**:
– Ты должен выздороветь, дорогуша. Такое множество людей не могут дождаться, чтобы поговорить с тобой! Мне пришлось отказать в стольких приглашениях: виконтессы де Риб***, Бейб Пейли****, и того профессионального танцора со Второй авеню с ванной в стиле ар-деко, знаешь ли, – с пафосом рассказывал он, прикладывая пропитанный лекарствами ватный тампон к шее Мэлоуна и возвращая на его лоб.
По пробуждении в другое время Мэлоун находил Сазерленда, пытающегося усовершенствовать свой фирменный пирог с кремом или в костюме в тонкую полоску у торшера в кресле читающего вслух трактат

* **Clara Barton** (1821 - 1912) - медсестра, основательница Американского Красного Креста.

** **Ernő László** (1897 - 1973) - венгр, американский дерматолог, основатель бренда косметики своего имени.

*** **Vicomtesse de Ribes** - французская аристократка, дизайнер, икона моды, бизнес-леди, продюсер и филантроп, последнее появление в кино в 2008г.

**** **Babe Paley** (1915-1978) - редактор модных журналов и светская леди.

Ортеги-и-Гассета* о любви.

Мэлоун лежал на диване, словно идущий на поправку пациент клиники, прислушиваясь к словам, рассматривая на потолке тени лампы. Что касается Сазерленда, он не мог быть счастливее, с учетом не только нового подопечного, но также красивого и внимательного. Всегда приятно выудить новое лицо из окружавшей его толпы самых скучающих и неистовых на свете, и, в частности, трогательно наблюдать кого-то столь очаровательно потерянного, как Мэлоун.

Но всё же столь многое различало их, так что, наблюдая в свою очередь за Сазерлендом, в череде довольно пестрых дней и событий, Мэлоун находил много возмутительно шокирующего. Почему же тогда он оставался? Этот вопрос не потеряет актуальность и по прошествии многих лет, почему он остался с Сазерлендом тогда и в последующие семь лет? Но ответ не нашелся. Слушая рассказы Сазерленда, проводя дни за чтением томов Сантаяны**, Платона, Ортеги-и-Гассета, с которыми Сазерленд часто оставлял наедине, возникала мысль, что этот город – величайший университет из всех, настоящий, а всё полученное ранее образование до сих пор было скорее пародией на подлинное.

* José Ortega y Gasset (1883-1955) - прогрессивный либеральный испанский философ, эссеист

* George Santayana (1863-1952) - испанский философ, эссеист, поэт и прозаик.

И он, тот кто серьезно изучал историю Верховного суда, расцвет и становление протестантской этики, религиозные принципы Германа Мелвилла*, теперь просто неподвижно лежал, в прохладе первых осенних дней, похожий на человека, восстанавливающегося после какой-то радикальной операции. Но вдруг однажды поднялся и вышел в город ранним вечером, зная, что Фрэнки на работе, отправился забрать свои вещи; однако их старое фабричное здание обнаружилось совершенно пустым... только кучка джинсов в углу и его дневник на матрасе, открытый на той же самой странице, с которой Фрэнки читал об изменах. Мэлоун прошел к окну, смотрел вниз на сверкающую голубую гавань и вспоминал, как они стояли здесь, обнимались под горячим июльским ветром; взглянул на холодильник, где Фрэнки, казалось, всегда держал запас кубиков льда; на матрас, теперь заметно пыльный в лучах солнца, — и тотчас выскочил наружу. Всё было кончено: мертво. И никаких идей, куда подевался Фрэнки.

Но что ещё хуже, он был повсюду: возвращаясь к Сазерленду, Мэлоун заметил в метро, на улицах с полдюжины парней, чьи серьёзные выражения лиц и тёмные глаза призывали его оглянуться, а сердце бешено колотилось. Так он впервые узнал отчаяние. Но добрался до Сазерленда, закрывая дверь, словно бежавший из полиции.

* Herman Melville (1819-1891) - американский писатель, поэт и моряк. Автор романа *Моби Дик, или Белый кит* (1851)

Поэтому Мэлоун был благодарен судьбе за возможность оставаться вдали от прежней жизни, самыми прекрасными осенними днями, тогда, когда Сазерленд проводил эти самые дни в мужских туалетах метро или на переполненном Центральном вокзале, отзываясь на бурные желания страховых брокеров, когда день в офисе закончен, а от вечера с женой отделяет время ожидания поезда. Мэлоун же читал, вздыхал и размышлял, но редко проводил день в одиночестве, потому что кто-нибудь постоянно забегал в поисках Сазерленда.

– Как вообще жизнь? – спросил однажды Мэлоун Сазерленда.

– Не очень-то легко, – ответил тот.

Обычные обстоятельства, похоже, не подходили к его случаю; ему прислали билет на самолет, и вторую половину октября Сазерленд провел в Картахене*, играя в бридж. Мэлоун опять же лежал и наблюдал, как через апартаменты Сазерленда идет нескончаемый поток красивых парней и мужчин, таких, каких он никогда раньше не видел. Это были те самые, кто помогали продавать хлопья или джин массам, и они могли зайти в любое время дня и ночи, пока наконец Сазерленд, по возвращении из Колумбии, не установил рабочий график, воссел за столом в большой черной шляпе с рисунком, с накрашенными ногтями и гарденией в петлице костюма от Шанель,

* Cartagena - крупный город в Колумбии, на побережье Карибского моря. Основан в 1553г. население ок. 900 тыс. человек.

подсчитывая продажи на офисном калькуляторе.

– Не обращай на них внимания, дорогуша, – также деловито сообщил он Мэлоуну. – Это просто люди, которые привыкли ко всему в виде таблеток. Вид шприца тебя не смущает? – участливо спросил он. – Если да, то можем спуститься вниз...

Спуститься вниз Мэлоуна заставил скорее ливень; шторм, налетевший из Бостона и продолжавшийся пару дней в конце октября, призывал надеть теннисные кроссовки, взять зонтик и выбежать из квартиры. Повсюду была любовь: влюбленные ждали друг друга у продуктовых магазинов с рассеянным, но и нетерпеливым видом, пока другая половинка не появится с пакетом продуктов, и они, взявшись за руки, не уйдут готовить ужин. Бородатые студенты и их подружки, стоявшие в метро бок о бок, гипнотизировали Мэлоуна, не сводившего глаз с белых, с прожилками вен, рук этих парней, рядом с девичьей шейкой. Он долго бродил по улицам и в три утра в полном одиночестве на станции Чемберс-стрит, совсем один в промозглом, холодном свете флуоресцентных ламп ждал поезд из центра, и размышлял, что вот так впервые увидел Фрэнки, прохаживающегося по одному из этих путей с фонарем как раз примерно в такое время, но уже давным-давно. Позже он вдруг обнаружил себя на пути домой по Мэдисон-авеню, совершенно убитым, уставшим до смерти, в ту ночь, когда легкий дождь столь деликатно моросит

над ним. Заметил, как человек, которого он видел раньше, забившийся в нишу парадного, в поисках укрытия от непогоды, теперь неуверенно направился к нему, внезапно остановился неподалеку, под летевшей сверху моросью, посмотрел на Мэлоуна, его лицо отчетливо читалось в свете уличного фонаря, и сказал:

- Возьми меня домой с собой. Пожалуйста.

Мэлоун ничего не сказал и пошёл дальше, точно так же, как научился проходить мимо что-то выкрикивающих сумасшедших, нищих, просящих милостыню, - в ужасе.

На День благодарения он отправился домой в Огайо на поезде вдоль Саскуэханн^{*}, в рано наступающих сумерках, полных снежинок среди изгибов тёмного леса. Это был самый медленный путь домой, подобный подъему из глубины, на который ныряльщику нужно время. Стало настолько грустно, что даже отразилось на общем состоянии. Рядом с ним сидел студент колледжа, очень беспокоящийся относительно среднего балла, достаточного для поступления в медицинский университет; Мэлоун слушал, как тот рассказывает о своих страхах, с некоторым облегчением. Видел, как этого парня встречают родители на платформе, и внезапно почувствовал, что не сможет быть таким открытым с собственной семьей. Но у дома сестры, в звуке хлопающих дверей машины, с криками племянников и племянниц, обступивших его, в усиливающемся

^{*} Susquehanna - река в северо-восточной части США, самая длинная среди североамериканских рек, впадающих в Атлантический океан.

снежном вихре, с крутящимися рядом щенками, приобретенными семьей совсем недавно, ужас, с которым он прибыл, испарился.

– Когда ты женишься? – прошебетала младшая племянница, наклонившись к нему за праздничным столом. – Почему бы и нет, у тебя же есть машина? – именно эти две вещи в её пятилетнем сознании составляли, – а была ли она неправа? – взрослую жизнь в Америке. Он как-то немногословно оправдывался, но родители, вернувшиеся в Огайо этой осенью, внимательно слушали; хотя, в силу строго уважения личной жизни друг друга, свойственного их семье, сами эти вопросы не задавали никогда. Они полагали, что он пишет книгу по юриспруденции. Однако позже вечером, когда почти задремал, накрывшись газетой в кабинете, рядом весело трещал огонь в камине, а дом был полон далёкими криками детей, играющих в комнатах наверху, и взрослых, разыгрывающих очередную карточную партию в столовой, он посмотрел на собаку, – а та вопросительно взглянула на него: – Я гей, – прошептал он собаке.

Сквозь тонкие ветки елей у самых оконных стекол, беззвучно падал снег, и Мэлоуну представлялось, как этот полог укрывает торговые центры на холмах вокруг города, заполненные такими же семьями, он слышал шуршание и скрип шин фургонов, проезжающих по дороге за окном, полных детей в эскимосских капюшонах, дремлющих в обнимку с друг другом. Улыбнувшись повороту судьбы,

оградившей от всего этого, словно заключённого, которого в наручниках ведут по коридору больницы мимо других пациентов, он уснул. Когда же проснулся, в самую ночь, камин лишь тлел, а в доме внезапно стало холодно и тихо, губы чувствовались влажными, вдруг подумалось: *Снился Фрэнки*, и захотелось под любым предлогом умчаться в аэропорт, вернуться в Нью-Йорк, потому что невозможно жить без того, что теперь казалось источником существования: этих темноглазых, серьёзных молодых людей, вечно спешащих куда-то в свете магазинных витрин, в полумраке улиц, с широко раскрытыми и прекрасными глазами в ранних зимних сумерках этого сурового, нереального города.

Вернувшись через неделю в Нью-Йорк, с грузом добрых пожеланий и домашней стряпни, он обнаружил Сазерленда посреди комнаты с маской из грязи на лице, круглыми серьгами и в красном платье, снятом до пояса, – детали костюма, в котором тот ходил на танцевальную вечеринку в образе Ла Лупе*, – обернутого двадцатипятифутовым** телефонным шнуром. Извернувшись, подобно Лаокоону***, атакованному змеями, он адресовал Мэлоуну мучительную гримасу.

– Нужно немедленно уходить. Банк под нами

* *La Lure* (1923-1992) - кубинская певица в жанре соул, приобретающая известность очень экстравагантными шоу.

** ок. 7.5м.

*** образ из скульптурной группы *Лаокоон и его сыновья*, изображающей смертельную борьбу жреца Лаокоона и его сыновей со змеями. Создана по сюжету гомеровской *Иллиады*. (см. стр. 155)

Копия с мраморного оригинала I века до н.э.,
Паоло Андреа Трискорни
1787-1798

горит, нас эвакуируют, - сказал он в трубку и тут же повесил ее. - Моя сестра в Бостоне. Наш брат только что отрезал три пальца на ноге газонокосилкой, просрочив банковский кредит. У другой сестры гепатит, ей придётся заканчивать школу в Ричмонде. Мать пьёт, отец отказывается кого-либо видеть вообще, а женщина через дорогу вчера зашла в гараж, завела машину и покончила с собой. Что не так с этой страной, ради всего святого? - спросил он, со всей серьезностью пожимая руку Мэлоуну и снимая красные серьги-клипсы. - Американцы, по-моему, слишком уж утончённые! - он взмахнул руками. - Но, дорогуша, как тебе в самом сердце страны? Так приятно возвращаться домой, - не останавливался он. - Так хорошо быть с семьёй по прошествии стольких лет. Кто ещё утешит?

Но, протягивая Мэлоуну бокал перно, увидел его меланхоличное лицо и сказал:

- Я же говорил, дорогуша, тебе не стоит ехать.

Они сели, и Сазерленд начал протирать лицо тёплой губкой, а Мэлоун, чувствуя себя ещё более подавленным, не удержался от вопроса:

- Разве тебе иногда не противно быть... геєм?

- Дорогой мой, ты играешь тем, что тебе сдали, - сказал Сазерленд, разглядывая отражение в зеркале. - Кстати, я вспомнил, что иду на бридж к Хелен Окинклосс*.

- В каком смысле? - спросил Мэлоун с

* известная американская семья, связанная с семьёй Кеннеди.

тревогой.

– В том, – отвечал Сазерленд, который становился холодным при малейшем проявлении жалоб, жалости к себе, а равно и сентиментальности по этому или любому другому поводу (ибо под его легкомыслием скрывалась стойкость английского олова), – что если Хелен Келлер* смогла выжить, то и мы точно сможем.

– Ой, – слабо вздохнул Мэлоун, откидываясь на спинку стула.

– А ты, однако, можешь оказаться гомосексуалом монкиИ**, – продолжал Сазерленд, снова развернувшись к зеркалу. – О боже, я опять опаздываю.

– Куда ты собираешься? – печально спросил Мэлоун.

– Я должен быть на открытии галереи Тедди Рэнсома на Семьдесят восьмой, играть в бридж с Хелен Окинклосс, читать слепым и в восемь отправиться в Ист-Хэмптон***, но, видишь ли, я застрял здесь, – вздохнул Сазерленд, сверкнув глазами, как коала, – потому что грядет истребитель.

– Дезинсектор? – уточнил Мэлоун.

– Да, – ответил тот. – Он истребляет тараканов инсектицидом, и совершенно уничтожает меня, поправляя свой член через штаны. Это самый божественный

* **Helen Keller** (1880-1968) - американская писательница, лектор и политическая активистка. Еще в раннем детстве, после болезни, утратила зрение и слух.

** **manqué** (франц.) - несостоявшийся, неудавшийся

*** **East Hampton** - небольшой город на восточной оконечности Лонг-Айленда.

пуэрториканец, которого когда-либо здесь видели. Самый красивый пуэрториканец в Нью-Йорке — и Бог предначертал ему это здание, — воскликнул Сазерленд, плеснув немного вина на ковёр в качестве возлияния. — Вот это слава! — заключил он, поднимая трубку, чтобы выразить сожаления четырём разным людям и отменить визит в силу скорого прибытия экзотического гостя.

— Разве ты не любишь эти зимние вечера, — сказал он, поворачиваясь к Мэлоуну и набирая номер, — а тут еще возможность такого члена?

Всю зиму Мэлоун отклонял многочисленные приглашения на вечеринки и ужины, которые предлагал Сазерленд; пока однажды февральским вечером не встретил его в *Дубовой комнате**, куда Сазерленд часто заходил после часа или двух, проведенных в мужском туалете Центрального вокзала, выпивал, читал записки, которые он и незнакомые мужчины передавали друг другу из кабинки в кабинку на обрывках туалетной бумаги.

— Проблема этого парня, — сказал Сазерленд в облаках сигаретного дыма, с бокалом мартини в руке, — в обуви. Дешёвая обувь, знаешь ли. Американские мужчины не желают тратить на нее, тогда как в Европе это критически важно. Я нахожу его заметки довольно мечтательными, — сказал он,

* бар **Oak Room** в отеле **Plaza** - знаковое место в том числе в богемных кругах Нью-Йорка. Работал с 1907 по 2011 гг.

выпуская очередную струйку дыма, – но относительно обуви не может быть и речи. Сейчас не оборачивайся, – пробормотал он, скромно опуская глаза, – но самый красивый мужчина в Брукфилде, штат Коннектикут, только что вошёл в комнату. Он женат и у него двое детей, но когда-то мы были весьма влюблены. Вылитый молодой Скотт Фицджеральд*, не правда ли? Почти как Гибсон с обложки**, нет, пока не смотри, я скажу когда, – прошептал он Мэлоуну, который чувствовал, что кто-то садится за его спиной. – Должен лишь добавить в качестве короткого примечания, что помимо сияющих волос и прекрасных зубов, у него один из самых больших членов в Северо-Восточном коридоре. Попробуй как-нибудь выловить его в поезде на Вашингтон, – сказал он и немедленно выпил. – Мы были безумно влюблены.

Когда они наконец вышли, сумерки исполнились всякого рода парнями и мужчинами: спешащими по делам, красивыми темноглазыми посыльными, исчезающими в сводчатых, стального цвета вестибюлях высоких офисных зданий; бизнесменами в поисках такси в аэропорт; бледными корректорами ночных смен в юридических фирмах на Парк-авеню; официантами многочисленных французских кафе; студентами, возвращающимися в свои кампусы;

* Scott Fitzgerald (1896-1940) - крупный американский писатель, автор романа *Великий Гэтсби* (1925).

** альбом *That Gibson Boy* (1959) американского кантри-исполнителя Дона Гибсона (1928-2003)

и Мэлоун снова начал ощущать возможности большого города. Он не уходил, как Сазерленд, с кешью и курагой в карманах, чтобы провести день в мужских туалетах нью-йоркского метро, но стал чаще засиживаться с ним по вечерам, чтобы понаблюдать на бульварах за толпами спешащих мимо: посыльного кинокомпании 20 Век Фокс, научного сотрудника расположенного рядом онкологического центра*, специалиста по связям с общественностью авиакомпании Пан Американ.

– Этот живёт с родителями в Форест-Хиллз**, выписывает *Atlantic Monthly**** и *After Dark*****, его спальня вся обставлена плетёной мебелью, он любит парней с теннисных кортов, – говорил Сазерленд.

– Ты знаком с ним? – удивился Мэлоун.

– Нет, – ответил Сазерленд, наблюдая, как красивая фигура исчезает в глубине Риццоли*****, – это было бы излишним. Они вышли и пошли дальше, прогуливаясь, глаза их, словно у купидонов с работ художников Возрождения*****, были обращены, конечно, не к Божественному свету, а призывному свету прозрачных

* Sloan Kettering Institute (1945-1980) - исследовательский центр изучения онкологических заболеваний. Расположен на Манхэттене.

** Forest Hills - малоэтажный и престижный район в Квинсе

*** The Atlantic Monthly - американский журнал широкого профиля, а также издательство. С 2004г. The Atlantic.

**** развлекательный журнал о театре, кино, сценических постановках, балете, исполнительском искусстве и творчестве. Выходил с 1968 по 1983гг.

***** Rizzoli Bookstore - книжный магазин на 5 авеню в интерьерах исторического здания, постройки 1907г. С 2015г. расположен на Бродвее.

***** 15-16 века

витрин Бенделя*.

И вот из прогулок того вечера, в конечно итоге материализовалась пара глаз, встретившихся со взглядом Мэлоуна в таком напряжении, словно у борцов в начале матча, что привело к настоящей неподвижности, словно у борцов же, но в конце схватки. Это случилось тоже вечером, когда я зашёл в церковь на Пятой авеню послушать концерт: молодой человек раздавал программки, но это был наркоторговец по имени Рафаэль, который на самом деле принес кокаин местному священнику.

– Если я приду домой сегодня поздно, откроешь? – с тяжёлым сердцем прошептал Мэлоун Сазерленду, когда они остановились после концерта, чтобы умяститься святой водой, – тёмные глаза Рафаэля влекли его, а он с безмолвным смирением животного, ужаленного скорпионом, не мог сопротивляться.

– Сердце – охотник-одиночка, – вздохнул Сазерленд, прекрасно понимая, что каждый из них может вот так исчезнуть в любой момент, покоряясь высшему зову любви...

И Мэлоун удалялся в направлении Верхнего Вест-Сайда с Рафаэлем, Хесусом или Луисом, пребывая в их пространстве пленником пары глаз, гладкой груди, страстных объятий. Но любовь, как вскоре стало понятным, – была подобна утолению жажды морской водой. Чем больше, тем сильнее желание встретить в следующий раз кого-то, похожего на

* Henri Bendel - культовый люкс-универмаг Нью-Йорка с 1895 по 2019гг.

сегодняшнего любовника из тех, кого он неизменно находил на каждом углу. Любовь довлела на нем, лихорадила, глаза блестели и светились таким образом, что другим достаточно было лишь мимолетного взгляда, чтобы мгновенно понять, — он принадлежит им. И все же, всякий раз, когда он смотрел на кого-то с нежностью, сразу чувствовал своего рода двойной образ, где лицо позади того, которое сейчас перед ним, несет очертания Фрэнки, — и полдюйма между его губами и теми другими превращались в неодолимую пропасть. Он возвращался через парк с тоскливым сердцем, но находил Сазерленда, высунувшегося из окна в оранжевом парике, крестьянской блузе с жабо и молочно-голубых бусах, кричащего прохожим на улице внизу, чтобы они поднимались и отсосали у него, причем все это тот выкрикивал по-итальянски. Но эти перформансы иногда было трудно воспринимать; и Мэлоун мог задержаться на ступенях Музея Уитни* на час или около того, наблюдая, как Сазерленд перебирает авокадо в блузке, раскидывает руки, приглаживает волосы, перебирает бусы, кокетливо и призывно машет, словно театральная марионетка, прежде чем наконец-то почувствовать способность перейти улицу. Сазерленд был вполне счастлив и без любви. И он мог бы. Но подождал, пока дама, которая только что вынесла белье, начнет

* Whitney Museum of American Art - музей современного американского и мирового искусства, расположенный в районах Митпэкинг и Вест-Виллидж на Нижнем Манхэттене в Нью-Йорке. Основан в 1931г.

весело болтать, наслаждаясь уличными видами и разговорами в ожидании возвращения своего Марио, а значит гарантировано не заметит его, затем же поднялся наверх с меланхоличным настроением моряка, возвращающегося из неудачного плавания.

– Дорогуша! – удивленно воскликнул Сазерленд, заведя Мэлоуна, входящего в квартиру после довольно длительного отсутствия. – Он что, играет в покер? Он дал тебе выходной?

И Сазерленд изобразил изощренную пародию на коктейльный поцелуй, которую так любил: на расстоянии, по крайней мере, фута, в обе щеки.

– *Онтре ну**, – сказал Мэлоун, – всё кончено.

– Абххххх, – меланхолично заметил Сазерленд, перебирая бусы, – любовь не утешает**, – падая на диван, в облаках благоухающей пудры. – Столько вечеринок прошло, пока тебя не было, – вздыхал он. – Слишком много, чтобы даже пытаться. Разве любовь – возможность никогда не извиняться, – сказал он, чуть sprays духами грудь, – или секс стал болезненным? – наступила очередь ароматизации внутренней стороны бёдер. – Я весь день просидел дома, надеясь заполучить стигматы, – продолжал Сазерленд, закрывая автобиографию Святой Терезы, которую читал в процессе воплощения образа неаполитанской шлюхи, – но получил лишь

* *Entre nous* (франц.) - между нами

** *L'amore non fa niente* (ит.) в оригинале

приглашения на бранч в эти выходные. Всё, больше никаких пирогов с кремом! От них можно умереть!

Он посмотрел на Мэлоуна, нежно и серьёзно одновременно.

– Это ведь не Платон, не так ли? – сказал он, снимая с полки том *Пира**. Не Ортега-и-Гассет, и даже не Пруст, правда? – восклицал он. – Или, если уж на то пошло, Стендаль**. Это так безнадёжно обыденно – я даже не думаю, что у людей вообще есть душа. А без души нельзя ожидать каких-то любовных связей и всего такого...

Он повывинчивал авокадо из блузки, пошел, смешал *дайкири**** себе и Мэлоуну. Телефон зазвонил. Сазерленд взял трубку:

– Извините, мне нужно держать линию свободной, для секса, – сказал он и вернул ее на рычаг, потому что ждал звонка от парня, с которым познакомился на улице накануне вечером.

– О боже, – вновь вздохнул он, обращаясь к Мэлоуну, разглядывая сверкающий холодильник, в котором хранился своего рода символ жизни на драйве: остатки мусса из лосося и коробка попперсов, – молодёжь такая жестокая. Такие забывчивые убийцы! Он был таким замечательным, такие огромные

* книга диалогов Платона, посвященных проблеме любви. Записаны в 385—380 гг до н. э. Названа так потому, что все происходило на пиру.

** творческий псевдоним Мари-Анри Бейля (1783- 1842) - крупного французского писателя-реалиста. Здесь скорее всего подразумевается его классический трактат *О любви* (1822), где любовные переживания изложены как процесс в нескольких этапах.

*** светлый ром, сок лайма и сахар (классический рецепт)

тёмные глаза, такое стройное тело, такой хороший секс, а сегодня утром – даже не может вспомнить моё имя. – Сазерленд прошелся к окну, – он где-то там, эта совершенная красота! – развернувшись, он протянул Мэлоуну дайкири и тарелку мусса из лосося, – Жестокость людей безмерна. Что ж, – снова вздохнул он, – хотя развод прошёл совсем недавно, не могли бы мы взять вас за руку и пойти сегодня вечером на танцы? Чуть позже, разумеется, а пока вздремнём, чтобы побаловать себя. Не стоит появляться там раньше четырёх. В надежде на успех, я имею в виду.

Вздыхая, Сазерленд прилег, улицы за окном стали наполняться синим светом наступающего вечера, – он тихо попросил Мэлоуна передать пузырёк масляных капель витамина Е, нанёс лекарство на область под глазами – нежными, восходящими движениями самого слабого пальца руки, безымянного, – и погрузился в глубокий сон. Его организм начал выводить средства, принятые утром, восстанавливаясь для предстоящего. Теперь, при пробуждении в три, последует ещё кое-что и начнется подготовка к вечеру в Двенадцатом этаже. Мэлоун же, которому не спалось, написал записку, что придет в клуб сам, и отправился в центр города. Месяц блестел в небе над Вест-Сайдским шоссе. Мэлоун шел по мощеной улице к старому фабричному зданию, где они с Фрэнки жили тем летом. Шел по берегу реки, пока не добрался до того заброшенного района, с железными навесами

над тротуарами, с цехами, где упаковывали мясо, и атмосферой сельского запустения, которую он так любил. Далеко впереди темные фигуры пересекали площадь; он остановился, чтобы посмотреть, как туши свиней, синие и ярко-красные, скользят по блестящим стальным направляющим из грузовиков в холодные глубины рефрижераторов мясных цехов, а за его спиной молодые гомосексуалы шествовали своей *Виа Долороса**, чтобы осмотреться по дюжинам баров, в вереницах припаркованных грузовиков, на заброшенных пирсах и пустырях в поисках магии любви. Мэлоун остановился под бледной, целомудренной луной, смотрел, как темные фигуры исчезают и появляются снова, перекрестил этот серебристый вертеп и отправился танцевать.

Он танцевал до семи утра, а потом ещё три зимы. Поначалу он был ужасным танцором: скованным и неуклюжим. Я часто видел его, стоящего на танцполе с отстранённым, бесстрастным выражением на лице, в то время как Сазерленд блестяще вытанцовывал рядом. Сазерленд проделывал это с сигаретой в одной руке, почти не двигаясь, лишь медленно поворачиваясь, оглядывая других танцующих, словно на коктейльной вечеринке разглядывал гостей. Он всегда танцевал с сигаретой, очень изящно двигая плечами и бёдрами, свободно и расслабленно; за исключением тех случаев, когда начиналась

* дорога страданий (лат.) - так называли путь на Голгофу

песня, которую он любил с давних времён – ведь Сазерленд танцевал задолго до нас всех, – например, *Ищу мою крошку**, – и тогда он сразу уходил, оставляя смущенного Мэлоуна на танцполе, в то время как сам рассекал пространство вне его в той замысловатой хореографии, на которую способен только прирождённый танцор. Затем снова возвращался и стоял с сигаретой в руке, едва двигаясь в такт музыке. Однажды я был рядом с ним, и, сквозь шум музыки, различил какой-то высокий звук, довольно упрямо звучащий, и, решил, что это такая запись, и больше не возвращался к тому, пока не услышал все снова, уже в другой песне и наконец не понял, что это Сазерленд выводит пронзительную, высокую ноту, пританцовывая под *Варваров***.

Они оба начали приходить танцевать той зимой, когда *Двенадцатый этаж* и открылся, в тот год, когда с Файр-Айленда возвратились мы, уже в сентябре, расстроенные тем обстоятельством, что из-за закрытия *Святилища**** – танцевать негде. Таково было наше горе в то время: мы не могли сопротивляться желанию танцевать. И переезжали, как Папа Римский****, из города на Файр-Айленд летом, где танцевали до осени, а потом, когда гуси летели на юг, а

* *Looking for My Baby* (1969), автор Billy Lee Riley

** см. прим. к стр. 52

*** *The Sanctuary* (1969-1972) - ночной клуб в бывшем здании немецкой баптистской церкви в районе Hell's Kitchen/Адская Кухня Нью-Йорка.

**** существует традиция отъезда понтифика из Ватикана в летнюю резиденцию, а в конце лета - обратно.

бабочки умирали в дюнах, мы нашли новое место на Манхэттене и танцевали там всю зиму. Состав нашей группы любителей менялся, но обычно в неё входили врач, хастлер, дизайнер, диджей, дилер и еще несколько человек, понятия не имевшие, чем они вообще занимаются и постоянно меняющие род занятий (декоратор, парикмахер, банковский кассир, продавец журналов, биржевой маклер), с безумным взглядом в глазах, потому что их истинное счастье было только в музыке и сексе.

Осенью 1971 года мы танцевали в каком-то шалмане на Таймс-сквер, поддерживая себя слухами о том, что *Двенадцатый этаж* откроется вскоре после Дня благодарения*; именно тогда мы впервые увидели Мэлоуна с Сазерлендом. Сазерленда знали все, или слышали о нем: даже среди нас его считали пришельцем с другой планеты. Из всех связей между гей-друзьями самые крепкие сложились между теми, которые танцевали вместе. Друг, с которым ты танцуешь, когда у тебя нет любовника, – самый важный человек в жизни; и для обходившихся годами без любовника, он буквально становился единственным из всего имевшегося. Такая связь была неразрывной, и именно она установилась между Мэлоуном и Сазерлендом на долгие годы, начиная с той осени: двумя друзьями, танцевавшими друг с другом.

Бар, где мы встретили их в том первом сезоне, был обычным шалманом-забегаловкой

* отмечается в последний четверг ноября

всякого рода мутной публики: посыльные, продавщицы и дилеры днём, тщеславные звезды ночью. В первый вечер мы стояли позади Мэлоуна среди ожидающих на вход, и слышали, как вышибала от мафии дважды спросил его (так как Мэлоун не услышал вопроса), есть ли в его сумке *пистолет, нож или бутылка*. Мэлоун вежливо чуть подался вперёд, и, наконец расслышав, воскликнул:

- Ах! Нет, - после чего доступ в рай открылся.

Эмоции в этом пространстве были необыкновенными: пляж, музыка извергается из открытых окон, разливаясь над морем и растворяясь в звёздной ночи, точно так же, как сексуальное желание летними вечерами в городе поднимается к небу вместе с голубями и самой жарой. Но зимой, уже в городских клубах, полных музыкой и людьми, в закрытом пространстве, откуда изгнана природа, все погружалось в экстатический мрак. Как же это было тяжело, как мрачно, как безнадежно, - мучительно и отчаянно. Мы жили определёнными аккордами музыки и близостью другого, танцующего рядом с тобой, принимающего дары этого культа из той же руки, взмокшего от пота, разделяющего те же ритмы.

В тот первый же вечер, когда Мэлоун пришёл сюда, он был потрясен грохотавшей музыкой (подобной которой никогда раньше не слышал, да и уши не привыкли к такому) и грубостью толпы, в то время как Сазерленд обожал саму эту мерзость. А позже одна из королевн

развернулась, обняла Мэлоуна за талию, запрокинула голову и начала танцевать перед ним, словно каким-то идиолом в джунглях, – вытащила на танцпол, где он даже пытался танцевать, потому что даже тогда не мог кого-то отвергнуть. Это было мудро. Это здесь были огромными, а темпераменты – взрывными; ничтожнейшее оскорбление могло спровоцировать драку, а спрятанных ножей было еще больше. Королевна кружилась вокруг Мэлоуна, словно Рита Хейворт* из так и не снятого фильма, пока музыка не закончилась, а Мэлоун улыбнулся, сказал что-то и аккуратно вернулся к Сазерленду, сотрясавшемуся от смеха. У Мэлоуна по-прежнему был только один набор взаимодействия, слишком тактичного для этих мест. На самом деле, его много раз уводили таким образом, пока он не начал выстаивать по углам, позади всей толпы, потому что в силу застенчивости не хотел быть там, на танцполе. К тому же, танцевал он не очень. А именно здесь все очень даже. Это была серьезная публика, – причем настолько, что однажды они сожгли дискотеку в Бронксе из-за плохой музыки. Как поделился с ним как-то, также в клубе, Сазерленд, оглядываясь по сторонам в поисках запасного выхода (мы все сгорим в мгновение ока, если полыхнет, как случилось почти везде, куда мы ходили, от саун до баров и дискотек) :

– Если случился пожар, дорогуша, никто не

* Rita Hayworth (1918-1987) - американо-испанская киноактриса и танцовщица, одна из наиболее знаменитых звезд Голливуда 1940-х годов.

собирается играть в героев.

Мы же тусовались здесь до самого закрытия, потому что музыка была превосходной, а танцевали мы рядом с мальчиками-курьерами, настолько обдолбанными, что те проделывали это перед зеркалами с закрытыми глазами. А когда, наконец, пришло время уходить, солнце уже медленно восходило над пустынными тротуарами Таймс-сквер, которые в этот час были такими же безлюдными, такими же прозрачными, такими же загадочными, как лунные океаны.

Мы все знали Мэлоуна, но по дороге домой в метро никто не говорил о нем, хотя каждый из нас думал об этом красавце, — и он знал нас. Что он, интересно, подумал о нас тогда? Какими королевнами мы были! Мы уже несколько лет были как сумасшедшие, когда танцевали в *Бородатой даме** той зимой. Это был сформировавшийся образ жизни. Что же является характерной чертой королевны, задавался я вопросом позже; и о том можно было спорить вечно.

— Что общего у всех нас, у всей нашей компании? — как-то серьёзно спросил я друга, когда вдруг стало понятно, насколько тонкая, бесплотная и эфемерная соединяющая нас связь; и тот ответил:

— У всех нас есть губы.

Возможно, именно это нас всех и объединяло: никому не позволено быть серьёзным, кроме как в отношении важности музыки и красоты

* клуба с таким названием не было в Нью-Йорке в то время, но с 2011г. на Вашингтон-авеню открыт бар *Bearded Lady Brooklyn/Бруклинская бородатая дама*.

лица, неожиданно замеченного в толпе. У нас была любимая музыка и классные парни!

Модные ремни и джинсы, дизайнерские майки и стрижки, рубашки в клетку, куртки-бомберы, тропический камуфляж, и, конечно же, обувь. Какими королевнами мы были! Пронзительными криками мы встречали друг друга на улице, пронзительный же крик, иногда, когда я шел по совершенно пустынному кварталу нижнего Бродвея, вырывался из моего горла к небу, потому что я только что видел одного из ангелов Божьих, чье-то томное, с нежным взглядом лицо, мелькнувшее в дверном проеме, или когда шел танцевать, такой счастливый и воодушевленный, что только кричать и оставалось.

Я был королевной (*Жизнь во дворце меняет человека*, — сказал кто-то), моя душа взывает к Тебе. Луна, уже шествующая по небу, когда просыпаешься, над заброшенными зданиями Бауэри*, для меня прекраснее любой летней луны, которую я видел сверкающей над золотыми стенами Толедо**. Какая-то странная энергия витала тогда в самом воздухе, голуби порхали, разлетаясь с водостоков за пожарными лестницами огромных домов. В идеальной тишине вдруг раздавался звонок телефона, волнующий, радостный, и мы погружались в поток сплетен, словно ванну, чтобы разбирать, обсуждать, вспоминать прошедшую ночь и прогнозировать будущую.

Королевна одевается, отвергнув по меньшей

* Bowery - район Нижнего Манхэттена

** город в Испании, когда-то ее столица.

мере десятков рубашек, пять пар брюк, бесчисленное количество ремней, прежде чем облачиться в наряд, в то время как пара по соседству бросается вещами друг в друга. Она ужинает в одиночестве, по-спартански, как спортсмен перед соревнованиями (некоторые говорят, чтобы не препятствовать действию разного рода средств, которые планируется принимать), пока, опять же по соседству, пьяно кричат. И лишь только тогда, когда польские парикмахеры, весь вечер простоявшие на входе своих заведений, разворачиваются и идут спать, она выскальзывает из своей лачуги, — ибо королевна живет среди руин; весь смысл ее жизни — танцевать — и она седлает ночь, гарцуя, несется по улицам, притокам той экстатической реки, протекающей через Нью-Йорк столь же определенно, как Адриатика владеет Венецией, и, наконец, нисходит в полумрак душного перехода метро, где проверяет мужской туалет. Там на унитазах над кашицей из размокшей туалетной бумаги угрюмо засел старик, он поднимает глаза, встречаясь с ней, заглядывающей сверху, взглядом, так как и сам здесь в ожидании любви. Поезд на станции; она спешит туда, где благоволят танцевать этой ночью. Некоторые приходят уже под кайфом, входя в клуб с сияющими лицами волхвов, пришедших к Младенцу Христу; другие же заходят с такой скукой на лице, словно это все последнее, чем хотелось бы занять вечер. Через полчаса они становятся неразличимы, потные,

отвязные, вошедшие в раж. Но большинству из нас наркотики совсем не нужны, потому что музыки, молодости, потных тел более чем достаточно. И если на следующий день слишком жарко, слишком душно, чтобы спать, то проснуться облитым потом, не значило особенно ничего, так как весь этот жаркий день проходил в состоянии оживленного предвкушения. Мы жили ради музыки, ради Красоты, и были бедны. Но нам было все равно, где мы живем или что нужно делать в течение дня, чтобы обрести возможность провести ночь в привычном ритме; в конце концов, если выждать достаточно, то в итоге окажешься перед зеркалом в какой-нибудь дешевой комнате и, взглянув на свое лицо в последний раз, как актер перед выходом на сцену, тотчас выскочишь, чтобы войти в клуб и увидеть кого-то вроде Мэлоуна. Тем летом на пляже, и зимой в городе, мы действительно редко теряли его из виду надолго. Его видели на грандиозных вечеринках в *Пайнс**, на одну из которых Сазерленд прибыл на вертолете, спустившись на огромной связке полиэтиленовых бананов, в образе Миранды Кармен**, и в самых захолустных барах Хакенсака***, куда мы

* **Fire Island Pines** (часто просто **The Pines**) - курортный район недалеко от Нью-Йорка, фактически, гей-курорт. Название получил, по легенде, из-за затонувшего в конце 19в. корабля с рождественскими елками и соснами, которые с той поры распространились в этой местности.

** **Carmen Miranda** (1909-1955) - бразильская певица, танцовщица и актриса португальского происхождения. За образ со шляпкой с фруктами в фильмах, получила прозвище *Бразильская красотка*.

*** **Hackensack** - город в шт. Нью-Джерси, недалеко от Нью-Йорка. Население ок. 43 тыс. человек. Основан в 1665г.

иногда заходили, прослышав, что там играет некий диджей.

На самом деле, когда это превратилось в бизнес, и публика действительно начала танцевать, нам пришлось оставить все, поскольку клубы стали слишком профессиональными, слишком рафинированными, слишком лощеными. О местах, которые мы любили, – например, о шалмане на Таймс-сквер, где часто замечали Мэлоуна, – теперь писали в журналах *Нью-Йорк**, *Ньюсуик*** и *Джи-Кью****, а потом, на последней стадии агонии, однажды вечером мы проходили мимо их дверей и видели, где когда-то собирались толпы экстатических мистерий Диониса, теперь все заполнено подростками и семейными парами из Квинса, захватившими эту обитель. Так что, мы стали почти резидентами Нью-Джерси в эти благоухающие субботние летние вечера, в потоке молодых пуэрториканцев в цветастых рубашках и тонких кожаных куртках, которые брали своих девушек в город танцевать: толпы людей, пропитанных сладковатым парфюмом. Но каждый раз, когда мы добирались до какого-нибудь неизвестного бара в Квинсе или Джерси-Сити, кто там уже был? Сазерленд (и Мэлоун), ибо Сазерленд, если говорить о пресыщенности, был намного впереди любого из нас;

* *New York magazine* - американский журнал, выходящий раз в две недели и посвященный жизни, культуре, политике и стилю в целом, с особым акцентом на Нью-Йорке. Первый выпуск от 1968г.

** *Newsweek* - американский еженедельный новостной журнал, издающийся в Нью-Йорке с 1933г.

*** *GQ (Gentlemen's Quarterly)* - культовый журнал о моде с 1957г.

Сазерленд танцевал в *Святилище, Алиби, Голубом кролике**, если уж на то пошло, когда клубы и бары редко держались дольше месяца, а жизнь была передвижной игрой в кости для геев, перемещавшихся по городу, подобно кочевникам разбивающим шатры и снимающимся с места, ещё до того, как мы появились здесь. Итак, мы двигались параллельно, Мэлоун в конце концов стал очень хорошим танцором, и было чудесно танцевать рядом с ним, на Файер-Айленде, в Джерси-Сити, в тех жарких, душных клубах или на пляже, без рубашки, с серебристой от пота грудью и таким же серьезным, как у всех, лицом, окутанными той же самой музыкой.

Мы танцевали рядом несколько лет, не обмолвившись и словом, даже в самом конце, на рассвете, когда все обычно собирались в уже закрытом клубе на Хьюстон-стрит, куда приходили те, кто не мог остановиться, искусственно продлевавшие ночь в комнатах с покрашенными чёрной краской окнами, здесь ночной конденсат, – бармены, сами диджеи и прочие, – заполнял пространство, где притворство было невозможным. Туалет переполняли закидывающиеся тут же наркотой, дрэг-квин отплясывали с дизайнерами, хастлеры играли в бильярд, практикуясь в ином виде общения, пока, спустя несколько часов, я не поднимал взгляд и не замечал Мэлоуна, стоящего с бокалом у края толпы,

* The Blue Bunny - гей-бар в районе Гринич-Виллидж, открывшийся в середине 1960-х и проработавший до середины 1970-х.

под мерцающим в лопастях вентилятора светом лампы над дверью, – что выдавало фикцию, притворство, будто всё ещё ночь, и доказывало не только наступление дня, но и его неотступность, – и я гадал во внезапно наступившей тишине, почему не заговорил с ним до сих пор. Дело было не только в его красоте, – мы танцевали с такими парнями столь долго, что это не было препятствием для знакомства; дело было в выражении его лица. Оно было проникнуто серьёзностью, но, более того, казалось, обещало любовь. Хотя, как это возможно? Мы были слишком умны, чтобы поверить. Хотелось держать его на расстоянии, как что-то неприкосновенное, как награду, которую должно хранить в тайне наших сердец. Мы хотели, чтобы Мэлоун любил нас, с одной эгоистической деталью: что это будет строго приватная, исключительная любовь.

Сначала мы думали, что он студент-медик; потом слышали, что он работает на Седьмой авеню у Кловиса Раффина*; кроме того, у него неизлечимая болезнь костей. Потом кто-то сказал, что он вообще не работает и находится на содержании у протестантского епископа; так Мэлоун сменил столько же образов, сколько и дискотек, на которых мы танцевали. Но серьёзное выражение не сходило с его лица. Сазерленд, который мог выглядеть как лесоруб, на следующий день – как Гисси-королевна, а потом – как звездный

* Clovis Ruffin (1946–1992) — американский модельер, в основном спортивной одежды. Сделал свой бренд по-настоящему демократичным и доступным, как в части цены, так и в части стиля.

пловец из команды средней школы или как студент-аутсайдер, каждый вечер наряжал Мэлоуна словно Кена* и вытаскивал в свет, чтобы тот сделался чьей-то мечтой.

Насколько Мэлоун сам осознавал, что делает? В то время он не понимал, что стал объектом стольких взглядов; его не волновало, что мы овладевали друг другом через сплетни. Но вдруг Мэлоун на время исчезал, влюбившись в кого-то из молодых латиноамериканских красавчиков, составлявших половину нашей компании (вторая – врачи, дизайнеры, белые парни, которые любили танцевать), из каковых первым был еще Фрэнки. Но Фрэнки там были столь многочисленны, – вот в чем ужас, – что в конце концов Мэлоун однажды возвращался и лишь только появлялся в поле зрения Сазерленда, высунувшегося из окна своей квартиры, размахивающего небесно-голубыми бусами, переговаривающегося по-итальянски с прохожими, как тот хватался за авокадо, упрятанными в блузке и вопил: – Сынок! Ты вернулся от той сучки, на которой женился!

Мэлоун заходил, печально улыбаясь, садился и рассказывал Сазерленду, что пошло не так с его последним романом. Потом они шли танцевать. И вот, увидев Мэлоуна, мы понимали, как сильно по нему скучали. Однажды вечером он столкнулся с Фрэнки-настоящим в каком-то из баров Хакенсака, где играл Луис Санчес (наш любимый диджей, которого в итоге перекупили в Париж и,

* бойфренд куклы Барби

казалось, тот увез с собой и нашу лучшую музыку). Фрэнки, в конце концов, был первой любовью Мэлоуна, а он был сентиментален, и когда последовало предложение встретиться на следующий день, чтобы поговорить, Мэлоун согласился. Они встретились в Центральном парке. С тех пор Фрэнки получил еще повышение на работе, даже стал носить очки, чтобы казаться более интеллектуальным (хотя зрение у него было идеальным, а стекла в очках – прозрачные), и, сидя у пруда недалеко от Семьдесят второй улицы, они вежливо беседовали. Фрэнки начал расспрашивать Мэлоуна о его окружении, где возможно так бесследно исчезнуть, подобно русалке, вернувшейся в море, оставляя своего возлюбленного-человека безучастно наблюдать за волнами, и которое совершенно не вызывало доверия. Фрэнки был латиносом, католиком, консервативного склада характера и ненавидел королевн. Ему они были ни к чему. У него была одна мечта в жизни: дом, жена, семья, и если Природа пошутила на этот счет, он не собирался улыбаться вместе с ней; он всё равно достиг бы желаемого с Мэлоуном, пусть даже в городской квартире. Для такого красивого парня его характер был тяжелым бременем; та серьёзность, которая столь привлекала Мэлоуна поначалу, теперь представлялась довольно мрачной, и, честно говоря, пока они сидели, Фрэнки расплакался. Затем вышел из себя. Дважды ударил Мэлоуна по лицу, остановившись только когда подошёл полицейский, после

чего Мэлоун просто сбежал без всяких слов. Стремительно преодолел всю дорогу обратно в квартиру Сазерленда, где нашел того в черном *Норелле**, рядом с кабинетным роялем, распеваящего бархатным голосом:

- Сомнений нет, на этот раз мы все почти собрали воедино?

Вытянув руку в длинной перчатке к Мэлоуну, он спросил:

- Вы были образцом приличий? Вели себя достойно?

Но осознав, что того просто трясет, снял перчатки, заварил чашку чая, и сел рядом, выслушивая еще одну историю о сожалениях и потерях, пока не настало время собираться на *Вечеринку в белом*.

На следующий день, когда они проснулись с ясной головой новорожденных ангелов, сбросили костюмы и подошли к окну, чтобы понять, день сейчас или ночь, Мэлоун увидел Фрэнки на противоположном углу. Отскочив от окна, Мэлоун понял со всей убежденностью, что Фрэнки сошёл с ума.

- Относиться к любви так серьезно! — взволнованно воскликнул Сазерленд, подходя к окну. - Только латиноамериканские парни воспринимают любовь всерьёз, а он такой красивый. Мы же, северные европейцы, холодны как рыбы, — улыбнувшись, он завернулся в халат и упал в кресло с бутылкой *Перье*.

Мэлоун выглянул в окно снова, чувствуя сомнения и печаль: Фрэнки был сумасшедшим,

* см. прим к стр. 60

но, по крайней мере, ценил любовь превыше всего и был без ума от него. От его серьёзности, его искренней ярости, с которой тот рассматривал окна Сазерленда, перехватывало дыхание. Он ничего не знал, конечно, о дискотеках, сплетнях, бодибилдинге, бейсболках, отбеленных джинсовках и рубашках в клетку, – о всем разнообразии трендов и мод в городе, да и в обществе, сформировавшемся вокруг Двенадцатого этажа, благодаря которым все это процветало и вообще зародилось. Он был словно с другой планеты, в джинсах (совершенно не те, дешёвая поделка из дисконтного магазина в Джерси), ветровке (невзрачной и зелёной), хмуро глядевший на окна Сазерленда, тёмные глаза его затуманились, подобно небу под надвигающейся грозой, тёмные волосы развевались за ушами, – немодный, несдержанный, недалекий. И всё же по-своему тщеславный, напомнил себе Мэлоун, опуская бинокль, с грустью отворачиваясь от окна.

– Не знаю, ждёт он там меня, чтобы пригласить на ужин, – сказал Мэлоун, – или воткнуть нож под рёбра.

– Я задаю себе тот же вопрос каждый раз, когда иду ужинать к Сейл Тайсон*, – заметил Сазерленд, выглядывая в окно. – Может, тебе стоит уехать в Рим, пока мы всё это не проясним.

– Но я не могу покинуть город, –

* Cicely Tyson (1924-2021) - американская актриса, игравшая роли сложных и волевых афроамериканских женщин.

с несчастным видом отвечал Мэлоун, – пока он там.

– Бедный малыш, – сказал Сазерленд, отходя от окна, – и что ты собираешься делать?

Начался дождь, Фрэнки ушел под навес портика музея, а Мэлоун ответил:

– Я хочу исчезнуть. Возможно ли покинуть Манхэттен, не покидая его? Лучше просто исчезнуть в городском эквиваленте одной из тех дыр, которые учёные наоткрывали во Вселенной.

– Что ж, – рассудительно приложив палец к губам, согласился Сазерленд, – ты мог бы переместиться в Гарлем. Сто тридцатую улицу? Но, с другой стороны, черные там, на севере, такие грубые. Нет, думаю, стоит рассмотреть другую сторону, – сказал он. – Думаю, стоит переехать в Нижний Ист-Сайд. В тот день друзья нашли Мэлоуну, у которого теперь было мало денег, небольшую квартирку на площади Святого Марка, где он мог прятаться, пока Фрэнки не прекратит преследовать его.

– Они забывают меня, – с завистью сказал Сазерленд, – через пять минут после выхода из квартиры. Но у меня всегда есть деликатный способ немного напомнить о себе, – вздохнул он.

И вот однажды поздно ночью кортеж такси пронесся Второй авеню на юг, от Четырнадцатой улицы – где Сазерленд когда-то жил, в свите Уорхола*, – по грязным улочкам Ист-Виллиджа, залитым оранжевым

* Andy Warhol (1928-1987) - культовый американский художник.

светом новейших уличных фонарей, призванных предотвращать преступность, но превративших улицы в сектор Газа, где не хватало только колючей проволоки, чтобы из одного квартала нельзя было перейти в другой. Шлюхи смотрели им вслед; бродяги уже заняли ступени библиотеки Оттендорфа*, бездомные спали на тротуаре рядом с детскими колясками, полными всякого хлама.

– Каков колорит! – восклицал Сазерленд, когда три жёлтых такси катили по мощеному участку Второй авеню. – Столько подлинной жизни. Очень в стиле Хогарта**.

Превосходно! – не унимался он, наблюдая мужчину, трясущего пенисом у лобового стекла машины, остановившейся на красный свет, с молодой женщиной за рулем, храбро смотрящей вдаль, игнорируя этот перформанс. – А знаете, кто жил на Второй авеню во всех этих зданиях в двадцатые годы? – спросил он, наклоняясь вперед, чтобы рассмотреть циклопические громады домов, поблескивающих освещенными окнами. – Еврейские гангстеры! Да, да! – взволнованно ответил он сам себе. – Здесь жили знаменитые Розы Сигал, и Багси Левин***, и все те парни, которые тусовались в кафе *Метрополь*. У них были любовницы в этих зданиях, вроде меня, –

* филиал Нью-Йоркской Публичной библиотеки, названный в честь семьи благотворителей, финансировавших строительство в 1883-84гг.

** **William Hogarth** (1697-1764) - английский художник, особо известный яркими сатирическими зарисовками как на политические, так и на темы изнанки жизни.

*** подразумеваются Багси Сигел (1906-1947) и Сэмюэль Левин (1902-1972) - американские гангстеры из окружения боссов мафии Мейера Лански и Лаки Лучано.

сказал он, потому что все еще время от времени получал чеки от своего бразильского нейрохирурга и парижского арт-дилера. – Самые крупные еврейские гангстеры двадцатых, – это был их квартал, – сказал он, когда бледные карнизы проплывали мимо в сиянии желтой летней луны.

– Здесь огромные квартиры, – добавил один из друзей, сопровождающий их, городской планировщик из Бостона, – такие же большие, как те, что в Верхнем Вест-Сайде.

– А кто в них сейчас живёт? – спросил Сазерленд.

Но прежде чем тот успел ответить, Сазерленд отвечал сам:

– Педики! Педики сейчас там, где раньше еврейские гангстеры держали своих любовниц! Ах, эти улицы всегда были сплошь деклассированны, – идеальное место, чтобы исчезнуть, – сказал он, разворачиваясь к Мэлоуну. – Идеальное место для социального забвения. Мало того, что никто не узнает, где ты, но даже если узнают, то не придут после четырёх часов дня! – продолжал он, когда они вышли из такси и переступили через распростертое тело кого-то, спящего в канаве.

– Смотри!* – он указал на молодого пуэрториканца, согнувшегося и потянувшегося к чему-то на тротуаре у ног, да так и замершего в этой невозможной позе, обездвиженного препаратом, принятым ранее вечером.

* mira! (исп.) в оригинале

– Кажется, – сказал Сазерленд, затаив дыхание, – кажется, он пытается подобрать свою расческу! Добро пожаловать, – с пафосом изрек он, обращаясь к Мэлоуну. – Добро пожаловать в Полное Забвение!

5

Нижний Ист-Сайд кому-то может напомнить фотографии Берлина сразу после войны. И действительно, в некоторых кварталах стены домов такие тонкие, что похожи на декорации к фильму, а из окон открываются виды на руины разрушенных зданий. Как-то мне снилось, что бомбы сравнивали с землёй весь район, и там образовались луга, выросли деревья, пасутся стада овец. Но так никогда не произойдёт. Нижний Ист-Сайд останется тем же, что и сейчас, расплываясь в волнах жары, поднимающихся от разогретого асфальта летом, сокращаясь в бледном мареве зимой, пока не обернется серой длинной стеной, увешанной пожарными лестницами, на тротуарах вдоль которой каждая частица грязи и мусора контрастный акцент в пепельном воздухе. Здесь живут бедняки. Художники и призраки, — поляки, чьим районом это было раньше, и хиппи, обжившие эти пространства в начале шестидесятых. Но и те, и другие сошли со сцены, и теперь Сент-Маркс-Плейс принадлежит парикмахерам, сутенерам и торговцам секонд-хендом.

Здание, в котором Мэлоун снял комнату, – своего рода часть местной истории: когда-то здесь располагался *Электроцирк**, клуб, который сначала был модным и белым, а потом стал немодным и чёрным. А позже – центром пятнадцатилетнего махараджи Муту, проводившего там молитвенные собрания. Тогда я часто видел людей в тёмно-серых костюмах, торопливо, почти бегом, вышагивающих по тротуару в пять тридцать после работы, чтобы не опоздать на медитацию. А потом стал дискотекой в стиле кантри-энд-вестерн, если это не противоречие в терминах, которая популярности не получила. В конце концов, заведение закрыли, пульсирующие звуковые волны музыки зимними вечерами за дверьми клуба иссякли, чернокожие мальчики тоже больше не стояли у лестницы, расчёсывая волосы, и никто не приходил в поисках духовного прозрения. И все это просто стояло там, огромное здание, выкрашенное в шокирующий синий... налоговая льгота для мафии. Под самыми скатами большой чёрной округлой крыши поздно ночью лишь светилось единственное оконце – Мэлоун примерял футболки.

Теперь и он собрал настоящую коллекцию одежды, почти столь же разнообразную, как содержимое шкафа, который Сазерленд распахнул перед ним в ту ночь первого знакомства. У Мэлоуна теперь тоже были

* *Electric Circus* (1967-1971) - ночной клуб с оригинальной шоу-программой, включавшей цирковые номера акробатов.

рабочие костюмы и изляпанные красками джинсы, прозрачные пластиковые ремни и клетчатые рубашки, рабочие ботинки и бейсболки, футболки всех оттенков, какие можно найти в магазинах, а также тех их вариаций, которые сам создавал, отбеливая и выдерживая на солнце. Становилось понятно, что время исполнилось пустыми, ленивыми днями, когда он, подобно проститутке, лишь примеряет одежду и разглядывает себя в зеркале. Да и оно – треснувший осколок, а одежда свалена кучами по всей комнате в картонных коробках и продуктовых пакетах, но ему было всё равно. Поскольку все-таки актёра в своей гримёрке, вечно готовящегося к выступлению, здесь было больше. И свободы. Свободы быть тщеславным, лениться, мечтать. Стоять перед зеркалом, примеряя одну футболку за другой: яблочно-зелёную, нежно-жёлтую, оливково-серую, чёрную, ярко-красную, бледно-розовую, бежевую, бирюзовую, отбрасывая футболки, брюки, ремни, прежде чем наконец выбрать подходящее к выходу. Для кого он одевался? Для любви, которая неизбежно встретится по дороге.

Мэлоун вернулся к мечтам юности, когда переехал в Нижний Ист-Сайд: своего рода девичьим фантазиям выпускного бала относительно нарядов, любви, красивого незнакомца, о том, чтобы быть желанным. Он и хотел жить такой жизнью, исполнять свои желания, никуда не спешить, погружаться в сплетни и любовные интриги... да, в этой

обшарпанной комнате Нижнего Ист-Сайда он был совершенно свободен, чтобы позволить себе по-настоящему вневременное существование.

Ведь в этой части города нет ощущения времени. Поляки здесь стоят на крыльце в тёмных костюмах и шляпах, часами рассматривая проходящих мимо.

Пуэрториканские женщины сидят на крыльце в конце улицы, поят детей газировкой до сумерек, а иногда танцуют друг с другом под гитару, на которой играет муж. Музыкальный автомат в баре, где поляки просиживают весь и каждый день, надвинув шляпы на носы, выдает шлягеры, вышедшие из моды лет десять назад. Никому и в голову не приходит сменить в нем набор пластинок. Они снова и снова слушают надрывный голос Дина Мартина*: Я хочу быть рядом, чтобы собирать осколки**...., а дым мусоросжигательного завода стелется по району.

Времени нет, — бродяги приходят и уходят; ты даже учишься узнавать кого-то из них, а затем они растворяются в поезде на Флориду. Проститутки стоят на углу в шортиках, подрагивая под холодной луной, сирены полудюжины полицейских машин, мчащихся к месту убийства на Первой авеню, уносятся ввысь, подобно небесному хору, и вдруг

* Dean Martin (1917-1995) - очень известный американский певец, актёр и комик.

** I Want to Be Around - популярный шлягер 1960-х, авторство которого приписывают Сэди Виммерстедт и Джонни Мерсеру. Неоднократно звучал в фильмах разных лет и по настоящее время, в самом разном исполнении, включая Фрэнка Синатру.

затишают. Гадальщица по руке, цветастая как цыганка, уже много лет восседает в витрине своего салона. Похоронное бюро и турагенство рядом выглядят, словно близнецы-братья. В окне агентства — плакат с пятью молодыми польскими девушками, — они бегут от дома-трейлера к затянутому ряской пруду; бегут много лет, их лица неизменны. Трудно сказать, как долго Мэлоун пробыл там, но этого было достаточно, чтобы он, шарахающийся от попрошайек, мальчишек, скрюченных очередной дозой на углу, спящих среди мусора бездомных, вздрагивающий от воплей истеричек, переругивающихся с торговцами фруктами на Первой авеню из-за мелочи на сдачу, замирающий при виде странных дряхлых, расплывающихся силуэтов в туфлях на платформе, наконец почувствовал себя здесь своим. Наконец нашлось такое место, где можно было побродить по улицам, где время шло незаметно, а никому не было до этого дела. Он сделался настоящим пленником любви. Уже поздно ночью в постели, совершенно вымотанный, вдруг вставал, — совершенно против своей воли, — и бежал в маленький парк на Пятнадцатой улице, потому что там под деревом может ждать парень в поисках любви. И, пока продолжалась эротическая лихорадка, ему нравилось все: пустые, продуваемые ветром, улицы в зимние ночи, бродяги, спящие в облаках пара на вентиляционных решетках теплотрасс; летом — жара со множеством характерных запахов, жужжание мух над

фруктовыми прилавками, шум воды пожарных гидрантов; детские крики, ароматы польской пекарни, дни в футболке и кроссовках, едкий дым мусоросжигательного завода, стелящийся по улице. А какие закаты разворачивались напротив окон его комнатки под крышей! Весной же дожди, от которых на станциях метро становилось сыро и промозгло, гарантировали возможность заходить в мужские туалеты и заниматься там любовью. Только осень, бодрящая, суровая, волнующая пора, заставляла устыдиться, почувствовать пленником улиц, но проходила, и все возвращалось к жизни без времени. Так он прожил много лет здесь, – и кто знает, пребывал ли он в этом мрачном жилище, которое так ужасало и одновременно восхищало, в погоне за любовью или же во исполнение какого-то странного искупления за все свои прежние преимущества? Любовь и унижение одновременно. Мэлоун стал одним из тех парней, которых видишь идущими домой в толпе в восемь утра, с бледным лицом, тенями под глазами после ночи с каким-то мужчиной в Челси: пленником любви. Фактически, весь мир дневного существования потерял для Мэлоуна смысл, и он задавался вопросом, как мужчины вообще могут заниматься чем-то, кроме любовных интересов: основывать бизнес, строить здания, играть в сквош. Так, возвращаясь домой утром на метро, в толпе тех, кто едет на работу, – вот мужчина, держащийся за поручень рядом, едет

в центральный офис Ситибанка*, а он отсыпаться после долгой ночи любви с одним из кассиров. Оба буквально – плечом к плечу, держась за поручень, пока вагон несется по туннелю: один – слуга Меркурия, другой – Приапа. Покидая свою комнату ночью и замечая, что на Третьей авеню собираются проститутки в расшитых блестками шортах и чёрных топах на бретельках, он тайно благословляет их в своём сердце. Но, однажды ночью, когда спешил на свидание и увидел, как из офиса Union Carbide** на Парк-авеню выходит кто-то из его старой фирмы, тотчас спрятался за колонной, чтобы не попасться на глаза.

Он занимается любовью на заброшенных складах в три часа дня и на пирсах, а точнее – в ангарах вдоль реки, в столпах солнечного света, проникающего сквозь разрушенную крышу; занимается любовью по ночам в необычных квартирах высоко над городом. Занимается любовью в час пик в мужских туалетах на станциях метро; занимается любовью в полдень, в полночь, в восемь утра; и всё равно остается один. Носится по городу и в метро, и на поверхности исключительно лишь по любовным делам. Но всё же воскресными вечерами не избежать осознания того, что вся эта спешка только повод заглушить неизбежную печаль этого дня.

* Citibank - один из крупнейших и старейших банков США. Основан в 1812г.

** американская химическая компания с центральным офисом в Техасе. Основана в 1917г.

Он занимался любовью с пуэрториканскими анестезиологами в Бельвю*, психиатрами и бельгийскими поварами, поэтами и пилотами, анархистами и банкирами, корпоративными юристами и копирайтерами**, обнаружив, что после самой страстной ночи любви, в чьей-то постели или сауне, ему хотелось большего. Он перешёл от того, чтобы ложиться в постель лишь с красивыми людьми, к тому, чтобы разделять ее с обычными, и, наконец, даже с непривлекательными: евреями, итальянцами, славянами, бразильцами, голландцами, немцами, греками и арабами. Поклявшись переспать с каждым хотя бы раз. Он исхудал, но стал ещё красивее, – глаза приобрели глубину и манили желанием: он был пленником любви.

Здание же, в котором обитали мы с Мэлоуном, похожее на большую голубую мечеть в центре района, было заполнено пленниками совсем иного.

Нижние этажи всецело принадлежали пожилым еврейским вдовам, живущим на социальном обеспечении, питавшимся одними сэндвичами, которые раз в день приносил мальчишка-посыльный, пуэрториканец, из продуктового магазина внизу. Здесь же обитали польские пары, оставшиеся с тех времён, когда этот район был их районом. Кроме того, была и японская семья, державшая ресторан быстрого питания с темпурой*** на вынос.

* см. прим к стр. 11

** составители текстов для рекламы, каталогов и тп.

*** **tempura** - блюдо японской кухни из рыбы, морепродуктов и овощей, приготовленных в специальном кляре и обжаренных во фритюре.

Где-то тоже там жила женщина, тихо кашлявшая всю ночь, но которую никто никогда не видел. В противоположность грустному молодому парню в инвалидной коляске, чей двоюродный брат каждый день приезжал из Квинса, чтобы вывезти его погулять по улицам. И обходительному немцу несколько старомодного стиля, который трижды в день выводил своих собак на прогулку, вежливо здороваясь со всеми, словно на венской Рингштрассе. Тут же жила семья хиллбилли*, в которой орали друг на друга день и ночь в компании двадцати девяти кошек и собак.

Жил здесь и кассир банка Кэмикал**, который, возвращаясь домой, переодевался в старый чёрный костюм от Шанель, заряжал в проигрыватель кучу пластинок Коула Портера*** и весь вечер лежал в шезлонге, покуривая травку, пролистывая старые номера Вэнити Фэр****.

И, конечно, женщина, постоянно поражавшая Мэлоуна, – один лишь вид, когда встречаешь ее на лестнице, – вечно подвыпившая блондинка с выцветшими голубыми глазами,

* **hillbilly** - специфический термин от уничижительного определения *деревенщины* до гордого наименования самобытных затворников. В годы, означенные в романе, синоним термина *быдло*.

** **Chemical Bank** - один из крупнейших и старейших банков США, приобретен в 1996г. банком JPMorgan Chase Bank, NA. Основан в 1824г.

*** **Cole Porter** (1891-1964) - американский композитор, автор песен. Многие из его творчества стало классикой благодаря остроумным и изысканным текстам, успеху на Бродвее и в голливудских фильмах.

**** **Vanity Fair** - американский ежемесячный журнал о популярной культуре, моде и текущих событиях. Выходил с 1913 по 1936г., а затем с 1983г. и по настоящее время.

останавливающаяся на каждой площадке, чтобы перевести дух, прежде чем подниматься на следующую, улыбаясь со словами:

«Проходите», всем позади нее. Когда-то она была очень даже, но теперь жила с мужем, кричавшим на неё каждый вечер, как и она на него. Однажды, спускаясь вниз, она упала и пролетела мимо площадки, но была так пьяна, что просто поднялась и, пошатываясь, выскочила в дверь. Ее лицо под лампами дневного света этих лестниц со стенами блевотного цвета настолько было исполнено печали и смирения, прорезавших былую дрезденскую красоту (давно потускневшую и покрывшуюся морщинами), что сердце Мэлоуна холодело, и он не мог смотреть на неё или чувствовать ее духи без начинающейся паники.

Здесь все были неудачниками: несостоявшиеся художники, художники не достигшие и того, отчаявшиеся люди. Арчер почти получил диплом Гарварда, когда решил, что ему всё равно, что Блейк* думает о прикладной науке, переехал в Нью-Йорк и стал мальчиком по вызову. Он проводил два часа в день в местном спортзале, и его грудь теперь была больше, чем у его матери. По выходным он разъезжал по разным городкам Восточного побережья, чтобы просто постоять в барах и похвастаться этим достижением. Англичанка этажом ниже происходила из очень хорошей семьи и постоянно подвергалась избиениям

* Роберт Пирпонт Блейк (1886-1950) - американский ученый, философ, профессор Гарвардского Университета.

своих чернокожих любовников. Она названивала в три ночи, когда выпекала органический хлеб, а её любовник мог даже барабанить в двери квартир, чтобы узнать, есть ли кто дома, и если вы отвечали, она тотчас спрашивала с оксфордским акцентом: – У вас не будет соевой муки грубого помола?

Почему она, или любой в этом доме, всё ещё жили здесь, когда любой здравомыслящий человек давно бы съехал? Аренда. Очень дешёвая. Но это слишком простое объяснение. Улицы были зыбучими песками, воздух – газом без запаха, время шло, а мы все не могли проснуться. Было много проще оставаться, – и удовлетворить те самые желания, которые привели сюда; а желания, однажды удовлетворенные, оставили без сил что-то менять. Приспособили под воздух с пеплом, пожарные лестницы, лабиринты крыш и бельевые веревки, сверкающие дождливым апрельским утром. Мы были призраками. И именно поэтому прошлой зимой я ходил на дискотеки и даже работал в одной из них: подавал пунш. Это была идеальная форма жизни для такого призрака, как я...

И призраком я был хилым, без воли, без видения другой жизни – долгие годы. Я приехал в Нью-Йорк тоже ради любви, как и Мэлоун, а к тому времени, когда впервые увидел его невероятные глаза, прожил здесь так долго, что не смог вспомнить сколько. В первый день моей жизни в этом доме я пошёл навестить старушку из квартиры на

втором этаже, где две комнаты в глубине, заливало бутылочно-голубым, молочным светом снаружи, который, подобно какой-то густой жидкости, скапливался у основания вентиляционных шахт этих зданий. Какой ужас наводил этот свет! Сколько именно там прожил, я узнал только тогда, когда однажды спускался вниз, много лет уже после того визита, и столкнулся со старушкой у почтового ящика. Она повернулась ко мне и, прокрутив ключ в замке, бодро спросила: — О, привет! Ты все ещё здесь? Да, я всё ещё был здесь: увяз, как муха в янтаре, влюбившись в грязные улицы, крыши, пуэрториканских парней, в маленький полночный парк, где всегда мог найти таких же голодных, как я, парней, с мрачными от похоти лицами, выстаивающих под деревьями в ожидании, когда их заметят. Я приехал в город, — когда уже не помнил, — и остался, время перестало требовать измерений, ничто вообще не требовало какого-то учета, кроме циклического развития любви. Да и в городе ничего особенно не меняется: часть времени года — холодно, в другое — жарко, но деревья не сбрасывают листву, плодов на них нет, есть только улицы, пожарные лестницы, небо; телефон, гулкие пространства спортзалов, ангельское лицо итальянского мальчика, продавца рождественских елей на Второй авеню, которое замечаешь по дороге домой из саун Эверарда холодной зимней ночью, освещенное всполохами пламени в старой банке из-под

масла, огня, разожженного им, чтобы согреться. Каждую зиму танцуешь, а каждое лето едешь на пляж.

Но всякий год дарит в плане любви кого-то нового: азиатов в 1967-м, итальянцев в 1968-м; чернокожих в 1969-м и бородатых блондинов в 1970-м; пуэрториканцев – постоянно, этих ангелов в облике мальчиков-посыльных, на переходах через улицу на противоположной ее стороне: в джинсах, кроссовках, старых кожаных куртках в такой холодный зимний день. А глаза..., прекрасные, как деревья на фоне неба: открытые, спокойные: взглянут на тебя на мгновение и тут же отвернутся. Годы проходят в любви к этим глазам. И единственный способ понять, сколько их прошло, – это то, что ты (когда-то любимый мужчинами старше себя) теперь понимаешь, что сам предпочитаешь мальчиков младше... Как все так пролетело? Как пять лет представляются пятью неделями? Я посматривал на людей с безразличной медлительностью человека, для которого время не имеет значения. Неважно, потребовалось пять или шесть лет, чтобы наконец заговорить с таким человеком, как Мэлоун. Столь долгие наблюдения, сделали сближение почти второстепенным. Любовь – это карьера со своими стадиями и фазами, достижениями и неудачами... призвание, столь же конкретное, как призвание в Церкви, которому стоит посвятить жизнь. Так что не знаю, сколько я был на орбите,

когда впервые увидел Мэлоуна; но это чувство оцепенения, жизни без движения, наверняка начало влиять и на него к тому времени.

* * *

В этом и заключается странное свойство клубной среды после долгого пребывания внутри: среди всех этих огней, музыки, тел, танцев, наркотиков, ты приобретаешь спокойствие, и, даже совершая какие-то движения в танце, думаешь о тысяче самых разных вещей. Ловишь себя на том, что вслушиваешься в слова песен и гадаешь, а что делают люди вокруг. Они кажутся безумными. А ты стоишь на танцполе, покачивая бёдрами, размышляя о том, существует ли вообще любовь, и внезапно осознаёшь, что сейчас три двадцать пять, и ночь только-только перевалила за середину. Подносишь флакон с попперсом к носу, протягиваешь руку, чтобы слегка коснуться потного, упругого живота танцующего рядом парня, твоя собственная грудь блестит от пота в этой жаркой комнате, и раздумываешь серьёзно, подобно судье:

- Как жить, что делать с жизнью? Что вообще может сделать человек со своей жизнью?

И ты, в конечном итоге, не знаешь, куда девать глаза. Танцуя, ты не знаешь, куда смотреть. Тебя же исключили из святых.

И вот мы уже дошли до вечера, когда Джона Шеффера, приехавшего в Нью-Йорк из Принстона на выходные, привели на Двенадцатый этаж, и он увидел, как

Мэлоун вошел, поприветствовал друзей. Друзей, которые были всего лишь теми, с кем ходил по вечеринкам, и давно утративших способности очаровывать. Они стояли, разговаривали, а он вслушивался в музыку странно бесстрастно и внимательно. Ждал другой музыки, правильной, и лица, да, лица, магия которого снова пробудит прежний экстаз, – и он снова окажется на танцполе, запрокинув голову, когда Пэтти Джо начнет свою *Сделай так, чтобы я тебе доверяла**, и касаясь желанной и влажной от пота груди Фрэнка Поста, начнет гадать, кто же будет следующим парнем, – ведь он, как и все остальные, был просто пленником привычек. Но он давно здесь не был, поскольку жил с Рафаэлем на другом конце города, и для некоторых было волнительно увидеть его снова. Ведь если Мэлоун, в конце концов, был всего лишь лицом, которое я заметил на дискотеке некогда зимой, то он каким-то образом был той фигурой, на которой всё держалось. Центральным и прекрасным символом. Пока был в поле притяжения, в частности этого клуба (как сейчас), так же, как и я. Пока эти силы притягивают такие лица, то и я не противлюсь им. Такого рода отношения формируются в городе, особенно в таком романтическом обществе, как гомосексуальное, в отношении внешности тех, к которым ты даже не подойдешь, но которые значат много. Почему я никогда не пытался познакомиться с теми, кого обожал?

* см. прим к стр. 51

Не знаю. Но хотя я никогда не разговаривал с Мэлоуном, я любил его, и хотя никогда не пытался с ним познакомиться, он был единственным человеком в этом огромном городе, чью жизнь, чью судьбу я находил предметом пристального интереса; и в тот момент, когда он снова появился в дверях, в тот момент, когда вернулся на Двенадцатый этаж, я почувствовал огромную радость, словно иллюзия любви снова стала приобрела возможности.

Я почти не обрисовал его, как он выглядел, и это в истории, которая на самом деле больше о физической красоте, чем о чём-либо другом, — Мэлоун же был одним из немногих блондинов, которых я вообще считал красивыми. В Нью-Йорке влюбляются в итальянцев, евреев, пуэрториканцев и венгров, сицилийцев и венесуэльцев: темноглазых, темноволосых красавцев, с которыми хочется пропасть, утонуть, исчезнуть, словно в тёмной ночи, — а блондины представляются такими же пресными, как банкиры и адвокаты на Парк-авеню: безликие слуги огромного рабочего дома, которые ничего не понимают в тайнах крови. Но Мэлоун... Он был другим блондином. Напоминавшим о стилизованных воинах, чьи контуры прочерчены черным на умбрийской терракоте греческих амфор, чьи бедра словно обтянуты мускулами, настолько четко прорисованными, что могут быть пластинами брони. Обладавшим грацией газели посреди золотистой равнины знойным африканским

полднем. Его глубоко посаженные, необычные глаза никогда не выражали отсутствия, пустоты, не были остекленевшими в той мертвой бесстрастности, с которой жители Нью-Йорка отстраняются от бесчисленных проявлений, от которых приходится отстраняться ежедневно, города, где жизнь скорее атакует, чем дарит комфорт. У него они были полны эмоций; великая сила Мэлоуна заключалась в том, что он ничего не мог скрыть. И обладал идеальными манерами человека его воспитания; но даже эта сдержанность и официальность не влияли на производимое впечатление. На смертном одре мы будем вспоминать лица, – а не то, что достигли или не достигли, о чём тревожились, – лицо в метро, грацию движения тел двух чернокожих парней, которые однажды днём мылили друг другу бритые головы шампунем в военном лагере в Джорджии, и Мэлоуна, когда его взгляд встречается с твоим.

Однако ничто не стало более поразительным, чем видеть Мэлоуна и Сазерленда в нашем районе. Мы понятия не имели, что кто-то из них переехал сюда, но видели их теперь каждый день, ближе к вечеру, когда те просыпались. Но даже на этой улице безумцев Сазерленд выделялся. В его лице было что-то безудержное и вдохновляющее, словно он только что узрел Пресвятую Деву Марию над входом в метро или только что покинул одну из тех аэродинамических труб, в которых испытывают самолетные крылья. Мэлоун

привлекал внимание по разным причинам. Потому что выглядел совершенно не для этих мест. А взгляд его был таким серьёзным, добрым и обнадеживающим, что, встречаясь с ним глазами на улице, можно было напрочь забыть, куда шел, и требовалось остановиться, чтобы вспомнить. Мэлоун чувствовал это.

Что вскоре стало обременять его. Поскольку сам больше не верил в любовь, но каждый день видел, как в него влюбляются. Но не отказывал себе посматривать по сторонам, потому что красота все еще удивляла его, и он часто оказывался в объятиях какого-нибудь безымянного незнакомца с улицы. Дилемма разрешалась, конечно, в том плане, что не нужно было смотреть на кого бы то ни было, куда бы ни шел, но если ему приходилось с кем-то встречаться, то с самого начала он делал это в лёгкой, безличной, дружелюбной манере, которая честно заявляла о себе, как форме асексуальной вежливости и ничего более; что объясняло его особую лёгкость и непринужденное обаяние, когда Джон Шеффер увидел его на Двенадцатом этаже.

Мы же увидели это в тот день, когда они с Сазелендом зашли в наш магазин, и тот сразу же устремился к старым, строгим платьям в пол, которые продавались как секонд-хенд. – У них никогда нет моего размера, – выпалил он, – а я отказываюсь говорить, что это для подруги.

Мэлоун улыбнулся, засунул руки в карманы и

вступил в разговор с нами, пока Сазерленд разглядывал наряды:

– Кстати, – сказал он в своем беззаботном тоне, – я только что переехал в этот район, и, наверное, вы можете мне помочь. Есть ли где-нибудь здесь место, куда возможно сходить вечером подышать свежим воздухом? Парк неподалеку?

Это было ошеломительно, можно было думать, будто мы живём в маленькой деревушке на Рейне. В итоге мы рассказали о трёх местах рядом: площади Вашингтона, где обычно полно людей, играющих во фрисби*, продающих травку или играющих на бонго**, и где не очень-то расслабишься; площади Томпкинса, где в общем-то опасно; и нашем собственном местечке – двух симметричных парках на Второй авеню между Пятнадцатой и Семнадцатой улицами, куда мы ходили вечером посидеть, покурить и посмотреть, как в глубине зарослей занимаются сексом. И предупредили его, что теперь там в основном гомосексуалы.

В этот момент появился Сазерленд, положил на прилавок длинное темно-серое платье с маркизет-аппликацией*** и вшитыми плечиками и снова на одном дыхании энергично заявил: – Слава богу, я нашёл это раньше, чем Бэйб Пейли****. Или Мари-Элен де Ротшильд*****.

* летающая тарелка, перебрасываемая игроками друг другу

** африканские барабаны

*** аппликация из полупрозрачной ткани

**** см. прим к стр. 147

***** Marie-Hélène de Rothschild (1927-1996) - одна из влиятельных фигур в парижском высшем обществе. Кавалер ордена Почетного легиона.

Принимаешь Мастер Чардж*, дорогуша? – и, внезапно зевнув, добавил, – извини, – часто моргая из-за заслезившихся глаз. – Фрэнки звонил в пять утра, – сказал он, поворачиваясь к Мэлоуну, когда мы начали упаковывать платье и оформлять чек. – Он окончательно тронулся. Я не только не сплю, – а сон – это всё, дорогуша, – но и начинаю бояться, серьёзно бояться, – он снова неудержимо зевнул:

– Почему, вдруг? – спросил Мэлоун.

– Он напоминает мне Руиса Корреаса, – ответил Сазерленд, поднося сигарету к губам.

– Кто это?

– Из семьи, владеющей продуктовым магазином напротив моего дома, – ответил Сазерленд. – Я сообщил о них две зимы назад в Департамент здравоохранения. После чего несколько недель жил в полном уединении, ноги моей не было на Мэдисон-авеню.

– Но почему?

– Опасался репрессий. В то время я был одержим смертью герцогини Клевской**. Её, конечно же, казнили во время Революции, бедняжку, а потом солдат, охранявший её в тюрьме, ходил с усиками, сделанными из её лобковых волос.

С этим они покинули магазин.

Некоторое время после того мы их вообще не видели. Зато осенью их фотографии появились

* кредитные карты системы Mastercard

** Catherine de Clèves, duchesse de Guise/Екатерина Клевская, герцогиня Гиз (1548-1633) - прожила долгую жизнь, пережив двух мужей, одиннадцать из своих четырнадцати детей и всех своих братьев и сестер.

в *Interview* и *Post*: Сазерленд начал кутить с большим размахом, а Мэлоун, от нечего делать, присоединился к очередной затее своего друга.

Они посещали почти каждое мероприятие, премьеры, гала- и благотворительные вечера, где кто-либо из составляющих элементов гей-сообщества (от моды, театра, искусства) как бы заключал кратковременный альянс с теми представителями общества, чьи имена постоянно мелькают в колонках журналов (из семей Пейли, Гест, Гиннесс). В этом взаимодействии они стали весьма заметны: улыбались при черном галстуке рядом с Ли Радзивилл* или Франсуазой де ла Рента**, когда фотограф запечатлел Мэлоуна не менее, чем для колонки Евгении Шеппард***. И в подписи к фото он был указан как Энтони Мэлоун. Но он был всего лишь не слишком даже светским человеком. Поскольку все, что не было возможным шагом к влюбленности, оставляло Мэлоуна равнодушным. Он сопровождал Сазерленда, потому что не знал, что еще осталось неизведанным; и даже какое-то время отправлялся с ним во второй половине дня, с полными курагой, кешью и изюмом карманами, в долгие походы до глубокой ночи по туалетам метро, пересекаясь каждые три-четыре часа в поезде

* Lee Radziwill (1933-2019) - актриса, младшая сестра Жаклин Кеннеди и невестка президента США Джона Ф. Кеннеди.

** Frangoise de la Renta (1921-1983) - редактор *French Vogue* и *American House & Garden*.

*** Eugenia Sheppard (1900-1984) - американская писательница моды и обозреватель, сотрудничавшая с более чем 80 газетами.

между станциями Гранд-Сентрал и Таймс-сквер, чтобы обменяться впечатлениями. От чего пришлось через месяц отказаться, но целомудрие было утрачено. Хотя более его изолировала отчаянная неизбирательность в сексе. Он спокойно мог с Венецианского бала сбежать в самый модный закрытый бар, чтобы в итоге вывалиться из грузовика на набережной в семь утра в пропахшем мочой смокинге с видом кротким и озадаченным. Однажды вечером они удалились в театр Сент-Маркс* в своих чёрных галстуках в компании египетских принцесс-наследниц и известного декоратора прямо со званного ужина, чтобы посмотреть особенно отвратительные фильмы в двух отделениях, под названиями *Одного раза недостаточно*** и *Махогон****. Театр оказался битком набит геями, афроамериканцами и пуэрториканцами, которые непринужденно беседовали друг с другом спиной к экрану на сцене. В середине первого отделения кто-то из чернокожих наступил на ногу пуэрториканцу, когда вставал со своего места, чтобы выйти, взять воды, и не извинился. Тогда пуэрториканец, невысокий парень в пальто искусственного меха и бордовой кепке-фуражке, вскочил и помчался за ним, выкрикивая вслед:

– Чувак, у меня пистолет, я тебе голову снесу! Ты наступил мне на ногу, ты

* UNDER St. Marks — экспериментальная театральная площадка с 1970-х годов.

** Once Is Not Enough (1975) - романтический фильм по одноименной книге (1973) Жаклин Сьюзан.

*** Mahogany (1975) - американская романтическая драма. Реж. Берри Горди.

должен извиниться!

Чернокожий сразу растворился, а пуэрториканец пошел бродить по проходам в зале, повторяя слова о пистолете. Сначала никто не обращал внимания, и даже кто-то крикнул:

- Иди, засунь его себе в задницу и нажми на курок.

- Вот это будет настоящий пиздец! - взвизгнула какая-то отчаянная королева.

- Считаю до пяти, и снесу тебе башку! - в ответ прокричал пуэрториканец, - все, конечно, развернулись в его сторону. - Все заткнитесь! Или я снесу этому парню голову! - продолжал вопить он, стоя в темноте у начала прохода рядом с кем-то, кого мы не видели.

И вот актриса, легкомысленная девчушка, сидит на камне в Центральном парке, переживая личный кризис под окнами отеля Льер, когда Мэлоун отрывисто и уверенно выкрикнул:

- Давай, вообще всё равно.

Сазерленд сразу, срывая дыхание, вмешался:

- Пристрели меня, дорогуша. Я настолько разогнался, что единственное, что может тормознуть меня - так это снести мне голову. В любом случае, это же источник всех бед, не так ли? Мы слишком много думаем! Снеси мне голову, дорогуша, но оставь только высокочувствительный анус!

И Сазерленд пустился рассказывать Мэлоуну своим беззаботным, с придыханием голосом о курсе, который прошёл у гей-психолога в

Сан-Франциско, относительно использования ануса как источника сексуального удовольствия.

– Заткнись! – опять проорал тот пуэрториканец. – Я снесу тебе башку!

– Давай, дорогуша! – вздохнул Сазерленд. – Нажми на курок и позволь мне пасть, – он развернулся опять к Мэлоуну, тогда как из толпы кто-то выкрикнул:

– Все верно, верно, скажи ему!

Пуэрториканец резко обернулся при этих словах, направляя пистолет в ту сторону, откуда кричали.

В этот момент на экране начался *Махогон*, и парень прошел в первый ряд, усевшись, чтобы послушать Диану Росс* в заглавной теме.

После фильма в чёрных галстуках, с довольными лицами, они вышли и закурили, Мэлоун сразу отошел ловить такси. Сазерленд смотрел на того пуэрториканца в мехах и фуражке, стоящего неподалеку с угрюмым и растерянным выражением на лице, словно в ожидании очередного повода, чтобы пригрозить кому-то пистолетом. В этой части города люди чувствовали себя особенно нервно, – в силу особенной же тонкости грани между человеческой жизнью и насилием. На этой улице с убийством можно было разминуться лишь минут на десять.

Спускаешься купить газету и обнаруживаешь, что тротуар огорожен, будто залили свежий бетон, а на веревке табличка: МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

* в фильме *Махогон* (1975) она играет главную героиню, Трейси Чемберс.

– Видишь, насколько опасным для публики может быть плохое искусство, – сказал Сазерленд, протягивая пуэрториканцу сигарету, и тот посмотрел на него безумным и диким взглядом. – Оно сеет хаос, как и предсказывал Платон. Но стрелять следовало бы не в меня, – сказал он, когда остальные окликнули его из такси, – а в Жаклин Сьюзан. Дорогуша.

Он сел в такси, посылая воздушный поцелуй, а пуэрториканец лишь разразился громкой тирадой по-испански.

И снова город поглотил их в том бурном потоке напряженной жизни, о которая существовала для нас лишь в газетах, если таковые вообще читали в этом районе. В Нью-Йорке каждым вечером больше вечеринок, чем в любом другом городе мира, уж точно.

Мэлоун с Сазерлендом посещали три вечеринки за вечер, а то и больше, неделями подряд. Рано утром, по дороге домой из парка, мы столкнулись с Мэлоуном в смокинге, стоявшем с газетой и пакетом молока под мышкой, разговаривающим с каким-то бродягой в клубах пара от решеток вентиляции на мостовой, – жуткое зрелище.

– Как успехи? – бодро спросил Мэлоун, увидев нас. Полез было в карман за сигаретой, но вытащил кожаное кольцо для пениса с заклёпками. – Те парни тоже ищут любви? И находят её?

Поскольку, даже с учетом того, что прошел через многое, был убеждён, что такой способ провести жизнь довольно прозаичен.

Однажды вечером, когда они вышли из нового заведения, только что открывшегося на Восточной Девятнадцатой улице*, прогуливаясь по Второй авеню, чтобы покурить, и забрели в парк, где сидели на скамейке мы в зябком полумраке, наблюдая за рассекающими пространство, словно акулы, силуэтами, в тёмной морской пещере эротической любви.

– Это тот красавчик, который раньше водился с Джоном Терри, – рассказывал Сазерленд, когда они сели на скамейку позади, – тот, на содержании бизнесмена из Сингапура, чайного магната, который мастурбирует смазанной боксёрской перчаткой, приятеля Джорджа де Рю, того, кто в следующем месяце собирается переделать мою квартиру под мясоразделочный цех.

– Стоп! – встрепенулся Мэлоун. – Я не хочу слышать ни слова.

На мгновение воцарилась тишина, Сазерленд вздохнул и продолжил:

– Но, дорогуша! Сплетни – пища богов.

– Мне уже всё равно, – ответил Мэлоун, – выйдет ли новая коллекция, или новый ролик *Lacoste*, или Эдди Чин запустит себя в край, или снова предпочтёт анальный секс этой зимой! И кто были любовниками Теренса Хатчинсона, и что Джеки О** собирается на вечеринку к Холстону в пятницу! Я не хочу больше ничего слышать. Мне просто всё равно. Я хочу быть серьёзным...

* скорее всего, это BDSM-клуб *Chateau 19*

** Жаклин Кеннеди (1929-1994)

На какое-то время, хотя бы.

Снова повисла тишина.

– Думаю, мне следует переодеться, если уж мы собираемся быть серьёзными, – очень тихо сказал Сазерленд.

– Вот видишь? – заметил Мэлоун. – Ты не никогда будешь серьёзным. Не сможешь!

– Все это очень серьёзно, – совершенно спокойно отвечал Сазерленд. – Гораздо важнее знать, к кому ушел любовник Теренса Хатчинсона, чем знать.. ну, э, скажи мне, что в наши дни считают серьёзным? Я совсем оторвался от реальности.

– Мне надоело ложиться в постель с кем-то, чтобы в итоге остаться таким же, как и прежде, – вздохнул Мэлоун. – Как все эти мужчины выживают при таком совершенно бессмысленном сексе?

Послышался тихий щелчок.

– Что это? – сразу спросил Мэлоун.

– Диктофон, дорогуша. Я записываю весь наш разговор, – сказал Сазерленд. – Ой, подожди, это мне нужно.

Вновь щёлкнула кнопка, а мы услышали стоны и вздохи чернокожего, у которого сосали в кустах слева от нас.

– Эти грязные разговоры, – прошипел Сазерленд. – И очень неплохие. Когда всё закончилось, он продолжал:

– Я записываю для герцога Альбы, желающего включить три из моих ночей в Нью-Йорке в капсулу времени, которую он закопает на своём ранчо в Эстремадуре. Подумай только, дорогуша, нас будут слушать и через

сто лет! – он нажал ещё одну кнопку, включая перемотку. – Невероятные японцы, – Сазерленд был в своем репертуаре, – но если бы у них только были члены... Итак, мы задались вопросом: что может быть серьёзнее сплетен?

Слова повисли в воздухе в то время, как двое мужчин, только что закончивших со взаимной фелляцией посреди клумбы, застёгнулись и разошлись без единого слова в разные стороны, и лишь ветер шелестел листьями в кронах деревьев. Должно быть, созерцательная атмосфера темноты и тишины, или вид множества празднующихся на скамейках, желание отвлечься от пустяков, относительно которых только что возражал, заставили Мэлоуна заявить:

– Я хочу найти работу. В маленьком городке белых каркасных домов, с большими лужайками перед ними и множеством деревьев.

– Мой дорогой, – с придыханием начал Сазерленд.

– Я хочу жить в белом большом доме, сидеть вечерами на крыльце и смотреть, как перемигиваются светлячки, вдыхать запах палых листьев осенью и видеть, как мои дети играют на лужайке.

– Детям нужна матка, – сказал Сазерленд, – а матка связана с влагалищем, и от одной мысли о нем тебя тошнит. Такая маленькая деталь. Но вот что я тебе скажу, – в следующем месяце в Нью-Йорк приезжает очень богатый аргентинец, и всё, чего он хочет, – это молодой парень на содержании. Он

не особо хочет заниматься с ним сексом или даже видаться, но хочет держать на расстоянии, так сказать, будто отправляя десять баксов каждый месяц одному из тех сирот в Гонконге. Что ж, он приезжает в следующем месяце, и почему бы нам не познакомить его с тобой, и, возможно, ты сможешь обосноваться на своей вилле где-нибудь на Среднем Западе до конца жизни, благодаря доктору Молина-и-Пран.

- Но я не хочу, чтобы меня содержали, - сказал Мэлоун. - Я хочу найти работу.

- Найти работу? - переспросил Сазерленд. - Кем? Диджеем? Консьержем? Какую работу за последние десять лет ты укажешь в своём резюме?

- Я...

- Единственное, что ты можешь сделать, - перебил Сазерленд, - это указать, что ты был военнопленным в Красном Китае. Это гораздо правдоподобнее, чем то, что ты делал на самом деле. Что ты делал, дорогуша? - Сазерленд умел придать вес и риторическим вопросам.

- Искал любовь, - тихо ответил Мэлоун.

- Искал любовь, - отозвался Сазерленд.

Помолчал, а затем добавил, - Нет, не думаю, что это поможет устроиться в *Union Carbide*. Или *Ogilvy & Mather**. Да хотя бы и в *Ford Motor*. Искал любовь - не слишком стандартная запись в резюме.

* Огилви и Мазер - нью-йоркское рекламное агентство *Hewitt, Ogilvy, Benson, & Mather*, основанное в 1948г. В 1964 переименовано в *Ogilvy & Mather*, а в 1985 стало *Огилви*. В настоящее время - международное агентство рекламы, маркетинга и связей с общественностью.

Видишь ли, ты последние десять лет вел дневник, а все остальные – составляли резюме. Не думай, что это простят. В конце концов, Эмпайр-стейт-билдинг – это не что иное, как массив возвышенной любви.

В этот момент мы все посмотрели на серебряный шпиль этого небоскреба, вознесшийся над деревьями всего в пятнадцати кварталах, сверкающий в свете прожекторов, почти одомашненный образ, вздымающийся над листвой.

Внезапно из темноты появилась потрепанная дама, остановилась напротив их скамейки и, деликатно наклонившись, при маленькой шляпке, с пакетом в руке, хрипло проскрипела:

– Дайте четвертак*, а? Я алкоголичка. Мэлоун сунул руку в карман и отдал ей четвертак, она со словами:

– Спасибо, приятель, положила монету в кошелек. А затем, всё ещё изгибаясь, повернулась к соседней скамейке, где двое мужчин сидели и курили, в ожидании инициативы друг от друга, бросила:

– Чёртовы педики, пора уже арестовать их! И она двинулась дальше, намереваясь обойти скамейки, расположенные дальше по тропинке.

– Дорогой мой, – продолжил Сазерленд, – знаешь, ведь ты же такой и есть.

Маловероятно, что ты сможешь вернуться в Уайнсбург, Огайо, или откуда ты там родом, и жить там. Да, и чтобы не забыть, – твоя семья в курсе? Думаешь, произведешь такое

* 25 центов

же впечатление, как вышедший погулять сам по себе гусь*?

- Нет, — ответил Мэлоун.

- Ну, дорогуша, не думаешь ли ты, что стоит, возможно, послать им телеграмму? Или собираешься стоять у могилы отца удивляясь, почему так и не рассказал ему самую важную правду своей, в остальном непрозрачной, жизни? И подумай о чувствах у могилы мамы! Нет, так думаю, ты должен открыть им свой тёмный, готорновский** секрет. Пусть они знают, что ты гей.

- Не могу, — тихо сказал Мэлоун.

- Тогда, думаю, тебе стоит отказаться от этой мифопоэтической фантазии о белом доме, большой лужайке, блудливых светлячках.

- Я уйду жить в лес, — сказал Мэлоун.

- Тебе будет одиноко, — тут же парировал Сазерленд. - Даже Торо*** навещался в город днём посплетничать.

- Ты можешь уйти со мной, — сказал Мэлоун.

- Ни на секунду, — отрезал Сазерленд. - Я существую только в Нью-Йорке, заberi меня с этого острова, и я испарюсь. Я как морское растение, которое прекрасно на дне, но извлеченное из океана становится

* gay as goose в оригинале, дословно *забавный, как гусь*, так как *gay* в прямом переводе - веселый, забавный.

** Натаниэль Хоторн (1804-1864) - писатель, часто рассуждавший в своей прозе о религии, морали и тп. Сформировал жанр *темной романтики*, близкой к готической.

*** Henry David Thoreau (1817-1862) - американский эссеист, натуралист, поэт и философ. Его труды о гражданском сопротивлении несправедливому государству сильно повлияли на Льва Толстого, сформировав его писательскую позицию. В рамках эксперимента простой жизни, на два года Торо переехал жить в лесную хижину.

совершенно другим. В сельской местности я не понравился бы тебе, – сказал, делая паузу, чтобы сменить кассету. – Не будет веселья, не будет сплетен, мы смертельно заскучаем и возненавидим друг друга. Только представь, что мы ужинаем каждый вечер вдвоем, одни. Я – забавный, полон жизни, я – городское создание. Забери меня оттуда, и я умру прямо у тебя на руках.

– Ну, я люблю тебя, – сказал Мэлоун.

– Не говори гадостей.

– Но я люблю тебя, – повторил Мэлоун.

– Ты выносишь моего ребёнка?

– Ты записываешь? – спросил Мэлоун.

– Конечно, дорогуша, я сейчас всё записываю. Я работаю над документальным романом.

– Ну, я никого не люблю, кроме тебя.

– Только потому, что я тебя развлекаю, это не любовь, – сказал Сазерленд.

– Ну, а что же тогда? – спросил Мэлоун.

– Любовь – это не беспокоиться, заметны ли мешки под глазами, когда просыпаешься, в тот первый час каждого дня, прежде чем они исчезнут. Это, должно быть, и есть любовь! Или, как пишет доктор Роуз Францблау в *Пост*^{*}, взаимная поддержка двух зрелых людей, разделяющих стремления к самореализации. Тебе не любовь нужна, в конце концов, – заключил Сазерленд, – тебе нужны деньги. Все проблемы, по сути, финансовые.

^{*} *New York Post* - американская газета с тиражом в 150 тыс. экз. в настоящее время. Первый выпуск в 1801г.

- Не говори глупостей, — отмахнулся Мэлоун.
- У тебя есть внешность, ум, отличное образование, — ты получал стипендию Национального фонда* за заслуги, — а теперь просто возьми должное, Жижи**, — сказал он. Черный на скамейке неподалеку внезапно потрянул головой и спросил:
- Что происходит, детка?
И, когда никто ему не ответил, продолжал:
- Чёрт! Одни педики, хех... чёрт! Одни педики! Чёрт! — он сел ровнее, хлопнул себя по бедру:
- Сигарета найдётся, брат? — сказал он, повернувшись в их сторону. Сазерленд протянул Голуаз.
- Спасибо, чувак. Мальчик, я должен был находиться в... Я должен быть в Чикаго вчера. А что сегодня?
- Суббота, — ответил ему Сазерленд. — Праздник Святой Агнессы, Девы и Мученицы.
- Точно, точно, — проговорил тот. — Ну, я должен быть в Чикаго в среду, но напился... слишком чертовски напился. И все еще продолжаю! — сказал он, растянувшись на скамейке с зажженной сигаретой, поглядывая на деревья. — Хмммм, — бормотал он, лёжал, уцепившись одной рукой за шею и воротник. Затем повернулся на бок спиной.
- Знаешь, Джон Шеффер, — сказал Сазерленд, — чья семья, как я узнал на прошлой неделе, держит *Union Carbide*, владеет тремя

** National Merit Scholarship - престижная программа для учащихся старших классов в США

*** главная героиня фильма *Gigi/Жижи* (1958), реж. Винсент Минелли. Фильм получил 9 Оскаров в 1959г.

тысячами акров земли в Тетонах*. Не хочешь поправить там здоровье?

– Нет, но нам нужно уехать из Нью-Йорка.

– Ты совсем не понимаешь? – по-настоящему удивился Сазерленд, – Мы не можем. У нас нет ни су**. И даже если было, куда бы мы поехали? Нас постоянно предупреждают о наркотиках, но этот город – худший из них. Куда бы мы могли поехать, на самом деле? Осло? Марракеш? Южные моря? Буэнос-Айрес? Каракас, Сантьяго? Рим, Мюнхен? Ибица, Афины? Кабул? Может, и в Кабул. Будем красить веки синим, жить в землянке, слушать ветер, просто слушать ветер... Конечно, есть та замечательная история об английской королевне, которая призывно подняв задницу бросилась на кучу овечьих шкур в окрестностях Кабула и была изнасилована проезжавшим караваном, всеми двадцатью пятью его составляющими. Это как раз то, чего можно ждать с нетерпением. Поедем в Кабул? – он вопросительно взглянул на Мэлоуна.

– Вообще-то я бы хотел быть авиадиспетчером в крошечном аэропорту Флорида-Кис***, – сказал Мэлоун, как бы мечтая вслух. – В белой рубашке и белых штанах. С парой серебряных крыльев на нагрудном кармане. Сидеть в облицованном плиткой переходе на

* **Tetons** - общее название для горного хребта в Скалистых горах Северной Америки, пересекающего штат Вайоминг с севера на юг, а также Национального парка в его окрестностях.

** самая мелкая французская монета, 5 сантимов.

*** **Florida Keys** - архипелаг коралловых рифов у южного побережья Флориды, самая южная часть континентальных США.

закате и пить пиво, пока ждем почтовый рейс из Майами. В ослепительно белых брюках и крахмаленной белой рубашке... Я хочу быть авиадиспетчером в сонном тропическом городке, — сказал он. — Это был бы рай.

— Ты действительно этого хочешь? — спросил Сазерленд. — Вот так, во Флориде-Кис, в белых штанах...

— Откуда мне знать, — вздохнул Мэлоун. — Мы же вольны делать что угодно, жить где угодно, неважно. Мы совершенно свободны, и в том-то весь ужас.

— Может быть, тебе нужен валиум? — сказал Сазерленд. — У меня как раз в кармане четыре или пять сотен.

Но Мэлоун сейчас думал, и, наблюдая за мужчинами, прикуривающими друг другу сигареты в темноте, занимающимися сексом под деревьями, он развернулся, удивленно заметив:

— Разве не странно, что, когда влюбляешься, возникает та самая великая мечта, эта необыкновенная болезнь, единственное, что интересуется каждого из нас, — все неизбежно оказывается заключенным в каком-то совершенно обычном придурке, который по неведомой какой-то причине и есть тот самый носитель магии, волшебник, принесший все это. Почему?

Сазерленд встал, вздохнул:

— Вероятно, мы оба слишком серьезно относимся к витринам Бенделя. У нас воспаление мозга. Мы забыли ту простую истину, что если витрины Бенделя сменяются

каждую неделю, мы не можем.

- Уходишь? — спросил Мэлоун.

- Закончились кассеты, — снова вздохнул Сазерленд. — Не говоря о сигаретах.

Спокойной ночи, милый принц! Я в Ист-Хэмптоне до четверга.

- До свидания, — тихо сказал Мэлоун.

Мы сидели ещё около часа, — единственным звуком были совершенно искренние вздохи уже Мэлоуна. Наконец он поднялся и ушёл, как и мы, но через южные ворота, на Вторую авеню в оранжевом свете новых противокриминальных фонарей. Шлюхи, бродяги, сутенёры, парни, стигающиеся от слишком больших количеств употребленных всякого рода веществ, мусор, разлетающийся на ветру, металлические крышки баков для него, — всё это рельефно обрисовывало сюрреалистическое, радиоактивное сияние, подобное вспышке атомной бомбы. Здесь не было места тени. На полпути к площади Сент-Марк мы заметили Мэлоуна; и когда догнали его, он приветствовал нас с присущим ему прямодушным дружелюбием, заставившим думать, не обращая внимания на бродягу, просившего денег на пиво, что мы где угодно, но не на Второй авеню в три тридцать утра:

- Как дела? — лишь спросил он, обнимая нас за плечи. — Я только что из вашего парка. Мне очень понравилось! Вы видели парня с ирландским сеттером? Какие прекрасные глаза! У него, не у собаки, — улыбнулся он. — Какое доброе, красивое, цивилизованное

лицо! Мне просто хотелось подойти и сказать:

- Возьмешь меня замуж?

Он говорил о красивом горном инженере, который жил в таунхаусе, рядом с северо-западной частью парка, и каждый вечер выгуливал свою собаку, ирландского сеттера. Обычно он, выкурив сигарету, подсаживался, представлялся и просто болтал – самым милым, спокойным, любезным образом: уравновешенным, взрослым и мудрым. В него сразу влюблялись: в его прекрасные голубые глаза, усы, красную спортивную куртку с капюшоном и теннисные кроссовки, стройную фигуру, каштановые волосы, в то, как он смотрит: в сочетании юмора, ума и непринужденной уверенности. Именно такая уверенность была столь редкой в этом парке; ведь все женщины хотят, чтобы их очаровали. Почему так много мужчин часами выстаивали в этом парке неподвижно, разве что подчиняясь какому-то глубокому закону психологии, который заставляет женщину упрямо следовать тому, чтобы мужчина ухаживал, соблазнял, увлекал? Горный инженер обладал именно этой выдержкой и уверенностью. Мы все любили его, но он никогда не уходил домой еще с кем-то; лишь садился рядом с вами, курил, вы влюблялись в него, а он извинялся со словами, что ему нужно вставать в шесть утра на работу, и уходил с ирландским сеттером, окруженный деревьями к своему таунхаусу. От чего просто перехватывало дыхание. И, конечно же, однажды вечером он

воссел рядом с Мэлоуном, – и даже самого горного инженера на мгновение это заставило нервничать, пока не обнаружилось, насколько Мэлоун любезен – и они с огромным удовольствием завели разговоры друг с другом, а затем, к полному изумлению Мэлоуна, инженер встал и попрощался. Мэлоун был опустошен. Ведь всё ещё влюблялся и терял любовь, как ребёнок. В следующий раз, когда они увиделись, почти год спустя, Мэлоун отрастил бороду, и когда инженер подошёл к Мэлоуну, закурил, взглянул на него, тот вспомнил все, о чем был разговор год назад. Подумал было высказать:

– Я знаю тебя, мы встречались здесь год назад прошлой весной. Была ли у меня тогда борода? Не имеет значения. Ты семь лет прожил в Нью-Йорке, полгода пытался в Сан-Франциско, но хочешь быть ближе к Европе, любишь Европу и Нью-Йорк, а завтра вставать в шесть утра на работу.

Теперь садись. В прошлый раз ты не захотел спать со мной, но в этот раз мы сделаем это. Что тебе нравится? Нравится, когда трахают долго, глубоко, медленно, вдумчиво? Для такого приятного человека, держу пари, ты в постели настоящий ублюдок, – ты, вероятно, любишь жестокость, вероятно, любишь боль. Так что пойдём к тебе, и закончим с пустыми разговорами.

Это застало бы его врасплох; он опять бы ушёл; Мэлоун прекрасно знал, что именно этого и ждут здесь люди, – мистического изнасилования, – неподвижно выстраиваясь в

темноте, словно испанские дамы пятнадцатого века, в ожидании ухаживаний. Но лишь отвлёк взгляд от инженера, ему просто подумалось: – К чему суетиться?

Ведь к тому времени эта игра потеряла актуальность, а сам он перешел к ещё более извращенному: уходил домой не с красавцами из того парка, а с, мягко говоря, парнями не очень. Уходил в компании огромных, толстых бакалейщиков с авеню Д, крошечных мальчиков с разбитыми носами, едва внятно разговаривающих, уродливых мальчиков, безобразных мальчиков, толстых мальчиков, – со всяким непривлекательным и отталкивающим Мэлоун уходил и занимался любовью. Этот район стал идеальным внешним отражением его внутреннего состояния: грязь и уродство соответствовали его похоти. И он предпочитал людей такого же склада. Улицы, которые когда-то очаровывали, куда выходил каждую ночь с радостным волнением в сердце, теперь обернулись пепельно-серыми и унылыми – и он чувствовал себя не очарованным влюблённым, отправляющимся в Багдад, а тараканом, снующим по тротуару в оранжевом свете уличных фонарей, среди сверкающих крупинок слюды, словно в насмешку над всем способным блистать и сиять. Потому пришлось отказаться от похода на запад, в окрестности Вест-Виллидж, и просто брести Второй авеню в наш маленький парк вместе со всеми его бродягами.

Но вместе с тем вы никогда не заподозрили ничего подобного, поскольку он точно также

сплетничал о людях, с которыми познакомился в нашем маленьком парке, полагая, несомненно, что интересуется нас именно это.

Но вдруг он резко остановился и сказал:

– А как выживаете? И чем заняты?

Расскажите мне всё!

Это была та самая, изначальная черта Мэлоуна, потрясающее дружелюбие, инстинктивное в его характере, – даже когда он решил, что придётся как-то бороться с ним, как с каким-нибудь тиком. Мэлоун был просто слишком воспитан. Очень добродушен. Насколько часто Сазерленд говорил ему, что следует выбирать своих друзей; что, по мнению Сазерленда, означало избавиться от девяноста процентов из них! Но Мэлоун не мог. Он действительно не был снобом.

Десятки людей звонили ему ежедневно с той самой бесцеремонностью, при которой никогда не думают, что их собственные проблемы и желания мало кого интересуют; Мэлоун терпеливо переносил эту грубость и слушал. Всё потому, что был дружелюбным, ласковым, открытым парнем, – который, когда ты подходил к нему на улице, даже на этой улице, обнимал тебя за плечо и говорил:

– Расскажи, что случилось в четверг вечером с тем парнем! Ты всё ещё любишь его?

В ту зиму было много снега, одарившего Манхэттен в предрождественские недели волной счастья, которого, казалось, у Сазерленда и Мэлоуна и так в избытке. Толпы высыпали из офисов в пять часов вечера,

люди расходились по вечеринкам, в турагентства, шли нанимать барменов для больших домашних праздников. В холодные зимние дни, когда тротуары Нижнего Ист-Сайда покрывались коркой льда, пуэрториканцы вышагивали по ним, словно тигры по заснеженному леднику, а из транзисторов, с которыми они не расставались и на улицах, празднично ревели трубы, и голые ветви деревьев ослепительно сверкали в солнечном свете на фоне голубого неба.

А в сорока кварталах к северу Мэлоун и Сазерленд курсировали по универмагам, выбирая парфюмы, примеряя пальто и куртки, одаривая знакомых небольшими презентами с различными веществами и рукописными поэмками, посещая изумительное количество вечеринок, в геометрической прогрессии разраставшихся с каждым годом, включая аукцион рабов, организованный Американской Ассоциацией Фистинга за неделю до Рождества в пользу сиротского приюта в Хакенсаке. Однажды днем я заметил Сазерленда, окруженного группой пьяных бродяг к востоку от Астор-Плейс*. Каждому вручалась аптечка от Марка Кросса** (он купил все это со скидкой у мафии), сопровождавшаяся пожеланием удачного пути на юг. Ведь его друзья, алкоголички, проживающие в апарта-

* Astor Place - улица в районе Нижнего Манхэттена

** американский люкс-бренд изделий из кожи.

Компания основана в 1845г.

отелях, и разные знакомые миллионеры, все они в это время года отправлялись в более солнечные края. Больше всего на свете Сазерленд обожал ходить по магазинам в Рождество: любил зайти в *Gucci* на Пятой авеню и шумно распердеться у прилавка, а если кто-то из продавцов в его любимых магазинах — *Cartier*, *Bendel's*, *Brooks* и *Rizzoli* — грубил, он удалялся к ближайшей телефонной будке и просил эвакуировать магазин, сообщая о заложенной бомбе. Мэлоун шествовал за ним вдоль сверкающих витрин, растерянно вспоминая Фрэнки и размышляя о том, что купил бы для него. В канун Рождества Сазерленд завалил Мэлоуна подарками, вручив тому парку на гусином пуху, походные ботинки, рюкзак (просматривался новый модный тренд и ему хотелось, чтобы Мэлоун стал олицетворением этого), янтарного скарабея Пятой династии*, пластинкой *Дуинские элегии*, с записью трелей дрессированных канареек под органнй концерт (издание женщины, владевшей магазином в цоколе Рокфеллеровского центра), флаконом *Джой***, ароматизированным мылом из Франции, первым изданием *Йейтса****, записью канона *Пахельбеля**** (что сам постоянно слушал, оставаясь один в своей квартире) и драгоценным кабошонным

* эпоха Древнего царства, ок. 2504–2347 гг. до н. э.. Столица — Мемфис.

** *Joy* - легендарный цветочный парфюм 1929г. от французского модельера Жана Пату.

*** см. стр. 5

**** *Rachelbel's canon* - работа в ре-мажор для трех скрипок и баса 17 века, немецкого композитора Пахельбеля.

изумрудом* .

Всё это было ворованным: Он зашёл в Бендель, переодевшись миссис Чарльз Диккенс, и вышел оттуда со всеми этими безделушками под юбкой. Но всякий вечер он читал Мэлоуну Евангелие о рождении Христа, а затем прыгал в такси и отправлялся в сауны Эверард. В это время года мы все посещали их довольно часто: залы заполнялись как местными королевнами, так и приезжими, собиравшимися здесь перед возвращением в Огайо, Мэн или куда-то еще, чтобы принимать участие в семейных церемониях. Грубые старики, чье презрительное отношение всегда обдавало настоящим холодом, когда передаешь деньги через стойку (сегодня обрамленную гирляндой рождественских открыток со всего света), пуэрториканец, провожающий посетителей до их шкафчика с выражением безнадежной меланхолии на лице, парень в прачечной на третьем этаже, с остекленевшим от скуки взглядом под дерзким разворотом из журнала с изображением весьма пышногрудой женщины, который он и приклеил скотчем к стене, постоянно погружающийся в дремоту, пока голос из динамика рядом не прикажет ему сменить простыни в комнате номер четырнадцать, забитые туалеты, случайные, безотчетные какашки посреди коридора, горячие стоны и вздохи из комнат, мимо которых проходишь, далекий звук

* *sabochon* - тип куполообразной огранки, когда верх - полукруглый, а подошва камня - плоская. Само изделие, как правило, имеет форму эллипса.

терпеливого шлепая в размеренном ритме метронома, королевны в коже и ковбойских шляпах, подсвеченные красным светом из дверных проемов, покачивающие наручниками, — все это не имело особого значения, а лишь внезапная нежность, когда поворачиваешь за угол и встречаешь друга, которого не видел пять месяцев, и вы оба желаете друг другу *Счастливого Рождества* перед тем, как разойтись, когда подошвы ног уже почернели, пока кружишь красными, холодными, выстланными панелями под сосну коридорами сауны *Эверард*. Это было Рождество в храме *Приапа*.

Сазерленд всегда приходил сюда с несколькими бутылками *Кампари* и плетёной корзинкой с паштетом, абрикосами и куриной грудкой, а также занимал отдельную комнату. Обливал всю промежность парфюмом *Guerlain*, и мог вдруг выскочить где-нибудь из-за угла, словно херувим в полотенце, а его сияющие глаза и уморительный вид моментально вызывали у совершенно незнакомых людей приступы смеха. В какой-то момент мы всегда оказывались у той его комнаты, наблюдая, как друзья заглядывают к нему на паштет и *Негрони**, а он сам вылетает вслед за красивым парнем, которого только что увидел, не успевая придержать спадающее полотенце, словно ребенок в своей беззаботности обнаруживая причину проблем сексуальной жизни. Сауна ранила *Сазерленда*: он заходил в комнату, закрывал дверь и

* *Negronis* - коктейль-аперитив: джин, красный вермут и *Campari*.

выходил через пару минут. Его ощупывали подобно домохозяйке, недоверчиво выбирающей яйца или проверяющей, не битые ли дыни в магазине, — и находили его член явно не соответствующим желаемому. Тогда он возвращался к себе и напивался. Мэлоун выбирался сюда реже Сазерленда, но и здесь держался у самых стен, буквально скрывался в тени. Но его замечали, а идти позади него в этих коридорах меня забавляло, потому что появлялась возможность наблюдать различные выражения на лицах проходящих мимо, — даже тех, кто, при виде Мэлоуна, сталкивались друг с другом на повороте или же просто врезался в стену. Приходилось закусывать губу: смеяться в Сауне было не принято. Тут все серьезно. Но в этих хождениях по коридору вслед Мэлоуну поражали разнообразные реакции людей на мечты, воплотившиеся в жизнь: сдвинутые брови, сердитые взгляды, старательные попытки не смотреть (чтобы не быть отвергнутыми; это были самые гордые из всех), при этом на лицах мелькало почти чопорное, страдальческое выражение, как у незамужней тетушки, не одобряющей все это; но вдруг они расцветали в чудесной, искренней радости и даже благоговении, когда совсем молодые парни, разинув рты, оборачивались и провожали его взглядом. Несдержанные просто шипели и заговаривали с ним, стоя на пороге комнат, когда он проходил мимо, подобно шлюхам, пристающим на углу улицы, или вскакивали с лежанок

внутри, чтобы зазвать его. Наглые подходили и предлагали травку, если он зайдёт к ним, или просто хватали за пах; но вскоре все они выходили из своих комнат и следовали за Мэлоуном, как это делал я. Поэтому Мэлоун почти не выходил из комнаты в коридоры. До поздней ночи, когда почти все спали, как только что выпившие стакан теплого молока маленькие дети, только не молока, конечно, а иной субстанции. И когда в коридорах становилось совсем темно, тихо и прохладно, лишь только вдалеке чьи-то стоны, или ревматические всхлипы засорившегося туалета, или журчание питьевого фонтанчика нарушали в остальном безупречную, установившуюся тишину, в Сауне наступало умиротворение: жаркий сумрак похоти рассеивался. На мгновение перед рассветом это место превращалось в обычное пространство с закрытыми или открытыми дверями комнат, где задержавшийся обитатель, соблазнительно раскинувшийся на своей лежанке, уснул и яростно всхрапывал. Именно тогда Мэлоун выходил, брал первого попавшегося, и занимался с ним любовью. Мы все знали каждого из обладателей этого волшебного опыта поздней ночи в сауне Эверард с ним, кого они больше никогда не видели, но об объятиях которого будут вспоминать до конца своей жизни. В том году одни из таких предрассветных объятий наградили Мэлоуна венерическими бородавками, и незадолго до Рождества мы увидели его в вестибюле госпиталя Белвью,

облокотившегося на колонну и слушавшего кантату Баха, которую группа врачей и медсестер организовала для своих пациентов, собравшихся вокруг в инвалидных колясках. Снег падал за стеклом огромных окон, а они пели. Мэлоун был сентиментален и ему становилось грустно в виду этой сцены.

Поскольку его Рождество всегда было религиозным, благотворительным и семейным праздником; а в этом году он пребывал в Нью-Йорке наедине только с собой.

- У меня венерические бородавки, - сообщил он нам, скривившись и ухмыльнувшись, когда импровизированный концерт закончился, а мы спросили его, что он делает в Белвью. При всем том, мы всё же были просто знакомыми, видевшими друг друга лишь когда ходили танцевать, но Мэлоун излучал дружелюбие.

- Я остаюсь в городе, чтобы ходить на процедуры. А как насчёт вас? - и он стоял, выслушивая наши планы со своей обычной внимательностью. - Ну, счастливого

Рождества тогда, - заключил он с улыбкой.

- А давайте соберёмся вместе как-нибудь? Сазерленд в Венесуэле, а я совсем один.. видит Бог, так не хочется быть одному в это время года, - он пошел к выходу, но обернулся, чтобы помахать нам, в общем-то вечно безденежной компании, пришедшей в бесплатную клинику, как и он сам сейчас, потому что был беднее любого из нас.

Рождество наступило и ушло: унылый, серый день со стелившимся поземкой снегом на пустых улицах Бауэри, где бродяги разводили

костры в мусорных баках. И вот как-то ночью Мэлоун вернулся домой с очередной вечеринки, но не смог заснуть. В сумраке комнаты прошедший легкомысленный вечер испарялся, оставляя все более определенную уверенность, что он пренебрегает теми, кого по-настоящему любит. Игнорирует ради компании тех, которые ничего особенно не значат для него, но с которыми он танцует, развлекается и проводит выходные. Он поднял и сел, сердце бешено колотилось в этой темноте, переполненное воспоминаниями о семье, доброй и всегда любившей его, как никто другие, искренней, беззаветной любовью, – так что, буквально за час до рассвета он решил написать им всем завтра, даже, наверное, вернуться домой, чтобы хранить эту душевную связь всю оставшуюся жизнь.

Именно тогда – один, охваченный паникой, но и странной любовью, сидя в постели, когда можно было слышать лишь шипение и журчание в трубах, – Мэлоун убедил себя, что Фрэнки ждёт от него только знака. Нужно купить ему рождественский подарок к этому католическому празднику, – Богоявлению. Однако на следующий день, на улице, – все мысли о семье улетучились в ярком свете солнца, – а он отправился собрать денег на подарок, встретившись с несколькими клиентами. Так и мелькали эти серые, снежные дни после Рождества в суетливой городской спешке среди толп, извергающихся из огромных универмагов и обменивающихся

подарками, словно перепродавая только что купленное.

Мы вновь столкнулись с ним на улице за несколько часов до полуночи в канун Нового года. Он – в чёрном галстуке и чёрном пальто (как и большинство холстоновского стиля, как и большинство из нас, кто уже некоторое время живёт в Нью-Йорке, мы все пришли к чёрному цвету; в конце концов, я так и не смог решить, изысканность ли это или скорбь по нашей жизни), с бутылкой шампанского в свободной руке. Так как только что вышел со званого ужина где-то на севере города, потому что канун Нового года (как и Рождество, День благодарения, Пасха) – сентиментальное событие, которое он всегда отмечал с семьёй и не хотел целовать в полночь ничего для него не значивших незнакомцев. А сейчас направлялся в *Плазу**, чтобы навестить какого-то босса из Миннеаполиса, остановившегося там, и которого сопровождал на дискотеке накануне вечером, – эскорт самая легкая работа, – а тот хотел только фотографировать Мэлоуна. Казалось, Мэлоун был рад нас видеть и сразу пригласил нас к себе выпить, а потом пойти танцевать. На самом деле, мы весь день провели в телефонных разговорах, пытаюсь прояснить, куда все собираются сегодня; дискотек стало так много, что жизнь уже не сводилась к тому, чтобы просто прийти в *Двенадцатый этаж* первого года его существования, высматривая в той крошечной

* см. прим. к стр. 13

комнате всех тех, кого хотелось бы забрать с собой домой. Нет, даже это драгоценное братство раскололось: половина пребывала на Карибах, в Париже или просто по разным клубам, открывшимся по всему городу сейчас, когда дискотеки стали индустрией. Мы не только не знали, куда пойти этим вечером, но и в квартире у нас не было отопления, так что, когда Мэлоун узнал об этом, тотчас отдал свои ключи и сказал, пока не вернётся, ждать его дома:

– У меня есть обогреватель, если что, – добавил он бодро и весело, – а у соседей яростные ссоры, можете послушать, пока не вернусь. Меня не будет около часа!

Мы вошли и начали подниматься по лестнице со стенами блевотного цвета в судорожно трепещущем свете тонких трубочек люминесцентных ламп. На самом верху мы нашли тридцать шестой номер и отперли дверь. Это была старая квартира, по сути, просто келья, камера, – со следами случайных связей: сигареты, потушенные в блюдах, пометки, процарапанные на стене (*Позвони мне! 555-3721. Джон*), бутылка вина, бокалы и плетёная корзина, полная клочков бумаги с еще большим количеством телефонных номеров и именами, – все, казалось, свидетельствовало, что здесь никто не жил. На столе – ракетка для сквоша, Библия и первый за этот год номер журнала *Playgirl*. Мы расселись где придется, оглядывая грязные стены, и, конечно же, пьяные голоса соседской пары

завели привычную злую ругань. Время шло. Грубая брань наводила жуткую тоску, поэтому пришлось включить радио, чтобы заглушить ее. На улице снежинки кружили за грязным стеклом окон, устремляясь в пропасть пожарных лестниц, оплетших наружную стену, в то время как в верхней части города этот снег летел мимо высоких окон квартиры, арендованной боссом миннеаполисской энциклопедической фирмы, который решил не платить Мэлоуну за обнаженные фото, только что сделанные, поскольку цена их показалась слишком высокой.

— Я оставлю ваш фотоаппарат администратору внизу, — сказал Мэлоун, забирая его с журнального столика, — но пленку, конечно, извлеку. Однако, прежде чем он добрался до вестибюля отеля, двое охранников встретили Мэлоуна, отвели его в комнату на втором этаже, где сломали руку. Врача вызвали лишь только по прошествии нескольких часов.

Около трех зазвонил телефон; мы только начали думать о том, чтобы идти без него.

— Не хочу вас беспокоить, — произнес он странно глухим голосом, хотя и с привычной бодростью, — но случилось кое-что малоприятное, что, как я думал, случается только в Восточной Германии. Я вроде как в тюрьме и мне нужен кто-то вроде врача.

Возможно, именно здесь и предстоит встречать Новый год. И здесь девушка в том самом пальто, которое мы с Сазерлендом искали по всему Манхэттену.

Именно так он и сделал: в компании

грабителей, воров, насильников и психов встречал первый рассвет 1977 года, высветивший башни Уолл-стрит к югу, разделил деревянный с арахисовым маслом сэндвич с чернокожей девушкой, которая перерезала женщине горло, пытаясь выхватить ее сумочку на Риверсайд-драйв. Но настоящая ирония судьбы ждала Мэлоуна, когда мы отвезли его в Белвью после того, как его выпустили к врачу. Врач оказался тем самым парнем, с которым тот спал несколько раз. — О Боже, — слабо произнес Мэлоун уже на белых подушках больничной койки, сдаваясь лекарству, которое ему дали, — неужели все-таки пора переезжать в Сан-Франциско?

6

Мэлоун как-то лишь рассмеялся, когда Сазерленд заявил, что никто старше тридцати лет не должен иметь больше трёх хороших друзей; он знал ужасно много людей. Мы находились в его квартире не более пяти минут в тот вечер, когда уехали из Белвью за карточкой социального страхования, которую затребовала больница, когда в дверь постучали. Двое парней пришли, чтобы идти танцевать с Мэлоуном; двое лиц, которые мы видели годами, но никогда не разговаривали. Они были шокированы новостью о том, что его избили, что он не может никого видеть и ночь провел в Белвью.

– Но кто это сделал? – спросил низкорослый.

– Фрэнки?

– Нет, – отвечали мы, а когда спросили, кто такой Фрэнки, высокий ответил:

– Вы, должно быть, не очень давно знаете Мэлоуна. Фрэнки – потрясающий итальянец, безумно влюблённый в Мэлоуна, и который, когда Мэлоун сказал ему, что всё кончено... Неизбежная ситуация, – заключил высокий, усевшись на край перевёрнутого ящика из-под

молока, — неизбежный момент в жизни всех влюблённых, независимо от убеждений, ситуация, которую нам всем следует научиться принимать сдержанно и достойно.

— Однако в этот неизбежный момент, — подхватил речь его друг небольшого роста, — Фрэнки повёл себя без достоинства и сдержанности, — нет, он повалил Мэлоуна на газон Центрального парка, пытался ломать ему рёбра и собирался достать нож, когда появились Сазерленд с полицией и спасли Мэлоуна.

Что, конечно, было не совсем так, поскольку Сазерленд с его артистической свободой мышления выстроил сюжет в более ярком стиле, с чем тот день, когда Фрэнки рыдал рядом с Мэлоуном, теперь, в грандиозной библиотеке сплетен, стал сценой насилия.

— И с тех пор, — продолжал тот же парень, — Фрэнки всячески пытался выведать, где живет Мэлоун без горячего отопления и воды, — он развернулся в нашу сторону, — мы называем это место, где нет отопления и горячей воды, помещением, не квартирой, — но безуспешно.

— Сазерленд в больнице? — спросил другой.

— В Южной Америке, — объяснили мы.

— Ого, — он повернулся к своему другу, — сто процентов, с Кенни Ламаром, — они договорились, ну, с тем графом, ну, знаете, с тем, у которого все, когда-либо записанное *Ширеллами**, ну, тем, о котором Сазерленд рассказывал, что он прямой

* см. прим к стр. 18

потомок Дианы де Пуатье*, вот там он, — сбивчиво выдохнул он, излагая возбужденным тоном в попытке сопоставить обрывки слухов. — О Боже, они волшебным образом там проводят время. — Что ж, — сказал второй, вставая, — мы тоже. Мэлоун вряд ли хотел бы, чтобы мы пропустили вечеринку.

Было пять, и в сером свете утра виднелось бельё, провисшее между нашим и соседним домами, пожарная лестница, плоские рубероидные крыши. Сонный голубь разминал крылья, сидя на водосточном желобе, кошка хищно поглядывала на него из окна напротив, облизывая хвост, вероятно, клацая зубами, с тем безумным выражением, которое иногда можно наблюдать на лицах некоторых в *Двенадцатом этаже*.

— Тем более, что там будут все эти сумасшедшие красавчики, — сообщил низкорослый, — О Боже! Мэлоун был в шоке, наверное, когда на него так напали? Мы сказали, что не знаем.

— Наверное, нет, — ответил ему друг. — Мэлоун никогда не употреблял наркотики. Они оба вдруг обернулись к нам у двери и, со словами, что навестят Мэлоуна завтра, нашли нас внезапно привлекательными, представившись перед уходом. Да, подавляющее большинство друзей Мэлоуна переспали друг с другом.

— Кстати, — заметил высокий, — вы теперь часть нашего странного братства, понимаете?

* Diane de Poitiers (1500-1556) - любовница Генриха II, короля Франции. Способствовала развитию французской архитектуры эпохи Возрождения.

А другой сразу подхватил тему:

– Да, вам стоит зайти как-нибудь вечером. Мы все очень разные, но у нас есть кое-что общее.

– Мы обожаем Мэлоуна, – подытожил его друг. И они ушли.

Наступило утро.

В следующий понедельник Сазерленд вернулся из Каракаса и посетил Мэлоуна в форме медсестры времён Крымской войны*, уселся рядом с ним и стал читать вслух Редьярда Киплинга**. Так, каждый день он появлялся в своём накрахмаленном белом платье, с цветком мака и томиком *Книги джунглей**** в руках. Но в один из подобных дней отложил книгу на середине очередной повести, чтобы сообщить Мэлоуну о проекте, пришедшем ему в голову вечером во дворе дома Нони Диллон**** в Каракасе, в период ожидания завершения ее партии в бридж. Он решил продавать Мэлоуна. В конце концов, Сазерленд был жителем Верхнего, а не Нижнего Ист-Сайда: и столь долго жил среди тех, кто продавал всякую всячину: египетских скарабеев, турецкие ковры,

* глобальная война между Российской Империей и Англо-Французской коалицией, наиболее интенсивная на территории п-ва Крым. 1853-1856гг.

** **Rudyard Kipling** (1865-1936) - крупный английский писатель, поэт, журналист и путешественник.

*** *The Jungle Book* (1893) - сборник рассказов Киплинга. В основу легли сюжеты древнеиндийских сказок и личные впечатления автора из путешествий.

**** вероятно, это **Joan de Noailles/Жанна де Ноай**, вдовствующая герцогиня **Муши**, дочь бывшего министра финансов США К. Дугласа Диллона, Джоан Дуглас Диллон в девичестве. В период действия романа - *Ее Королевское Высочество Принцесса Жанна Люксембургская*.

концепции вечеринок – алкоголичкам в отелях, случайно проезжающим богачам, иным состоятельным людям, находящимся в поисках произведений искусства, что ему пришла в голову мысль обменивать Мэлоуна на наличные. Поскольку невозможно долго прожить в Нью-Йорке не сознавая прелестей богатства, – в конце концов, этот город одно большое экстатическое упражнение в денежных операциях, – и однажды вечером во время очередного визита в Венесуэлу Сазерленд вдруг почувствовал вдохновение, когда прочитал у Сантаяны*: *Деньги – это топливо жизни*. И он, воспитанный в отношении денег, как чего-то несколько вульгарного, теперь, когда иллюзия любви охватывала уже нечасто, внезапно возжелал материального: приобрести дом в Картахене, поехать в Рио, если появится такое желание. Да и возможность время от времени покидать Нью-Йорк, при том не быть любезным с людьми в обмен на это, не помешала бы. Поэтому стать сутенером было единственным делом, к которому вполне подготовили годы в Нью-Йорке.

Мэлоун, всегда считавший Сазерленда по сути сумасшедшим, ничего не сказал в ответ на этот план, но, в некотором замешательстве, позволил Сазерленду продолжать. Небольшая передышка, которой удалось достичь с миром в ту особую рождественскую неделю, когда все думали, что он уехал из города, настроение этого спонтанного отступления,

* см. прим. стр. 148

рассеялись быстрее толпы, решившей, что бар уже не в моде. Однако, когда мы на той неделе зашли к Мэлоуну, здесь все оказалось забито битком, потому что только какое-нибудь происшествие, подобное случившемуся с Мэлоуном, имело силу собрать вместе ньюйоркцев, которые в ином случае ограничены правилами общественной жизни, чтобы быть чужими друг другу. Когда еще люди разговаривали между собой, как ни при пожаре, ограблении или когда человек падает замертво от сердечного приступа на улице? И всё же люди заботились о себе подобных. Бродяги помогали собрату: можно было видеть, как поздно ночью зимой они склоняются над лежащим со словами: — Эй, давай, вставай, вставай! — и, наконец, утаскивают того в подъезд какого-нибудь многоквартирного дома, где спят вповалку, спасаясь от холода, а вы, возвращаясь сами на рассвете из *Двенадцатого этажа*, осторожно переступаете через их тела на лестничной площадке и даже останавливаетесь посмотреть на их лица, чтобы задаться вопросом, а что им снится? Что ж, наше маленькое общество (такое крошечное, на самом деле) тоже собралось вокруг раненого. Но наша склонность превращать все в вечеринку была настолько неодолима, что, приехав туда снова, мы в изобилии обнаружили артефакты дорогих празднеств Центра города — цветы, икру, шампанское, — украшавшие палату Мэлоуна; подарки от парней, работавших барменами на

всех тех сборищах накануне вечером. Запись для Мэлоуна от популярного диджея была едва различима за гулом разговоров. И о чем! Каждый час в воздух изливалось множество сплетен, в конце концов убеждающих, что ни у кого из нас не осталось ни малейшей тайной черты (мы были бы слишком глупы, если полагали бы, что это так), детальных разборов любовных связей, квартир, карьер, лиц, тел, спортзалов, вечеринок. Пробираясь сквозь толпу, краем уха я уловил замечание со снисходительным движением плеч за стаканом морковного сока, стоившее всего:

– Но он бреет задницу!

Пуф, еще один красавчик повержен.

– Из-за него я пошел к психиатру, – говорил кто-то другой. – Всё было более, чем не так. Он жил в Верхнем Ист-Сайде, выбеливал полы, а также полагал, что *Двенадцатый этаж* – для одиноких.

Сазерленд расхаживал в чёрной униформе горничной, вытряхивая пепельницы в коричневый бумажный пакет, а самая успешная модель Нью-Йорка спрашивал совета, как привлечь внимание парня, в которого недавно влюбился и, как говорили, равнодушного к гладко выбритым:

– Я мог бы отрастить бороду, – сказал он, – но ты же знаешь, что говорят о растительности на лице.

– Что? – вдруг спросил бородатый поэт, который никак не мог покинуть круговорот дискотек, баров и саун, которые сам не раз осуждал.

- Ну, цвет тот же, что и на лобке, — сразу последовал ответ вместе с движением мундштука в руке, втянутыми щёками и комичным высокомерным выражением. — Сколько раз я ложился в постель с красавчиками, чтобы потом обнаружить, что их лобковые волосы — совершенно неинтересного тускло серого цвета. Конечно же, моя борода будет светлой.

- А что, если он и тогда на тебя не посмотрит? — спросил поэт. — Тогда попробую усы, — пожал плечами модель. — Существует же какой-то образ, который ему по душе. Всё дело в упаковке. Возможно, — нахмурился он, — ему не нравятся блондины!

- О, смотрите, — вмешался мальчик у окна. — Закат такой красивый.

- Тогда задерни шторы, — буркнул Сазерленд, вытирая пепельницу фартуком. — Я никогда не смотрю на закат над этими крышами. Это так угнетает. Чем красивее небо, тем безнадёжнее район.

- Ты должен изучить его, его привычки, — мечтательно изрек поэт, в который раз заинтригованный проблемой соблазнения.

- Вроде того, как переехать в Монток*, чтобы быть ближе к сёрферам, — продолжил мысль модель. — Да, — мысль увлекла его, — если любишь жирафов, стоит жить в Серенгети**, если влюблен в сёрфера, тебе нужно отправиться в Монток. Что я и сделал.

* Montauk - небольшое поселение в живописной местности восточной оконечности Лонг-Айленда, Нью-Йорк.

** Serengeti - национальный парк на севере Танзании, Африка. Организован в 1951г.

- Но, Рафаэль! — воскликнул Сазерленд. - Ты же ни с кем из них не спал!

- И что? — пожал тот плечами. - Одна их улыбка в десять раз более волнует, чем самый искусный минет какой-нибудь королевны в саунах. Я не занимался с ними сексом, но мы вместе катались на сёрфе, пили, запекали моллюсков, засыпали бок о бок в номерах мотелей, — кому нужен минет?

- Миллионам американских парней, слава богу, — пробормотал Сазерленд своим фирменным, гортанным шепотом с придыханием.

- О боже, — громко сказал он, глядя в зеркало, — меня комар* укусил!

Несколько человек взвизгнули, встали и заявили, что идут ужинать. Они подошли к кровати Мэлоуна, заговорили с ним, и, что поразительно было для них самих, их голоса звучали вполне искренне. Однако, когда они уходили, новый поток посетителей хлынул в открытую дверь. Мы с изумлением наблюдали, как в комнату вошли те самые загадочные лица, в которые мы были так влюблены: Янош Затурский, венгерский физик, редко улыбавшийся и молчаливый (все, конечно же, также были в него влюблены), Эндрю Литтон, прекрасный молодой парень, когда-то его любовник, Стэнли Эшер, начинающий архитектор, Роберт Траскотт, наследник-владелец лесных угодьев в Калифорнии, а вслед за ними — толпа безымянных, цвета кофе-с-молоком мальчиков, увидеть которых можно повсюду на Манхэттене: разносящих

* love bug в оригинале. Местный, обитающий в Америке комар-толстоножка.

сообщения, играющих в гандбол на пустырях, – эти испаноязычные ангелы, содружество Кубы, Африки и Пуэрто-Рико, чьи темные глаза и телосложение не под силу повторить ни одному пластическому хирургу: все они целовали Мэлоуна и делились различными стимуляторами с другими в этой комнате. Рауль Леклюз из галереи Леклюз много лет назад, Фелипе Донован, владелец Двенадцатого этажа, человек, проколовший соски за много лет до моды на это, а голову выбривший ещё и до того, Джон Экштейн, танцор Американского театра балета, Прентисс Ноант, молодой парень, известный тем, что появлялся на публике в костюмах, полностью сделанных из противогозов. Пришли и наши королевны: Луис Санчес (игравший музыку в Двенадцатом этаже по субботам), Джон ди Беллас (гимнаст, который очень нам нравился, пока не проявилась его заносчивость); Эд Корт и его любовник Билл Уокер (анальный мазохист, появлявшийся на работе исключительно с семифунтовым* шаром в заднице); Эдвин Джильо (которого так невзлюбили, что на вечеринке в честь его дня рождения на Файр-Айленде принесли торт со свечами, чтобы бросить ему в лицо – пока он в отключке); Джордж Райли (меланхоличный архитектор, который все еще переживал крушение своего романа в Стэнфорде** с

* ок 3кг.

** Stanford University - Университет им. Леланда Стэнфорда-младшего) — частный исследовательский университет в Стэнфорде, Калифорния. Расположен в Кремниевой долине. Основан в 1891г.

местным профессором математики) ; два бортпроводника, чьих имен мы не знали; Эдди Риен, Пол Ороско и Боб Эверетт (все хастлеры, ростом не выше пяти футов и четырех дюймов*, и не старше двадцати лет) ; Билл Морган (словно сошедший с полотен Тициана**, но всегда с очередной подхваченной где-то гонореей и работающий в аэропорту заправщиком самолетов) ; Хантли Фиш (знаменитые сиськи) , Эдвин Фарра из Австралии; и Боб Чалмерс, миллионер, постоянный посетитель сауны Эверард, обитатель отеля Пьер***, где целыми днями, до наступления ночи смотрит старые фильмы про Тарзана****.

И еще Линн Фейт, красавец из Филадельфии, живущий на содержании у протестантского епископа; Боб Джорджоне (фотограф) , пытавшийся покончить с собой так много раз, что невозможно вспомнить их все; Том Вильяверде (у которого такой большой пенис, что никто не хотел ложиться с ним в постель) ; и Рэнди Ренфрю (с таким маленьким, что опять же никто не хотел с ним спать) ;

* ок 160 см.

** **Тициано Вечеллио** (1488/90-1576) - итальянский художник эпохи Возрождения, представитель венецианской школы, отличавшийся выразительной колористикой и фактурной постановкой сюжета работ.

*** **The Pierre** - роскошный отель, напротив Центрального парка в Нью-Йорке. Открыт в 1930г.

**** изначально, вымышленный персонаж писателя **Эдгара Райса Берроуза**. Дикий ребёнок, воспитанный в африканских джунглях человекообразными обезьянами. Позже Тарзан знакомится с цивилизацией, но отвергает её, возвращаясь в дикую природу героическим искателем приключений.

Алонзо Мур, предпочитавший раскатываться по городу на роликах и в бальном платье из шифона, размахивая волшебной палочкой перед прохожими... все они пришли увидеть Мэлоуна.

Позже всех зашел Бруно Уэллинг, известный наркоторговец из Верхнего Ист-Сайда, с Леонардом Хотером, невысоким, темноволосым, таинственным мальчиком, который не произносил ни слова, но всюду ходил с Бруно Уэллингом и был, как говорили, подопытным кроликом для новейших наркотиков, которые Бруно не мог продавать, пока не изучит их действие. Они зашли, одарив Сазерленда колпачком *Ангельской пыли** и его любимыми *спидами***. Все в Нью-Йорке ждали, когда Сазерленд распадется прямо где-нибудь на глазах, – но он лишь прогрессировал, – по какой-то прихоти или иронии судьбы продолжая цвести, как херувим, настоящий ангел здоровья. Когда мы приехали, они болтали с Арчером Прентиссом, довольно некрасивым парнем без подбородка из нашего района, который весьма хорошо танцевал. Он жил в доме без лифта на пятом этаже над польским похоронным бюро и всё свое время проводил за чтением газет, а выходил лишь за творогом, газетами и потанцевать.

– Но я никогда не видел вас в предместьях!
– воскликнул Сазерленд в том самом тоне, страстная взволнованность которого рождала впечатление, будто он только что побывал в

* РСР - галлюциногенный препарат

** амфетамин

каком-то чудном месте и собирается посетить его снова.

- Я затворник, — отвечал Арчер дребезжащим и срывающимся голосом .

- Ах, — вздохнул Сазерленд с мундштуком у губ. — Ах, — темпераментно выдохнул он.

- Настоящий отшельник, — сказал Арчер.

- Скажи мне... , — продолжал Сазерленд.

Повисла пауза, и Арчер наклонился вперёд. — А что сейчас носят?

Арчер лишь удивленно смотрел на него, пока Сазерленд не прервал это недоумение, махнув рукой:

- Нет, нет, наверняка есть вопросы поумнее, и не твоя вина, что меня волнует, — он опять умолк на мгновение, — внешний вид.

- Внешний вид?

- Да, именно. Шляпы, перчатки, ну, понимаешь... Я и сам когда-то был реальным затворником из-за продуктового магазина, — сказал он, взмахнув рукой. И говорил с текучей томностью, почти на одном дыхании, при взгляде на него, полулежащего на подушках старого дивана в углу рядом с кроватью Мэлоуна, невозможно было справиться со снотворной почти расслабленностью, пока не замечаешь его ногу внизу, отбивающую на весу выверенный ритм. — Но всё это улетучилось, — выговорил он с хрипотцой, — и теперь покупаю у Д'Агостино. Почему ты стал затворником? — спросил он Арчера.

- Потому что обессилел и был опустошен, — промямлил Арчер, — потому что был

обречённой королевной, потому что устал от одних и тех же лиц и одних и тех же мест, потому что десять лет провел гоняясь за членами.

– Дорогой мой, – выдохнул Сазерленд со струйкой дыма, – по крайней мере, ты не бывал в мужском туалете на вокзале *Гранд-Сентрал*.

– Я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь, – вдруг вмешался Мэлоун. – Я тоже хочу стать затворником.

– У Шефферов есть дом в Беркшире, – поворачиваясь к Мэлоуну, сказал Сазерленд. – Подойдет? Тысячи акров хватит, чтобы ощутить единение с полевыми цветами и гагарами? Тысячи акров хватит, дорогуша? – спросил он.

– Думаю, да, – ответил Мэлоун, глядя на него с улыбкой.

– Не кажется ли тебе, что он похож на раненого лётчика Первой мировой войны, выздоравливающего в Сандрингеме*? – риторически заметил Сазерленд, вскочив и начиная кружить вокруг Мэлоуна, словно Бетти Фернесс**, демонстрирующая холодильник. – Если бы ты вот так вошел и увидел его, ты бы устоял? Смог бы? – не унимался он. – Интересно, – изрек он, отступая, словно бы дизайнер, оценивающий платье, – повесить что ли ему на шею армейские жетоны? Или всё посыпать тальком?

* *Sandringham* – личное поместье, дворец королевской семьи Британии.

** *Betty Furness* (1916-1994) – американская актриса, специальный помощник президента США по делам потребителей в 1967–1969 гг.

Тальком, и sprыснуть дешёвым одеколоном после бритья? – обращался он уже ко всем нам, призывая посмотреть на Мэлоуна.

– Видите ли, – сказал он, поворачиваясь к нам, – это увидит наш клиент, когда завтра войдёт. Мы не должны ошибиться! – здесь он приложил руку к губам. – Но мы всегда можем пригласить Гарри Каплана. Он проделал блестящую работу с витринами Бенделя.

Но, очевидно, в этом не возникло необходимости, потому что на следующий день, когда мы принесли продукты и почту, Мэлоун выглядел так же, как и вчера. А красивый молодой человек в очках роговой оправы, которого я в последний раз наблюдал рядом с Сазерлендом на диване в Двенадцатом этаже, теперь сидел на подушках дивана в углу.

– Ты действительно не можешь назвать и пяти вещей в жизни, которые всегда хотел сделать? – говорил ему Сазерленд, когда мы вошли.

– Ну, – ответил тот, – я всегда хотел провести год в Серенгети, подняться по Амазонке, посмотреть на Галапагосы.., имеется ввиду что-то подобное? Полагаю, все хотят нечто в этом роде.

– Ну, не все, – вздохнул Сазерленд. – Некоторые из нас, как Торо, предпочитают путешествовать *мысленно*. Тем не менее, я думал о фантазиях, таящихся глубоко внутри. О тайных желаниях сердца, так сказать.

– Нууу, – протянул мальчик, чьё спокойствие до сих пор не давало Сазерленду

развернуться*, — полагаю, мы все хотим... не быть одинокими, — сказал он, и его голос стал тише. — На самом деле я хочу кого-то, кого можно любить.

— Ах, — лишь вздохнул Сазерленд.

— Но, видишь ли, не думаю, что двое мужчин могут любить друг друга... в таком смысле. Это всегда будет бесплодный союз, всегда будет связан с чувством вины. Иногда мне кажется, что однажды Бог обозрел мир, после того как Сотворил его, — печально произнес мальчик, — и кто-то сказал: "Что же добавить, чтобы всё испортить? Ты создал такое идеальное бытие, что же может пойти не так?" И еще кто-то бросил: "Смешайте полы. Пусть мужчины будут желать мужчин вместо женщин, а женщины — женщин. Вот и всё!" Так и случилось, — продолжал он. — Так что, жизнь была бы чудесной, если бы мы не были гомосексуалами. Взрослеть, влюбляться, рожать детей, стареть и умирать. Это довольно мило. Но потом Бог вставил нам палки в колеса. Как будто из чистого озорства! — воскликнул он.

— А твоя семья знает, что ты гей? — обратился к нему Мэлоун с кровати.

— О, нет, — ответил наследник удобрений, — нет, никогда. Не могу себе представить. Просто не могу себе этого представить, — он уставился в пол и сказал:

— Как-то ночью в Мэне мы говорили об этом, и мой дядя был довольно категоричен: "Если бы я был извращенцем, то вставил бы

* entrée (франц) в оригинале

винтовку в рот и нажал бы на курок", — он поднял глаза. — Вот что они об этом думают. — Но тебя ведь не вычеркнут из завещания, правда? — спросил Сазерленд с придыханием. — Не думаю.

Сазерленд быстро обмахнулся веером, прежде чем мальчик взглянул на него.

— Да и они никогда не узнают, — ответил тот.

— Это и к лучшему, — облегченно заключил Сазерленд. — Но я должен полностью не согласиться насчёт невозможности любви! Сотни прекрасных молодых людей хотят того же, чего и ты, — сказал он, — но они боятся! Цинизм! Пессимизм! Ненависть к себе! Любовь зовёт их за собой, а они говорят: "Нет! Я лучше вечерами буду висеть в мужском туалете на Центральном вокзале!" Но ты! Ты слишком умён, слишком чувственен для этого. Тебе нужен, как там у Джефферсон Эйрплейн*, кто-то, кого ты полюбишь. И ещё до конца лета ты его получишь.

— Получу? — спросил мальчик с улыбкой, тут же улетучившейся в ироничном, легком движении плечами. — А, ну тогда покажи мне, пожалуйста, я очень хочу этого человека.

— Вундебар**, — улыбнулся и Сазерленд. — У меня есть кое-кто на примете прямо сейчас.

— Кто?

— А, это пока не вопрос. Как говорит

* *Somebody to Love/Кто-то, кого будешь любить* (1967) - культовая песня группы *Jefferson Airplane*, но изначально записана гр. *Great Society* в 1965г., автор - гитарист этой группы Дарби Слик.

** *wunderbar* (нем.) - чудесно

Ортега-и-Гассет: *Любовь — это переживание, на которое способны лишь немногие, и* сначала мне нужно выяснить, относишься ли ты к числу этих немногих счастливицов.

Пойдём. Я приглашаю тебя на коктейльную вечеринку на Бэнк-стрит.

— Ого, — только и сказал мальчик, поднимаясь на ноги. На его лице отражалось разочарование. Ведь он был счастлив, сидя здесь, в лучах солнца у пожарной лестницы, отвечая Сазерленду на его вопросы, когда Мэлоун лежал и слушал.

— Все парни, которых ты видел вчера вечером в Двенадцатом этаже, будут там, — продолжал интриговать Сазерленд.

— Ого, — снова сказал мальчик.

— Да и ты, в конце концов, любишь красоту, — сказал Сазерленд.

Мальчик подошёл к кровати, робко пожал Мэлоуну свободную руку, а затем, попрощавшись с нами, вышел.

— Он безумно в тебя влюблён, — сказал Сазерленд Мэлоуну, как только дверь закрылась.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Мэлоун.

— Он же ненавидит быть геем и говорит, что не верит в любовь между мужчинами.

— Дорогой мой, это же всё было ради тебя! — воскликнул Сазерленд. — Он не со мной говорил, он говорил с тобой! Он изливал мне свои самые сокровенные сомнения, страхи и отчаяние! Выкладывая все причины, по которым не может верить в любовь, хотя уже мечтал о твоих влажных поцелуях! Он говорил

не со мной, он говорил с тобой! – выпалив это, Сазерленд собрал сигареты, извлек темные очки и берет. – И да, он говорил: – Любовь так трудна, столь невозможна, помоги мне пережить эту ночь! Ты будешь в завещании ко Дню труда*. Прощайте, мои дорогие, я провожу его в богатые чертоги пресыщенной королевы, чьи прекрасные и пропитые гости лишь вынудят его еще больше тосковать по тебе, Мэлоун, восстанавливающийся в этих трущобах! Я позвоню тебе сегодня вечером!

Адресовав Мэлоуну свой фирменный воздушный поцелуй, он обернулся у двери: – Парень молод, невинен, его всё ещё восхищает Пэтти Джо, это ее *Сделай так, чтобы я тебе доверяла, что любовь может быть настоящей*, и более того, он верит в эти слова! Вы когда-нибудь видели, отдыхая под деревом у озера, молодую девушку, когда она вдруг появляется на велосипеде и, считая, что одна, спускается к воде купаться? Вы никогда не видели девятилетнего мальчика, играющего в одиночестве на дороге в Джорджии, озаренной полуденным солнцем? Вы никогда не наблюдали невинность? Что ж, сегодня днём – она явилась вам! – с этими словами Сазерленд вышел.

– Верит в слова? – ухмыльнулся Арчер. Мэлоун махнул рукой и улыбнулся: – А я тоже, – сказал он, немного приподнимаясь, чтобы вдохнуть аромат

* Labor Day - отмечается в США в первый понедельник сентября.

одной-единственной розы, принесенной Джоном Шеффером днём.

- Но тот, который только что ушёл - чокнутый!

- О, он тоже верит в слова, - сказал Мэлоун. - Но в то же время я понятия не имею, чего он хочет от жизни и куда, по его мнению, движется, что на самом деле для него важно. Хотя, с другой стороны, - он пожал плечами, улыбаясь абсурдности утверждения, столь непохожего на всё, во что учили верить, - всегда говорит, что ни один человек не может знать ничего наверняка в этой жизни, кроме лишь того, как быть хорошо одетым.

Сазерленд презирал деньги — отчасти потому, что принадлежал к старинной вирджинской семье, считавшей иное вульгарным, а отчасти потому, что, хоть и не был серьёзным, но был человеком, для которого остроумие и красота — истинные источники счастья. Сазерленд любил рассказывать историю деда по отцовской линии, часами просиживавшим в ванной за чтением романов, — он как раз этим и занимался в тот день, когда из Атланты приехал дальний родственник с пакетом акций новой компании, которые, считал он, следовало покупать. Но дед отказался даже спуститься, увлечённый романом Джейн Остин*.

— Передай ему, что я очень долго обычно сижу в туалете, — сказал старик сестре у двери ванной; и молодой человек ушёл, а с ним целое состояние в акциях *Coca-Cola*. Семья так и осталась бедной.

* Jane Austen (1775-1817) - английская писательница, автор эпохального романа *Pride and Prejudice*/Гордость и предубеждение (1813).

И вот мы сидели на крыльце в те весенние вечера, наблюдая, как приходят и уходят претенденты на Мэлоуна. Сазерленда едва ли интересовали симпатии местных королевн, которые только и умели, что веселиться* и красоваться. Он вдруг стал весь деловой. И нисколько не смущался общения с богатыми людьми и красивого друга, – скорее, ему это нравилось, – но то, что он делал что-то ради денег, беспокоило его очень сильно. Правая рука не знала, что делает левая. Как-то он ждал на тротуаре перед нами клиента, к нему подошёл нищий, протянул руку и сказал:

– Я голоден.

Сазерленд отвечал ему в том же эмоциональном, но сдержанном тоне, который угадывался в его фирменной манере говорить с придыханием:

– Я ведь тоже нуждаюсь, – в любви, самоуважении, религиозной убежденности. Ты же просто нуждаешься в еде. И он дал мужчине валиум. Так что, выстаивая здесь поздними вечерами в ожидании какого-нибудь невероятно богатого галериста, – арт-дилера, который видел Мэлоуна на светских раутах с Сазерлендом и всегда жаждал познакомиться, – Сазерленд нервно постукивал ногой по тротуару, но даже тогда с ненавистью к тому обстоятельству, что делает что-то ради денег.

– Но у меня есть всё, что не купишь за деньги, – причитал он под сияющей луной,

* в оригинале shake a tambourine - тряхти бубном

перед стайкой проституток у стойки с газировкой, – обаяние, вкус, пытливый ум. Зачем гнаться за гешефтом? Потому что, – тут же напоминал он себе и все той же компании, – билеты на самолёт стоят денег. Боже! Не говоря уже о домах в Греции. С тех пор, как Мэлоун приехал в Нью-Йорк, множество предложений поступало от богатых мужчин, почти не требовавших от него никаких усилий. Люди хотели Мэлоуна так же, как хотели вазы из Китая, французскую мебель, коромандельские ширмы*. И вот, пока весна шествовала по Нижнему Ист-Сайду, а мы вечерами сидели на крыльце дома и смотрели, как они приходят и уходят: наследник удобрений, аргентинский архитектор, богатые сценаристы, декораторы, владельцы текстильных компаний, – Сазерленд заставил всех пройти по квартире, словно жителей центра города в залах *Парк-Бернет***, рассматривающих произведения искусства перед тем, как их выставят на продажу. Тем временем поляки в своих темных костюмах и шляпах, сдвинутых на затылок, наблюдали за всем происходящим, будто в церкви по соседству вот-вот должны были начаться похороны.

Вся эта улица пришла к тому, что поляки и

* большие складные ширмы, обычно из двенадцати створок, покрытые чёрным лаком с крупными изображениями в технике *куань цай* (буквально, *резные цвета*), иногда инкрустированные перламутром, 18-19 век.

Наименование получили по месту отправки на экспорт с Коромандельского побережья Индии.

** **Parke-Bernet** - крупнейший американский аукционный дом с 1937 по 1964 год. Приобретен *Sotheby's*.

пуэрториканцы, две расы, северная и южная, погрузились в кричащий хаос погони за деньгами.

Однажды вечером спустившись вниз, мы увидели, как к дому подъехала машина скорой, а через пять минут медики вынесли на носилках накрытое тело. Это была одна из обитательниц дома, Кашляющая Дама, тридцать пять лет прожившая одна на четвёртом этаже в одной и той же квартире и умершая почти неделю назад, когда никто и не догадывался.

– О боже, вот как мы все закончим, – пробормотал Арчер самым монотонным из своих голосов.

– Нет, если будем активно пользоваться косметикой *Estee Lauder*, – тут же парировал Сазерленд, входивший в подъезд с мороженым и сигаретами для Мэлоуна.

Иногда, когда уже начинало смеркаться, Мэлоун сидел с нами на крыльце и смотрел, как прямоугольник неба на западном конце нашей улицы с закатом становился ярко-оранжевым, потом красным, наконец, бледно-голубым, набирая глубину цвета на карнизах зданий, пока не приобретает насыщенный и интригующий оттенок индиго, который можно увидеть только в городе. Его искренне изумляли люди, подобные нашей группе поляков, часами стоящие, разговаривая и наблюдая за проходящими мимо:

– Знаете, когда впервые приехал сюда, – сказал он однажды таким вечером, – я не мог понять, как все эти люди могут просиживать

перед своим домом весь день и даже вечер, просто наблюдая за проходящими мимо людьми. Это сводило меня с ума! Я думал, как можно быть настолько неподвижным, как можно свести свою жизнь к этому, и просто тратить её, стоять или сидеть здесь под окнами многоэтажек, наблюдая за проходящей толпой! Подумал, что это их восточноевропейская душа, — говорил он, — какая-то гнетущая лень и пессимизм, ну, позволяют им такое. Но теперь, — вздохнул он, снова посмотрев на проходящих, — я прекрасно понимаю, почему они это делают. — и, подперев голову рукой, продолжал смотреть, американец, больше не жалеющий о времени. Сидел и смотрел, расстёгнув рубашку, продуваемый легким бризом, разлетающимся по городу, этими уходящими вверх улицами, изгибающимися к синему горизонту, а затем ныряющими вниз, к Гудзону. Фонтаны пожарных гидрантов издавали умиротворяющее плескание. Две пуэрториканки на соседнем крыльце, кормили своих младенцев из бутылочек с оранжевым логотипом *Nehi**, неподалеку кто-то играл на гитаре, а две женщины в шортах и бигуди танцевали меренге**. Сколько же всего в городе! Гейзеры воды, бурлящие потоки у сливных решеток тротуаров, освежающий ветерок на закате, прохладой касающийся вспотевшего живота, глубокая синева ночи, сгущающаяся в

* американский бренд фруктовых безалкогольных напитков, пользовавшийся популярностью у небогатых слоев населения США.

** *merengue* - энергичный парный танец из Доминиканской Республики.

квадратике неба, конце Восьмой улицы на западе, приобретая душераздирающий оттенок индиго тогда, когда дюжина радиоприемников извергает ревущую рекламу чистящих средств и муки в дюжине окон, — все это было той самой, неуловимой красотой; и когда город наконец начинает остывать, замирая, здесь, в компании королевн, сидишь и размышляешь в том плане, что, по крайней мере, сам свел свою жизнь до одной-единственной вещи, — любви, — и вот куда она привела, где сейчас ты есть, как и отец в свое время, приехавший на Цейлон искать нефть.

Более того, именно здесь стало понятным, что то, во что на самом деле влюблен — или влюблен любой из нас, если уж на то пошло, — не Рафаэль, или Иисус, или человек, которого высматриваешь на танцполе уже четыре года, а наши собственные чувства, животное блаженство быть живым.

Приходишь к тому, чтобы обожать, как действительно восходящий по лестнице любви, не только Рафаэля, но и всех Рафаэлей на этой улице, так что, подлинная любовь и есть — любить этот город. И что если сейчас нет возлюбленного-человека, вместо того есть цвет того самого индиго, оседающего, сгущаясь необыкновенной краской, вечерами позднего лета в конце городских улиц; есть бриз, овевающий лицо и плечи; приятное избавление от пота, освежающий грудь; есть звуки меренге, доносящиеся из окна, ароматный зной, теплый, благоухающий, источающий

бесчисленное множество запахов вечер;
маленькая луна в полоске светло-голубого
неба высоко над тем индиго, плывущая в
серебристом сиянии высоко над островом, над
мозаичной поверхностью городских крыш.
Он сидел здесь ещё долго уже после того,
как все остальные ушли, наконец
успокоившись, свидетелем летней луны.
Уступить самосовершенствованию стало
возможным, когда восстановилась рука: так,
каждый вечер около восьми часов он оставлял
нас и отправлялся в спортзал на окраине,
чтобы часок потягать веса, размяться на
кольцах и брусках. Отказавшись от любви к
человеку, он тем не менее поддерживая храм
тела, словно когда-нибудь, через много лет,
бог может вернуться. Ибо если что-то и
ценится в гомосексуальной субкультуре
больше, чем красивое лицо или большой член,
так это стройное, атлетичное тело. Наличие
всех трёх факторов – абсолютно
сокрушительно; добавьте к этому особую
харизму Мэлоуна, его способность любить,
исключительную самоотдачу, и парад
преуспевающих людей, поднимавшихся по этим
ступеням, – вам все станет ясно.
Сазерленду, буквально, пришлось составлять
расписание, – он очень чётко распределил
неделю Мэлоуна. Так, по средам вечером он
сопровождал в такси наследника удобрений, в
гавайской рубашке при тёмных очках.
Наследник только что прибыл из Теннисного*

* The Racquet and Tennis Club (R&T Club) - частный общественный и
спортивный клуб почти в центре Манхэттена, в историческом здании,
постройки 1918г. Основан в 1875г.

клуба, где играл в сквош, и его чёрные волосы, гладко зачёсанные назад после душа, прекрасно сочетались с брюками чинос*, белой рубашкой-поло и кроссовками, будто он только что покинул палубу семейной яхты, пришедшей из Флориды на лето в Маунт-Дезерт** около недели назад.

Сазерленд (всё ещё оплачивавший счёта, когда они выходили куда-нибудь вместе), никогда в жизни не носивший бумажник, просто вытащил из карманов своих художественно изляпанных джинсов целую горсть купюр, половина из которых сразу разлетелась на ветру, так что нам пришлось гоняться за ними по тротуару. Когда мы все собрали, Сазерленд с придыханием изрёк: – Большое спасибо, я, видите ли, совершенно не умею обращаться с деньгами. Как с ключами и замками. Знаете, Скрябин***, например, надевал белые перчатки, чтобы заплатить за квартиру!

С этими словами он просунул купюры в окно, сказал что-то по-итальянски водителю, который улыбнулся и уехал.

– Эти таксисты такие молодые и такие красивые, – вздохнул он. – Я что, ужасно опоздал? Мэлоун уже вернулся? Мы были в Бенделе с миссис Фарук-Хасид, она где-то забыла свою кредитку, но никак не могла

* **chinos** - хлопковые брюки

** **Mount-Desert** - крупный остров в заливе Мэн, в границах США. Часть острова входит в Национальный парк Акадия.

*** **Александр Николаевич Скрябин** (1871-1915) - русский композитор и пианист, педагог, представитель символизма в музыке. Первым использовал в исполнении музыки цвет, ввёл понятие «светомузыка».

решить, какую шляпу с рисунком взять, хотя, как я её заверил, это никогда не выходит из моды.

– Он не вернулся, – сказали мы.

– Ах! – только и произнес он, криво поглядывая на грязное крыльцо, на котором наконец уселся, запачкав свои белые штаны.

– Тогда подождём. На мгновение окунемся в жизнь улицы. И какой! Со времён Ювенала* не видели, наверное, таких шлюх и педиков, разгуливающих по крупному городу! – и он пустился объяснять наследнику удобрений, различные значения всяких элементов одежды: красный платок в левом кармане (актив-фистинг) или правом (пассив), желтый платок (золотой дождь), бритая голова, цепи и кожа, грудь напоказ с крошечными золотыми кольцами в сосках.

– О, да я знаю его! – воскликнул Сазерленд, когда один такой проходил мимо, к изумлению наследника удобрений. – Мы раньше вместе работали в Блюмингейме**. Когда магазин закрывался, мы надевали самые лучшие костюмы из зала и шли выпить в Дубовую комнату*** – а потом возвращали их утром обратно.

– А как там Дубовая комната? – вдруг спросил кто-то. – Что-то изменилось?

– Да, дорогуша, – ответил Сазерленд. – Всё теперь чёрное, – он выпустил струю сигаретного дыма. – Бедняжка, – продолжал он, всё ещё рассматривая своего старого

* Juvenal (55-128) - римский писатель-сатирик и оратор.

** см. прим. стр. 144

*** см. прим. к стр. 158

сигаретного дыма. – Бедняжка, – продолжал он, всё ещё рассматривая своего старого знакомого, остановившегося купить газету на углу. – Выглядит очень усталой, конечно же, так как она в Нью-Йорке с самого падения Константинополя. Говорят, достигает оргазма только после того, как на её проколотые соски капают горячим воском. Когда я её знал, она не признавала ничего, кроме кашемировых свитеров и подростковых мокасин*. А я как раз изобрел бархатные зажимы для сосков.

– Что сделал? – изумленно посмотрев на Сазерленда, спросил наследник удобрений.

– Бархатные зажимы для сосков, – повторил тот своим низким, с придыханием голосом, лицо выражало невинность, брови чуть приподняты.

– Бархатные зажимы для сосков, – произнес снова наш гость.

– Я их изобрел, – сказал Сазерленд. – Пожалуйста, дорогуша. В те времена мне никогда не приходилось пользоваться туалетом, я...

– Хватит! – рявкнул Арчер.

– Я был домашним божком, талисманом садомазохистского Нью-Йорка. Я был в такси, когда Джон Джером откусил нос своему любовнику неподалеку от Святилища. Одна из легенд садомазо Нью-Йорка. Я срал Джону на губы, а потом тот поворачивался к своему любовнику и целовал его с моим дерьмом. –

* penny loafers в оригинале. Получили название, по одной из версий, так как американские школьники стали вставлять в ромбовидные прорези на мокасинах монеты, достоинством один пенни (цент в США).

Жестко, — он издал протяженный вздох. — Я тогда увлекся жестким садомазо. Теперь же всё, чего я хочу, — это объятия и поцелуи. Он потушил сигарету о крыльцо и, вместе с сигаретой, полетевшей в мусорный бак, бросил туда же: — И изумрудный гарнитур*. Он поднял взгляд и увидел, как мимо идет худощавый, красивый молодой человек с темными, набрякшими полумесяцами под глазами и мрачным выражением лица человека, живущего ради похоти.

— Вот! Мальчик, который провёл ночь привязанным к кровати в комнате, где-то в Челси! — радостно воскликнул Сазерленд.

— Я... я не понимаю садомазохизма, — неуверенно произнес наследник, с хмурым видом ученого-исследователя, сидя на нижней ступеньке с ракеткой для сквоша и томиками Готорна** и Генри Адамса*** в руках, теми книгами в мягкой обложке, которые читал, готовясь к экзамену на степень магистра в июле. — Зачем тебе боль?

— Дорогой мой, — вздохнул Сазерленд. — Чтобы это понять, нужно прочитать все тома *Падения Савойской династии*, — сказал он, имея в виду малоизвестный шеститомник по истории Германии, его любимое чтение. — Не говоря уже об *Автобиографии Святой Терезы* и *жизни Махатмы Ганди*. Дорогуша,

* *parure* в оригинале. Ювелирный набор из ожерелья, серег, диадемы и проч.

** Nathaniel Hawthorne (1804-1864) - американский писатель, один из первых и наиболее общепризнанных мастеров американской литературы.

*** Henry Brooks Adams (1838-1918) - американский писатель и историк. Один из представителей семьи Адамс, среди которых президенты США, политические деятели, писатели и критики.

тебе понадобится как минимум год на Файер-Айленде, чтобы понять. Не волнуйся, ты поймёшь, – заключил он, ведь уже снял дом в Пайнс и перевёз туда большую часть гардероба Мэлоуна, где его могли видеть в обстановке, куда более привлекательной, чем на Сент-Марк Плейс, потенциальные клиенты, которых в Нижнем Ист-Сайде не стоит шокировать местным колоритом.

– Файер-Айленд? – спросил наследник удобрений.

– Файер-Айленд-Пайнс, – вздохнул Сазерленд.

– Странное приморское местечко, где людей считают творческими, потому что они оформляют витрины в Сакс*. Но не волнуйся – там есть и другие достопримечательности. Дикие олени осенью и ещё более дикие красивые парни почти в любое время года. Увидишь. Я покажу тебе Опасный остров, – добавил он.

– Почему опасный? – спросил его подопечный.

– Опасный, потому что можно потерять сердце, – отвечал Сазерленд, поднимаясь, – или разум. Или репутацию. Или контактные линзы.

– Хорст! – позвал он, махнув рукой мальчику через дорогу, недавно сообщившему, что у него четыре тысячи таблеток Кваалюда** на продажу по семьдесят одному центу за штуку, – очень низкая цена, и Сазерленд не мог упустить такой шанс, раз уж сопровождал

* Saks Fifth Avenue - американская сеть универмагов класса люкс, основанная в 1867 году Эндрю Саксом.

** Quaalude - метаквалон, снотворное. Синтезирован в 1951 году как безопасный заменитель барбитуратов.

Джона.

- Извините, - сказал он уже нам, - мне нужно встретиться с человеком по поводу партии бананов. - Я сейчас вернусь! - и рванул за угол, за Хорстом по Второй авеню. Пока мы смотрели ему вслед, у обочины остановилось еще одно такси, оттуда вышел Мэлоун, всё ещё похожий на немецкого моряка, проходящего лечение где-нибудь на Мальте. Рука у него была на перевязи (антураж с некоторыми клиентами), а сам он в белых брюках и светло-синей полосатой рубашке-поло.

- Привет всем, - улыбнулся он нам, разворачиваясь после расчета с водителем. Он только вернулся после часа, проведенного с пожилым психиатром на пенсии, заплатившего сто долларов за то, чтобы Мэлоун постоял на обюссонском* ковре в синих плавках *Speedo*, пока тот сам мастурбирует у его ног. Джон сразу поднялся и сказал, что ждёт Сазерленда, только что убежавшего по какому-то делу.

- Что-то про корабль бананов, - медленно пробормотал он.

- Ого, - рассмеялся Мэлоун, уловив присущую Сазерленду фразу. - Ну, тогда давайте зайдем ко мне, подождем его. Выпьем пива, если хотите.

Джон тут же выпалил:

- О, я бы с удовольствием, - сразу бледнея от такой мысли. Как и всем застенчивым

* изготавливались в Обюссоне, верхняя долина Крез центральной Франции, до 1870г. Термин часто охватывает аналогичные продукты, произведённые в соседнем городе Феллетен.

влюблённым, меньше всего ему хотелось бы остаться наедине со своей любовью, – хотелось ещё немного тайно обожать её. Но и нет сказать было невозможно; настал момент истины. Он лишь кивнул нам, и они вдвоем ушли в дом.

Сазерленд буквально возник всего мгновением позже.

– А где моя синичка? – спросил он.

– Поднялся с Мэлоуном, – объяснили мы.

– Ах! – выдохнул Сазерленд. – Идеально! Я оставлю их одних ненадолго. Но ненадолго! – сказал он, усаживаясь рядом на крыльце. – Влюбленность – дело нежное, деликатное, – ворковал он, закуривая Голуаз. – Все равно, что готовить стейк.

– Готовить стейк, – эхом отозвался Хоббс.

Сазерленд вскочил.

– Но даже это, в сущности, мелочи, – продолжал он. – Подождите, мы его замуж выдадим!

– Замуж? – ошеломленно только и сказали мы.

– За кого?

– За Мэлоуна, конечно, – отвечал Сазерленд, уже поднимаясь по лестнице. – Контракт составлен. Мэлоун получает несколько зданий в центре города, а я... ну, я буду молчать. Но вы же придёте на вечеринку, правда? – произнес он с придыханием. – Обещаю, обручение Венеции и Адриатики* покажется полицейским балом. А вечеринка Лалли** в Плаза, – добавил он, высунув голову из

* *Sposalizio del Mar* - С 1965 года событие ежегодного фестиваля *Festa della Sensa* в Венеции

** известная в США семья

двери подъезда, — будет похожа на *Tupperware**!

И тут же исчез внутри.

Вместе с тем, поднимаясь, чтобы идти с Мэлоуном наверх, Джон Шеффер уронил конверт, тот выпал, вероятно, из какой-то книги, — и кто-то наклонился, поднимая его со ступенек. Королевны привыкшие к сплетням, заворуженно слушали, когда поднявший зачитал текст. Письмо, совсем не такое, какое можно было ожидать от недавнего выпускника Принстона, застенчивость которого вынудила нас счесть его снобом, и чья жизнь, — по заверениям Сазерленда, — прошла на том меридиане, который огибает земной шар, но не обозначен ни на одной карте, населенном исключительно очень богатыми людьми. Сазерленд говорил, что Джон провел почти всю свою жизнь в школах Франции и Англии, изучая латынь у всяких ван дер Хейденов и Гулетов, на ранчо бабушки и дедушки в Монтане, да и просто на отцовской шхуне; так что, жизнь для него всегда была — и будет — почти пасторальным, определённо сезонным, кочевым бытием. Ему никогда не приходилось сталкиваться с реальностью, заявлял Сазерленд со страстным чувством торжества. Люди появлялись и исчезали в его жизни, как острова, мимо которых они проплывали с семьёй каждое

* формат компании *Tupperware* по продвижению пластиковых домашних контейнеров для хранения продуктов, проходившие с большим количеством посетителей в оригинальных, самодельных нарядах, с использованием пластмассовой посуды и тп. Идея и реализация Брауни Вайс.

лето, каждый день новые, но возникающие с тем же постоянством, что и дыни, нарезанные ломтиками на столе под тентом на корме.

— Джон Шеффер, — декламировал Сазерленд, — каким-то странным образом был воспитан в тиши, уединении и привычках пастухов!

Но письмо раскрывало душу, гораздо более сложную.

— Дорогой Энди, — гласило оно.

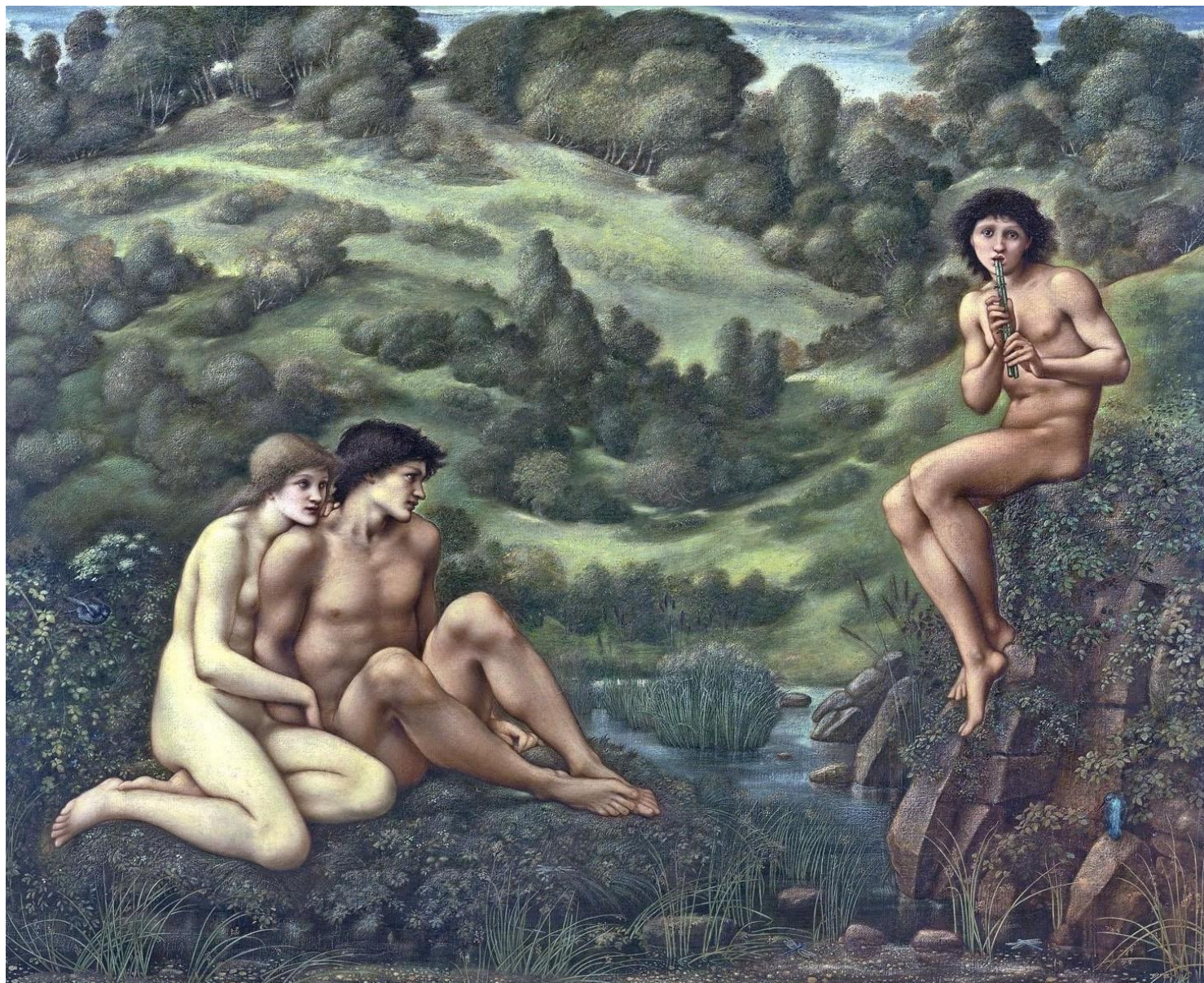
Сначала позволь сказать, как сильно я по всем скучаю. После начала занятий я три дня пролежал в своей комнате и не смог даже спуститься поесть. Мои родители поняли. Думаю, ты, ещё несколько человек и я сам были очень, очень счастливы. Надеюсь, мы снова встретимся. В любом случае, сейчас я в Нью-Йорке, так как поездка по Дунаю сорвалась, и хотя ненавижу города, я встретил совершенно замечательного человека, с которым хочу тебя познакомить, если тебе удастся вернуться домой этой осенью. Он тусуется в ужасной компании, полной наркотиков и лицемерия, живёт в кишках тараканами трущобах (в Нижнем Ист-Сайде), но лишь потому, что скрывается от бывшего друга, который хочет его убить. Да, боюсь, что я не только влюбился первый раз, но и влюбился не так, неудобным образом, если понимаешь. Он совершенно спокоен и человечен во всём этом; думаю, он тоже страдал, хотя ведёт он себя очень.. просто и жизнерадостно. Он из тех, с кем приятно играть в сквош. Немного напоминает

мне Тома Эстерхази – и, в каком-то смысле, Банни Молиньё – и всё же ни на кого не похож. Знаешь, жизнь сейчас так ужасна – для всех нас, я имею в виду – такая унылая, что всё для меня больше и больше важное, – это отдельные люди. Те немногие, кто мне дорог. Он кажется таким странно потерянным, таким добродушным, милым и растерянным. Но, думаю, он поражает всех именно этим. Вот почему за ним гоняется так много людей, – Боже, до чего же вульгарны некоторые из них! Я так счастлив, когда он просто смотрит на меня. Его глаза настолько необыкновенны, что, когда он смотрит на меня, я чувствую то же глубокое спокойствие, которое мы чувствовали на Мон-Сен-Мишель, помнишь, в тот октябрьский вечер в часовне. В его глазах то же самое. И они серо-голубые. Почти с картин Бёрн-Джонса*. Его влияние таково, что когда я с ним – например, когда мы встречаемся на улице – у меня буквально дрожат ноги. Я едва могу стоять. Со мной раньше не случалось такого! Конечно, я даже и не мечтал, что он меня заметит, но один мой друг, который сопровождает меня повсюду (сам по себе необычный человек), вчера вечером сказал мне, что я заинтересовал его. Я не мог поверить! Но он настаивает, что это правда. Как можешь себе представить, я живу в каком-то сне. Конечно, я веду дневник и когда-нибудь

* Edward Coley Burne-Jones (1833-1898) - английский художник и дизайнер, прерафаэлит (см. стр.стр. 275-278)

Обольщение Мерлина
1874

Сад Пана
1886

Филлида и Демофонт
1870

Любовь и странник
1896

покажу тебе. На следующей неделе я буду в Мэне на семейной встрече, а потом, вероятно, вернусь сюда; сейчас же меня волнует только Мэлоун.

Джон.

P.S. Элиот говорил, что художник должен знать, когда быть сдержанным, а когда – раскованным. Что ж, это всегда было для меня проблемой! И это мой единственный шанс просто плыть по течению жизни. Мой единственный шанс на любовь. Видишь ли, я должен рискнуть. Иначе стану как тот человек, о котором говорит Торо**, который, когда пришло время умирать, понял, что не жил. Я должен прыгнуть, как говорил Кьеркегор***, не в объятия Бога, а в объятия Мэлоуна. (Прошу прощения за всё это.)*

– Бедный ребёнок, – только и обронил кто-то, когда письмо вернули обратно в конверт, а мы все встали и пошли на причал**** у Мортон-стрит смешаться с толпой.

* * *

* Томас Стернз Элиот (1888-1965) — американско-британский поэт, драматург и литературный критик, представитель модернизма в поэзии.

** см. прим. стр. 216

*** Søren Aabye Kierkegaard (1813-1855) - датский теолог, философ, поэт, социальным критик, религиозный автор. Считается первым экзистенциалистом.

**** здесь стояли лавочки, на которых обычно загорали. Разрушен в 1995-2003гг.

Вечера в четверг принадлежали доктору Валериани-Уинстону, аргентинскому нейрохирургу, с которым Сазерленд познакомился в Париже под Новый год. Это был очень красивый мужчина в расцвете сил, выходец из знаменитой семьи, хирург, меткий стрелок, давний яхтсмен, выступавший за свою страну на Олимпийских играх. Однажды, несколько лет назад, он увидел Мэлоуна на пляже в Хэмптоне, и влюбился. В Аргентине любой намёк на гомосексуальное желание равносителен самоубийству; и поэтому этот красивый мужчина с оливковой кожей, высоким лбом, тонкими усиками и мускулистым телом приезжал в Северную Америку так часто, как мог. В конце концов, он давно был влюблен в американского парня: в американского парня, лучшего друга юности еще там, в Аргентине, сына американского же управляющего нефтяной компанией, с которым учился ходить под парусом, стрелять и играть в теннис. Но тот сразу после всего этого уехал домой, женился и стал юристом, жителем пригорода Сиэтла. Доктор Валериани-Уинстон остался лишь со своей памятью, подобно засушенному цветку в рамке со свадьбы, состоявшейся много лет назад, и теперь бродил по земле в поисках того светловолосого юноши, с которым проводил когда-то жаркие и счастливые летние месяцы в Рио-де-ла-Плата*. Такова жизнь любого гомосексуала, подобного, например, Мэлоуну:

* Rio de la Plata - залив, дельта, слияние рек Уругвай и Парана, при впадении в Атлантический океан.

он даже не осознаёт всего того, что пробуждает в душе другого. Откуда же было знать тогда на пляже, при закатном свете Солнца в Ист-Хэмптоне, что аргентинский врач потрясен, узрев, фактически, воплощение образа из его молодости? И вот, в четверг вечером мы сидели на крыльце, наблюдая, как местные байкеры из Ангелов Ада подъезжали к парикмахерской, чтобы подстричься, подровнять бороды, появилось такси, оттуда вышел Сазерленд с аргентинским нейрохирургом, одетым в замшевую куртку, рубашку-поло и добротные ботинки, поскольку тот совсем недавно вернулся с охоты во владениях друга на Лонг-Айленде. Они вышли из такси, озаренные косыми, красноватыми, уже последними лучами заходящего над Гудзоном, далеко на Восьмой улице солнца. Молодые гомосексуалы, проходившие мимо в этот момент и бросавшие пристальные, напряженные взгляды, ничего для него не значили. Он был гомосексуалом лишь в одном – в отношении друга, которого любил в юности, блондина-американца: Мэлоуна.

– Он такой одинокий, – говорил Сазерленд Мэлоуну, когда они сидели на крыльце и обсуждали доктора, – и такой джентльмен. Старомодный, который с радостью сразился бы из-за тебя на дуэли. Он купит тебе таунхаус, дорогуша, и будет прилетать раз в месяц на какую-нибудь медицинскую конференцию, водить тебя по лучшим вечеринкам, а потом трахать до беспамятства

в кабинете. Мечта любой девушки...

- Эх, - лишь пожал плечами Мэлоун. - Но он же кусок льда. Такой точный, такой компетентный, такой мачо. Почему он интересуется мной?

- Ты напоминаешь мальчика, в которого он когда-то был влюблен, большую любовь всей его жизни, в молодости - о, да, в молодости, - вздохнул Сазерленд, - ты бы видел ту фотографию, которую видел я, он был похож на греческого бога.

- Он очень хорошо сложен.

- Хорошо сложен? Будто нейлон на его животе.

- Гладкий нейлон?

- У него живот, как стиральная доска, - сказал Сазерленд. - Ну, знаешь, все эти выпуклости и складки.

Мэлоун промолчал.

- Девушки кончали жизнь самоубийством из-за этого мужчины, - с придыханием проговорил Сазерленд. - А он из богатой и хорошо образованной в сфере искусств семьи. Но Мэлоун лишь курил, посматривал на проходящего мимо красивого пуэрториканца и ничего не отвечал; он сам был влюблен в эти темные глаза, в этих стройных ангелов, днем и ночью расхаживающих улицами нашего района.

Мэлоун постоянно с тоской вспоминал тот романтический сон о приятном и прекрасном латиноамериканском юноше, лежащем в его объятиях где-то в какой-то комнате, сон, в котором все, что дорого миру, не имело

особого значения... Хотя и всё ещё сохранялась надежда встретить мальчика, которого он видел однажды зимней ночью, когда шел по Второй авеню из Сауны, ночью столь холодной, что продавцы рождественских ёлок заполняли мусором пустые бочки из-под масла и разжигали внутри огонь, чтобы согреться. Тогда взгляд его пал на небольшую такую группу, где с краю стоял тот молодой парень, смотревший в ответ за пламенем из бочки, глазами тёмными, страстными... глазами, забыть которые невозможно, как и пламя в три часа ночи морозной зимней ночи Нижнего Ист-Сайда. Так что, он до сих пор не мог забыть это лицо и время от времени наведывался к местным фруктовым лоткам, надеясь увидеть его снова. Безрезультатно, конечно, но как-то вечером встретил и познакомился с другим, таким же темноглазым, серьёзным и красивым: кассиром из банка, который жил в многоэтажке на Третьей улице рядом с кладбищем Святого Иуды. Это была тихая улица, и мальчик вёл столь же тихую жизнь. Учился на рольфера*. Вечером Мэлоун зашел к нему и обнаружил того сидящим в ванне с книгой по анатомии в свете дюжины свечей, расставленных на маленьких блюдцах вокруг. Он каждый день возвращался домой из банка, потом забирался в ванну, читал и запоминал названия мышц, чтобы сдать государственный

* **rolfer** - массажист, который использует глубокое нажатие и растяжение, чтобы освободить напряжённые участки и улучшить циркуляцию крови, что помогает снять мышечное напряжение, улучшить осанку и повысить общую подвижность.

экзамен на лицензию массажиста. Парень был совсем немногословен. Мэлоун опустился на колени рядом с ванной, поцеловал его над слабо пахнущей зеленоватой водой, во всей этой тиши лишь тонкая струйка из крана издавала тихое плескание. Белый член на поверхности воды был подобен листу кувшинки. Мэлоун почувствовал себя так, будто находится в церкви, среди ряда свечей в красных стеклянных стаканчиках, когда они с матерью приходили помолиться за какую-то тётку или кузину в Америке. Станный покой вдруг разошелся по всему телу: тепло свечей, огоньки пламени вокруг, чуть влажный воздух, пространство под высоким потолком, журчащая вода, красота этого молодого парня в наполненной водой ванне, читающего книгу с аккуратными рисунками человеческой мускулатуры. Сквозь полупрозрачное окно силуэты деревьев сливаются в узор. Гораздо позже они занимались любовью на матрасе в гостиной, вокруг же эхом разносились крики детей, играющих на улице. И когда Мэлоун ушёл, он влюбился; не в молодого человека, а в образ того, как он сам сидит в ванне со свечами и читает книги по анатомии; и в следующий раз, когда вновь пришел сюда, Мэлоун просто забрался к нему в ванну, даже без всякой мысли о сексе. А потом просто остановился на Третьей улице однажды вечером, когда проходил мимо кладбища, смотрел сквозь деревья и надгробия на то молочно-белое окно, наблюдая за размытой

фигурой, движущейся по комнате, расставляя свечи. Было шесть часов. Скорее всего, парень вернулся домой с работы, предположил Мэлоун, и готовил ванную, чтобы почитать свою книгу. Ветерок шелестел в деревьях. Улица – тиха, кладбище – темное. И вот, среди темных силуэтов деревьев, на пустынной летней улице, Мэлоун чувствовал, как на него снисходит великий покой. Это было всем тем, что сейчас требовалось: расплывчатая грациозность банковского кассира, склонившегося возжигая свечи, – бессознательная красота горельефа на фризе храма. Подумалось, что стоит позвонить ему; но какой смысл? Этого чувства любви, стоя здесь, на улице, вспоминая его пенис на поверхности воды, подобно листу кувшинки, вполне хватало.

Он любил этих мальчиков, как и я тоже, и только того, что находишься среди них, было достаточно; он был очарован ими, был очарован пуэрториканцами.

Заглядывался на них, постоянно снующих по улицам в кроссовках, джинсах и дешёвых кожаных куртках, и сейчас, когда Сазерленд рассуждал о преимуществах союза с богатой и известной семьёй из Буэнос-Айреса, но вдруг появилось такси, остановилось, оттуда вышел сценарист, некогда очень успешный в Голливуде. Однако, разговаривая с ним, Мэлоун заметил позади подростка – пуэрториканца, не имевшего никакого отношения ни к богатству, ни к успеху, ни к гламуру: это был юноша по имени Хуан

Рафаэль, работавший санитаром ночной смены в больнице *Бет Исраэль**. Он как-то зашел в наш маленький парк в неизменной джинсовой куртке и кроссовках и позволил какому-то мужчине отсасывать у него на клумбе, а сам стоял поглядывая на часы и постоянно говорил:

- Чувак, поторопись, а? Мне идти нужно. Так что, эти тёмные, глубокие глаза Рафаэля, глаза, приобретавшие особую глубину в холодную погоду, вынуждали Мэлоуна тоскливо поглядывать поверх кашемирового плеча сценариста. Он все же предпочитал Хуана. Хотя также любил кассира из банка, возвращавшегося после рабочего дня напрямик в свою ванну, предварительно расставив пылающие свечи вокруг в маленьких блюдцах. Ему нравилась подобная домашняя, скромная жизнь. Если Мэлоун и танцевал с декораторами, дизайнерами и владельцами дискотек, покупавшими *Мазерати* в один год, *Мерседесы* следующим, а потом менявшими их на *Роллс-Ройс*, то считал их реалистами, конечно, хотя сам не хотел быть таким же.

- Как я устал, - подумалось ему на переполненном людьми тротуаре, - мне нужно уехать из Нью-Йорка, - но они втроём, Мэлоун, Сазерленд и сценарист, отправились на ужин в таунхаус богатого текстильного фабриканта на *Бикман-плейс***.

* *Beth Israel* - крупный медицинский комплекс в Нью-Йорке, основанный в 1890г.

** *Beekman Place* - небольшая улица в историческом районе на восточной стороне Манхэттена.

Вместе с тем, из всех такого рода кандидатов на руку Мэлоуна самым богатым был исключительно молодой и совсем неискушённый, тот, кто был наиболее болезненно влюблён: Джон Шеффер. В свои восемнадцать он унаследовал двадцать шесть миллионов долларов, а в тридцать его ожидало ещё столько же. Семейное воспитание, в высшей степени утонченно простое, по сути, оградило от осквернения неестественным фактом этого огромного состояния, поэтому он не отличался от любого благовоспитанного, идеалистичного, скромного молодого человека. Казался даже не от мира сего, – бледное лицо, внимательный взгляд, когда сидит и слушает, кто бы ни говорит. Тем не менее, в его трастовом фонде в *Morgan Guaranty** состояло шесть человек, несмотря на демократическое отношение его родителей. Так что, Сазерленд начал по утрам просматривать биржевые котировки, чтобы знать, как идут дела у *Union Carbide*, и начал называть огромную башню компании на Парк-авеню скромным таунхаусом Джона.

Нравственный человек, по сути, бывает ошеломлён, столкнувшись с человеком аморальным – всё, что делает последний, встречается с определённым недоверием. И поскольку никто не мог решить, был ли Сазерленд на самом деле аморален или

* *Morgan Guaranty Trust Company of New York* — американская финансовая компания, банк, специализирующийся на доверительных операциях по управлению имуществом клиентов, хранению их ценностей. Основан в 1871г.

настолько нравственен, что изначально отказался от любых отношений с другими мужчинами, мы все задавались вопросом, не планировал ли он в самом деле запродать Мэлоуна.

Мы, конечно, слышали о мальчиках, которым много что подарили; о содержанцах, любовниках, которым в конечном итоге передали законную долю в каком-нибудь огромном поместье, многоквартирном доме на Третьей авеню, или в доме на Файр-Айленде; но нам казалось невероятным, что кто-то, особенно американец, может быть настолько хладнокровен в отношении добродушного и очень дружелюбного молодого человека. Но мы были обычными людьми, а Сазерленд — нет. Например, он начал каждое утро записывать цены закрытия акций *Union Carbide* на запястье, чтобы иметь возможность поглядывать на них в течение дня, продолжая укреплять свои позиции с Джоном, куда бы они ни пошли.

Никто лучше Сазерленда не знал патологию любви; и он не колебался, чтобы укрепить влияние Мэлоуна над Джоном, с использованием небольшого количества страданий. Не такого уж и небольшого, поскольку Джон Шеффер и так был подавлен; месяц назад закончилась учеба в колледже, что означало прощание с очень долгим периодом юности, включая друзей, зеленые дворики, долгие вечера разговоров о жизни и поэзии, с той самой беззаботной юностью, которая официально заканчивается в двадцать

один год в этой стране. У гомосексуала больше никогда не будет подобного рода близких отношений со своими гетеросексуальными сверстниками, если только не пойти в армию, да, тех отношений, которые сублимированная сексуальность делает еще более трогательными. Джон Шеффер был влюбчивым, идеалистичным малым, и конец этой дружбы чувствовался как настоящий физический ущерб. Ему был двадцать один, его брали за душу сонеты Шекспира и романы Генри Джеймса*; он был молод, и для многих людей являл сам образ красивого американца, золотой молодежи; однако, всё, чего он хотел сам, – это симпатий, верного друга, товарища, который смягчил бы потерю того, что он сентиментально считал ушедшей юностью (хотя едва ли представлял себе, как мы продлеваем свою в конце каждого следующего десятилетия, словно человек, продлевающий мораторий по кредиту), и в этом состоянии – меланхолического отчаяния, пронзительной восприимчивости к чувственным, романтическим сторонам жизни: зелёным дворикам, обрывам над морем, лицам, дружбе, долгим посиделкам за столом, чаю со льдом летом, короче говоря, ко всему, что значили для него Принстон и те счастливые летние месяцы, – осложнённом тем, что теперь от него ожидали определённых действий (жениться, начать карьеру, возместить миру вложения в него), он вдруг

* Henry James (1843-1916) - американо-британский писатель. Считается ключевой фигурой на стыке литературного реализма и литературного модернизма, а также одним из крупных англоязычных романистов.

встретил того, чья отзывчивость, чья красота казались волшебным мостом между юностью и следующим этапом земного существования. Он влюбился в Мэлоуна, когда они вдвоем поднялись с этого крыльца и пошли покупать персики на Первой авеню; этого было достаточно. Солнечный свет, искрящийся на золотистых волосках предплечья Мэлоуна, вены на его руке, персик в ней, пропылившиеся деревья – всё это завораживало. Город отвратителен, конечно, но здесь есть Мэлоун. Он хотел увезти его отсюда, постоять с ним каким-нибудь летним утром на горной террасе и наблюдать, как туман рассеивается с раскинувшихся внизу ферм в наступлении рассвета. Или отправиться с ним в Грецию. Он только начал понимать мир через призму любви, и, как это часто бывает с новообращёнными, ничто другое сейчас не имело значения. Вселенная сузилась до одного явления природы: Мэлоуна. Он смотрел, как Мэлоун стоит на солнце, разглядывая коробки с фруктами, раздумывая, что именно брат, и казалось, что вишни, персики, малина и мандарины не существуют, пока Мэлоун не коснется их. Он хотел купить для Мэлоуна все персики на Второй авеню. И не знал, осмеяли ли его местные шлюхи, когда он шёл с Мэлоуном, с пакетом персиков в руках, но это не имело значения: рядом с Мэлоуном он чувствовал себя в безопасности. Когда же его не было с Мэлоуном (что,

махинациями Сазерленда, случалось почти постоянно), он думал о нем. На сердце опускалась тяжесть, горло сжималось от этих мыслей. Он снова и снова прокручивал в голове то, что они говорили друг другу, как выглядел Мэлоун, момент, когда тот вошел в комнату, отношения Мэлоуна с кем бы то ни было ещё, слова Мэлоуна на прощанье. Мэлоун был таким уверенным, таким непринуждённым. Иногда он не отвечал на телефонные звонки по нескольку дней, — сдержанность в отношении радушия самой жизни не только поражала, но и казалась чрезвычайно эротичной: при мысли о поблескивающем от пота Мэлоуне, раскинувшемся в кресле, в то время как телефон все звонил и звонил в этот жаркий полдень, а назойливые любовники не имели шансов прорваться сквозь тернии его совершенного безразличия.

Прощальные слова Мэлоуна подвергались самым мучительным, детальным толкованиям: что тот имел в виду, когда сказал:

– Будь на связи, –
или, ещё хуже:

– До свидания?

Или, о ужас, даже не заметил его ухода? И совершенно не отвечал на звонки. Так, весь день пришлось провести в квартире дяди на Ист-Энд-авеню в надежде на долгожданный звонок. Но Мэлоун постоянно проводил время с другими людьми, а когда удавалось выловить его, – эти моменты были настолько таинственно трогательны, что Джон часами лежал в кабинете, наслаждаясь

воспоминаниями. Но телефон не звонил. Сазерленд игнорировал его. Казалось, он вообще либо осыпал приглашениями, либо оставлял совершенно одного. В конце концов, пришлось начать выбираться в Нижний Ист-Сайд под видом покупки подержанных книг или просмотра фильмов в кинотеатре, – все в надежде пересечься с Мэлоуном на улице, когда тот возвращается к себе от газетного киоска. Самая унижительная и мучительная стадия любви, конечно.

И вот, однажды тёплым весенним вечером, когда Мэлоун уехал из города на очередной званый ужин в округ Бакс*, Джон, впервые в жизни напившись на таком же ужине у своего дяди, да еще и при черном галстуке, забрел Сент-Маркс-Плейс, в наш небольшой парк на Пятнадцатой улице.

Сначала замер, словно мальчик при входе в собор, у ворот тёмных зарослей, как бы раздумывая, стоит ли окунать руку в купель со святой водой, а затем начал медленно прохаживаться с бледным, испуганным лицом. Он знал, что Мэлоун иногда заходит сюда покурить. Но не хотел, чтобы создалось впечатление, будто он ищет Мэлоуна, – не хотел, чтобы Мэлоун понял, как он страдает, – хотя в то же время отчаянно надеялся, что его Мэлоун здесь. Однако тёмные фигуры, разглядывая которые, он проходил вдоль скамеек, и половина из которых, принимая это за вполне конкретный интерес, предложила ему сесть, не были Мэлоуном.

* Bucks County - округ в штате Пенсильвания, к югу от штата Нью-Йорк.

Наконец, он подошёл к нам, сел и выпалил:
– Я ищу Мэлоуна!

С чем мы ответили, что в городе его нет.

– Нет в городе!? Долго? Когда вернётся?

Куда уехал? – на одном дыхании проговорил он.

Мы сказали, что вернётся он только ночью.

Джон был пьян, возбуждён, и в напряжении от поисков, но тёплые сумерки заставили его самым кротким образом сообщить о своих чувствах к нашему общему другу:

– Мэлоун – это все парни, которых я любил в своей жизни, – произнес он, чернокожий мужчина в плаще всхрапнул на скамейке рядом, огонёки сигаретплыли в темноте, подобно поминальным свечам у алтаря. – Мальчик, в которого я влюбился в Ле Розе*, парень, который стриг газон у Хэмпшир-хауса** в тот день, когда мы проезжали мимо на похороны моего деда, мой двоюродный брат Пол, ирландский студент-медик, которого я встретил в Африке ночью в хижине Нгоронгоро***, – каждого из них я никогда не забуду! На смертном одре буду помнить их лица! Но Мэлоун, Мэлоун – это все они, все эти парни, то лето, запах скошенной

*

Institut Le Rosey - международная школа-интернат в г. Ролле, Швейцария.
Основана в 1880г.

** **Hampshire House** - многоквартирный дом и отель на южной окраине Центрального парка Нью-Йорка. Открыт в 1937г.

*** **Ngorongoro Conservation Area** - заповедник и объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, расположенный в районе Нгоронгоро на северо-востоке Танзании. Учрежден в 1959г.

августовской травы, жара летнего дня, тальк, пустые комнаты, сверкающая плитка, швейцарские озёра, еловые леса вокруг Гейдельберга*, Мэлоун – это все это! – воскликнул он. И с этими словами он вскочил, выбежал из парка и поймал такси.

Какое-то время мы их больше не видели: Джон уехал в Мэн, чтобы вместе с семьёй, всеми в белом, пройти на яхте вдоль побережья, доктор Валериани-Уинстон вернулся в Аргентину. Сазерленд остался в городе. Мэлоун отправился по приглашениям. И в то лето очень быстро стало жарко – невыносимая жара, которая на какое-то время сделала Ист-Виллидж почти чувственным: тени, лёгкий ветерок, палящее солнце до заката, раскальвавшееся маревом волн и устремлявшееся с тротуаров к ясному голубому небу. Пожарные гидранты извергались день и ночь. На фруктовых прилавках Второй авеню призывно благоухали персики нового урожая, улицы к югу от Астор-Плейс, совершенно пустые на закате, подсвечивали каждую фигуру, встречавшуюся по пути к югу, пульсирующим мерцанием вдали, а та вдруг материализовалась в группу мальчишек, играющих в мяч на площадке, усеянной осколками стекла. Даже Сазерленд, когда неожиданно встретишься с ним на Пятой авеню после того, как офисные работники высыпали на улицы и спешили

* Heidelberg - город и знаменитый, первый университет Германии, основанный в 1386г.

домой, чтобы успеть поиграть в теннис до наступления темноты, в экстатическом восторге останавливался поговорить после дня в мужском туалете на Гранд-Сентрал, выковыривая лобковые волосы из зубов:

- О, дорогой мой, другого времени нет и не будет, кроме как сейчас, когда город перезрел, как фрукт, готовый упасть прямо на колени, а нижнее белье всех молодых биржевых маклеров промокло насквозь!

Дорогой мой!

В самую сильную жару мы просиживали в парке до четырёх утра, потому что квартира раскалялась, подобно духовке. Парк был единственным местом, где можно было освежиться в этом районе, и по мере того, как ночи становились жарче, здесь становилось многолюднее.

Парком пользовались две категории людей, появляющихся в разное время. Первые приходили еще рано утром, чтобы выгулять собак перед сном в спальнях с кондиционером своих таунхаусов, выстроившихся вдоль северной стороны парка; к полуночи они обычно исчезали, а затем, словно призраки и гремлины, возникали бродяги, педики, пьяницы и разного рода фрики. Именно здесь самые юркие твари Нижнего Ист-Сайда всплывали, появляясь на поверхности в темноте, когда средний класс покидал пляж, лишь только для того, чтобы снова уйти на дно перед рассветом. С рассветом они растворялись. Рассвет, самый оскорбительный момент для гомосексуала, когда небо над ним

белеет, птицы начинают щебетать, а он, всё ещё стоя на коленях, отрывает взгляд от члена, который сосал, чтобы увидеть свет, словно человек, занимающийся любовью в тёмной спальне, когда дверь вдруг распахивается настежь. Но до этого момента место приближалось к идеальному в том смысле, чтобы растереть зудящую язву похоти: идеальная пещера, чтобы зализать раны, – ведь половина ламп в фонарях не работала, а в тени деревьев было очень, очень темно.

Мы сидели на нашей обычной скамейке одни таким жарким августовским вечером, наблюдая, как типажи приходят и уходят. Мэлоуна и Сазерленда мы не видели уже несколько недель, с чем решили, что они навсегда перебрались на Файр-Айленд. Ветра не было, и отбросы общества возились в кустах. Около часа дня пришел мужчина, сел на скамейку неподалёку и начал напевать, с тщательной модуляцией, свойственной будущему клубному артисту, песни Коула Портера*, а также Роджерса и Харта**. – Ты у меня... под кожей, – выводил он громко, словно пытаюсь донести это до балконов, до самых дальних столиков какого-нибудь Эль Марокко***, – ты... глубоко в сердце.

* см. прим. к стр. 194

** **Rodgers and Hart** - творческий тандем композитора Ричарда Роджерса (1902–1979) и поэта-песенника Лоренца Харта (1895–1943) в жанрах популярной музыки, джаза и мюзикла.

*** **El Morocco** - культовый ночной клуб на Манхэттене в 1930-1950-х гг. Упоминается во многих кинофильмах и литературных произведениях.

После нескольких подобных трелей, черные, пытавшиеся играть в кости дальше по скамейке, крикнули ему:

– Заткнись!, – но тот продолжил, судя по всему, обширный репертуар. Он пел о Нью-Йорке за много кварталов и лет от того места, где мы сидели сейчас, создавая свою собственную музыку, когда наконец ушел, прекрасную музыку сожаления, нарастающую, подобно стрекоту цикад в высокой траве летом:

– Но для чего жизнь? – спросил владелец книжного магазина на площади Святого Марка горестно. – Признайте, у нас нет настоящей причины что-либо делать. У нас столько же смысла в существовании, сколько у этих деревьев.

– Но вы никогда не найдёте разумной причины, – сказал кто-то еще. – Она должна исходить из сердца. Нет самостоятельной причины жить. Люди делают что-то побуждаемые сердцем, вне всякой причины. Разве есть причины, чтобы жить.

– Именно, – заметил другой. – Но разве сама идея использовать наши соображения не самая иррациональная вещь на свете?

– Всё было так просто, – вздохнул кто-то другой, – когда нужно было просто получить пятёрку на экзамене. У меня это выходило превосходно, но теперь, когда дело больше не в том, чтобы попасть на доску почёта..., – и голос затих.

– Видели Фрэнка Гилберта вчера вечером во Фламинго? Он выбрился, – сказал кто-то,

приземляя философию и прогоняя нервозности с помощью всесокрушающего магнетизма сплетен, – и сделал эпиляцию на животе. Выглядит потрясающе!

– Кто-то говорил, что он никогда не вытирает задницу, специально выходит грязным. Вот это уверенность! И ему это сходит.

И они продолжили стрекотать, – цикады и сверчки летней ночи, перебирая ногами, словно квартет, исполняющий музыку воспоминаний и сожалений, – сожалений о местах, где не жили, решениях, которые не приняли, мужчинах, с которыми хотели переспать... – пока Мэлоун не материализовался у западных ворот и не сел рядом с сигаретой.

– О, Боже, я измотан, – сказал он. – Буквально только что пара клизм и фистинг!

– Ого, как это было? – спросил кто-то, он пробовал писать рассказы уже десять лет, но безуспешно. – Кто это был?

И Мэлоун, зная, что этот парень хочет написать роман о гомо-мальчике по вызову, терпеливо пересказывал фантазии, которые воплотил в ту ночь. Сам он как всегда выглядел невозмутимым, когда мы сидели там в духоте, так не ставшей освежающей ночи, а густой и влажный воздух, пропитанный выхлопами снующих по улице машин, ложился на кожу грязными, липкими полотенцами дешёвой сауны. Мэлоун всегда появлялся в белых штанах с бледно-голубым поло и всегда спрашивал, как прошёл день: наш день! Наш

беспросветный день! Полный самых ужасных мелочей! Это было похоже на появление офицера, навещающего ампутантов в госпитале после боя, где каждый изливал свои мысли, жалобы, надежды, мнения и амбиции, – даже не подозревая, что для выслушающего это не имеет никакого значения. Но могло длиться вечно. Никто не слушал так, как Мэлоун. Никто не задавал столь умных, проницательных вопросов, как он, вопросов, открывавших новый поток откровений, не иссякаемый, если бы остальные не взывали бы ко своим горестям. Мэлоун мог слушать бесконечно.

– Но расскажи мне о людях, с которыми ты встречался! – вновь просил парень, жаждущий собрать материал для романа.

Ярко-красный нейлон плавок в полоску торчал из кармана его поло, и, вытащив его, помахивая, Мэлоун рассказал о человеке, заплатившем за то, чтобы он постоял в его спальне в этих узких плавках, изображая капитана команды по плаванию. Другой притворялся пятнадцатилетним немецким еврейским мальчиком в Бухенвальде, а Мэлоун, типа, охранник, которого умоляют о пощаде. Другой задеиствовал сюжет, что они с Мэлоуном в постели в студенческом общежитии, и что его однокурсники вот-вот вернутся с вечеринки в соседнем женском корпусе. Некоторым он ставил клизмы, других связывал в ванной и мочился на них, а то и просто сидел на диване, выслушивая рассказы о матери. Видел марокканских миллионеров и

мафиози в Бруклине, командировочных из Детройта, банкиров и морских биологов, кинопродюсеров, дикторов, артистов балета. А изображал моряков, ветеранов войны во Вьетнаме, британских лордов, покойных кузенов.

- Но самый необычный, — добавил он ко всему, — и самый обаятельный, так думаю, из всех — это человек, который приезжает из Сидар-Рэпидс* в Айове, раз в два месяца и которому просто хочется понюхать мои мокрые волосы, — он вдруг повернулся к своим собеседникам, — но это, должно быть, вас уже утомило.

- О нет! — ответил хор голосов.

- А что насчет сегодняшнего вечера, например? — опять спросил кто-то. — Было что-нибудь сегодня вечером необычное?

- Ну, необычное..., — протянул Мэлоун, выпуская струйку дыма. Все-таки сказывалась усталость, а тот инцидент выбил его из колеи сильнее, чем предполагалось:

- Я ответил на приглашение с Шестьдесят четвёртой Восточной, — проговорил он после паузы голосом, уже глухим от усталости, — но когда дверь открылась — там стоял парень, с которым я учился в школе в Вермонте! Парень, в которого я, по сути, был влюблен. Мы оба были поражены.

- Вы занимались сексом? — спросил писатель, увидев на горизонте подрагивающую пьесу в двух актах.

* Cedar Rapids - второй по величине город в штате Айова. Основан в 1849г., население ок. 140 тыс.человек.

- Нет, — рассмеялся Мэлоун. - Не решился. Я играл с ним в футбол в школе. Он помогал мне по учебе на втором курсе, я боготворил его! Мы достали выпускной альбом и вспоминали всех. Было весело.

Последовала пауза, а затем кто-то спросил:

- Эй, а когда свадьба? — ведь здесь тоже знали о Джоне Шеффере.

- Скоро, наверное, — ответил Мэлоун. - Мы постепенно идем к тому. Это как подготовка к Олимпиаде, — вновь рассмеялся он.

И снова замолчал, слишком уставший, чтобы продолжать, вдруг представилась та фотография из выпускного альбома со списком его интересов и наград. Невольно подумалось о том, как за последние десять или пятнадцать лет он постепенно стирал эту фотографию, пока человек с нее не исчез окончательно. Те, кого он знал сейчас, в прошлом году не знал никоим образом. Как это часто бывает с гомосексуалами, он просто перестал поддерживать контакты со своим прежним миром; как вступивший в братство и удалившийся в монастырь отрекается от всей своей прежней жизни. И потому записал в дневнике тем вечером:

- Мне не нравится, что Джон Шеффер ввязался во все это. Следовало бы просто сказать ему: "Не беспокойся, это наваждение". Или каждый все-таки должен сам убедиться?

Чувствовалась усталость внутри всё больше и больше, и сейчас, здесь на этой скамейке, эта усталость настолько взяла свое, что он буквально не мог пошевелиться.

Благословение темноте, что с ней постепенно люди на скамейке начали разбредаться, отпуская уничижительные шутки по пути в адрес какого-нибудь мальчишки, только что проскользнувшего во входные ворота. Внезапное появление троицы, которую мы никогда раньше не видели, заставило всех, кроме меня, вскочить со скамейки, бросившись вслед за новичками. Мы с Мэлоуном надолго замолчали, наблюдая за происходящим вокруг и прислушиваясь к изредка доносившемуся вою сирен на Второй авеню. В парке напротив нас царило что-то почти умиротворяющее: колокольня церкви, залитая светом прожекторов, заросли листьев, гравированной латунью поблескивающих в янтарном свете уличных фонарей, фонтан, обрамленный цветами, – обычный пейзаж маленького парка где-нибудь в Балтиморе или Бостоне. Более того, пока мы наблюдали из нашего тёмного грота, мимо, рука об руку, прошла молодая пара, а их ирландский сеттер носился по расчищенному пространству под двумя деревьями. Они остановились и посмотрели, как убегает собака, а затем мужчина начал звать её обратно.

– Вкусняшка! Вкусняшка! – позвал он. Его голос разносился в тёмной летней ночи, мягкий, спокойный, домашний:

– Вку...ууу...сняш..., – наконец ирландский сеттер выскочил из темноты и, тяжело дыша, замер у его ног. Мужчина пристегнул поводок на ошейник, и вместе они вышли из парка, на

мгновение задержавшись под уличным фонарём.

– О, – сказал Мэлоун, проводя рукой по лицу, – как, должно быть, просто, как хорошо вот так выйти вечером, позвать собаку, пойти домой под руку с женой.

– Ты замечал когда-нибудь, – сказал он, взволнованный этим видением домашнего счастья, недоступного для него, и потрясённый ранее, тем же вечером, поскольку плакал в метро по дороге домой от очередного клиента, – что геи в присутствии друг друга скрывают всё, особенно слёзы? Они кончают друг на друга, ссут или срут, но никогда не плачут! Единственный знак нежности, который никогда они не проявляют в чьем-либо присутствии. Кончают, ссут и срут вместе, но слезы только в одиночестве! Боже! – он проговорил это все, с коротким, хриплым смешком.

Я заметил, как дрожь пробежала по его телу, и он замолчал. Какой-то бродяга остановился у скамейки и протянул руку. Мэлоун вытащил из кармана ролик купюр и отдал ему. Тот, пошатываясь, пошёл дальше, слишком пьяный, чтобы осознавать, сколько ему дали. Это были те деньги, которые Мэлоун заработал, воплощая в жизнь многочисленные фантазии, перемещаясь по всему городу. Ему нравилось тратить эти деньги так же быстро, как и приобретал, расходуя их на вещи, не оставляющие следа. Я взглянул на его лицо в тусклом свете одного из уличных фонарей. Он выглядел человеком, уже какое-то время пересекающим пустыню, пространство без

тени. Он напоминал тех, кто на пляже летом заснул на солнце и проснулся с пересохшими, шершавыми губами и кожей, настолько стянутой, что взгляд их становится пустым, как у пророка, долго блуждавшего в пустыне. Какого-то убежища не существовало, и он лишь продолжал сидеть в темноте, наблюдая, как другие ищут то, что некогда приводило его самого в трепет, а теперь лишь вызывало болезненное одиночество.

Но мы всё ещё сидели здесь, в компании споривших о том, у кого самый большой член в Нью-Йорке, когда Сазерленд, услав домой Джона Шеффера после совместных прогулок по городу, вошёл в парк.

– О, ты должен знать! – воскликнул один из спорщиков, повернувшись к Сазерленду. – Разве у Аллана Миллера не самый большой член в Нью-Йорке?

– Ему хотелось бы так думать, – ответил Сазерленд самым бархатным и вкрадчивым голосом, усаживаясь на скамейку, свежий, как гардения в петлице, извлеченная из чаши для омовения пальцев, поданной на ужине, откуда он только что прибыл. – Однако, вопрос спорный. У кого самый большой член – у Аллана Миллера? Или у Мартина Фокса, или Хорхе Форбса? Или у Митча Грейвса, если уж на то пошло, постоянно удивлявшего уборщика в мужском туалете Центрального вокзала, вытаскивая шланг из писсуара, теперь работающего в Саудовской Аравии в TWA*.

* Trans World Airlines - авиакомпания, которой с 1939 по 1960гг. владел Говард Хьюз. Основана в 1925г., с 2001г. в составе American Airlines.

Или у какого-то неизвестного ученика электрика из *Con Ed**? К сожалению, в Книге рекордов Гиннеса нет записи по этому вопросу, хотя я готов предоставить им результаты своего исследования, если они обратятся с такой просьбой.

Какой-то мужчина, поднял и поставил одну ногу на скамейку напротив, наклонился, намереваясь сунуть пачку сигарет в носок.

— О, мне это нравится, — проворковал Сазерленд. — Я нахожу это очень моряцким, очень сексуальным. Он держит сигареты в носке! Держу пари, он не читает *GQ*! Я постоянно ищу мужчину, который никогда и ничего не слышал о *GQ*, *Women's Wear*** или *Двенадцатом этаже*, — объяснил он. — Со временем так устаёшь... может, мне выйти за него замуж? — сказал он, разглядывая мужчину, из белого носка которого торчала пачка сигарет.

— У него вообще нет члена, — сказал кто-то.

— Мы же прошлым летом вместе ушли ко мне. Какая ошибка!

— Умоляю, — вздохнул Сазерленд, — уверен, что его член не меньше моего, — продолжал он с неуклонной, азартной уверенностью, единственный гомосексуал, которого знал Мэлоун, не боявшийся признавать. — Не будьте суровы к нам, неприкасаемым. К нам, этому меньшинству гомосексуального

* *Consolidated Edison Inc. (Con Edison)* — энергетическая компания в США, одна из крупнейших в стране. Основана в 1823г.

** *Women's Wear Daily* - журнал о моде, часто называемый *Библией моды*. Содержит информацию и аналитику о тенденциях и последних новостях в индустрии мужской и женской моды, красоты, розничной торговли.

сообщества. На самом деле, раз уж мы заговорили об этом загадочном органе, я встречал только три члена меньше моего. Первый – медицинский феномен, у бывшего монаха, которого я встретил в Сауне, – он любил греков. Второй – у пуэрториканца, которому я отсосал в этом самом парке четыре лета назад. А третий, о, кто же был третьим? Кажется, парень из Питтсбурга, – задумчиво пробормотал он. – Но неважно, – сказал он, рассевшись. – Гомосексуал с маленьким членом – это просто абсурд, вот и всё. Это как человек, спешащий на теннисный корт без ракетки. Оперный певец без голоса. О, можно привести сотни аналогий, – сказал он, но к этому времени уже обращался к Мэлоуну, поскольку остальные, подавленные этой унылой темой, разбрелись в поисках кого-нибудь, счастливо избавленного от подобных дефектов. Но Сазерленд уже повернулся к Мэлоуну с парадной гарденией в руке, с того самого ужина, с которого начался вечер в здании, куда и Мэлоун приезжал по приглашению устроителей: – Ну? Разве ты не хочешь знать, что случилось? Он ведь спрашивал только о тебе, – сказал он, не дожидаясь расспросов Мэлоуна. – А я не сказал ему, что ты внизу, в номере тридцать четыре "Б", шлёпаешь членом по лицу Луи Ротштейна с криками: "Ты, грязный жид!" А Он был раздавлен. Когда мы потом пошли в *Орлиное гнездо**, где

* The Eagle's Nest или Eagle NYC или The Eagle - культовое заведение Нью-Йорка, так называемый, Leather/Кожаный бар. Работает по настоящее время. Открыт с 1969г.

он чуть не упал в обморок...

- Обморок? - эхом отозвался Мэлоун.

- Мальчик в шоке, - заметил Сазерленд, - ошеломлён в самой гуще стольких воплощенных фантазий. Когда я наконец увел его, он дрожал как осиновый лист, но всё равно спросил о тебе:

- Мэлоун сюда ходит? - хотелось знать ему.

- Мэлоун любит этот бар? Кто у него в любовниках?

Всякий раз, когда я что-то предлагаю, он спрашивает, будешь ли ты там. Я говорил ему, что ты слишком занят, чтобы тусоваться с такими неудачниками, как я, а он вдруг спросил, не могу ли я уговорить тебя прийти на вечеринку, по-настоящему большую вечеринку, если мы устроим её на Файр-Айленде. Его не переубедить. Мне пришлось уступить. Итак, - вздохнул он, - через две недели мы устроим в том доме, в *Пайнс*, главный праздник сезона, устроим, - мечтательно сказал он, выпуская струйку дыма, - *Вечеринку в розовом и зеленом*. И всё это, *мон шер*, для тебя.

- Вечеринка в розовом и зелёном? - слабо спросил Мэлоун.

- Да, дорогуша, - ответил Сазерленд. - В данный момент я не мог думать ни о чём другом. *Феллини* уже все, *Кармен Миранда* тоже, *Египет* тем более, - сказал он, перечисляя грандиозные и знаменитые вечеринки на Файр-Айленде за последние пять лет. - *Лео*, *Большая жара*, *Вечеринка в черном*, *В белом*, *Фантазия*, *Магия и мечты*,

Камо грядеши, Бомбей в июле — всё это уже занято, дорогуша, как и любой художник, обременённый традициями тех, кто жил до него, как романист, который должен писать после Пруста, Джойса и Манна, мы в области ограниченного выбора, не говоря уже о двухнедельном сроке. Ах, — воскликнул он, когда мальчик, пошатываясь, вышел из кустов, застёгивая кожаные штаны, — как же здорово вернуться к первоисточнику, к корням всего этого, — сказал он, оглядывая тёмные фигуры, трясущие промежностью, — чтобы припасть к освежающим изначальными таинствам и обрядам, вокруг которых, на самом деле, вращается вся наша жизнь. Просто вот так, — сказал он, откинувшись назад, наблюдая за жизнью в нашей лагуне. — Я не пойду на пляж, — сказал Мэлоун. — Больше никогда туда не пойду.

— Всего на одну ночь, дорогуша! — с придыханием проговорил Сазерленд. — Просто появись, мой дорогой, а потом уходи с Джоном. На самом деле, вся эта вечеринка устраивается для того, чтобы вы двое могли уйти, — сказал он. — Эта огромная масса людей собирается для того, чтобы вы с ним могли чувствовать себя более комфортно наедине. Понимаешь? Эта вечеринка устраивается для того, чтобы вы могли удалиться...

— Боже, — вздохнул Мэлоун, отбросив сигарету и поднимаясь. Он повернулся к Сазерленду:

— Не кажется ли тебе, что, с моральной

стороны, нужно просто сказать Джону Шефферу, чтобы он возвращался в Принстон, к своей семье в штате Мэн, в свои апартаменты, и забыл об этом фарсе? Здесь нет того, о чем он думает, и ему тоже стоит это рассказать. Посмотри, к чему оно меня привело!

– О, дорогуша, – вздохнул Сазерленд, – неужели ты, прямо в полночь, сейчас предпочитаешь все прекратить и думаешь, что это возможно без всякой боли?

– Вроде того, – бросил Мэлоун.

– Но разве не понимаешь, что это всё из всего? – подхватил Сазерленд. – Разве не знаешь, что значит быть женщиной? Моя бабушка в свой восемьдесят девятый день рождения мечтала лишь о том, чтобы пройтись по улице и чтобы на неё смотрели!

– О боже, – только и сказал Мэлоун.

– Будут два сальса-бэнда, – продолжал Сазерленд, когда они вместе направились к выходу из парка, – а список гостей мы составим завтра, разумеется, в строжайшей тайне. Я ограничусь парой тысяч самых близких друзей. Охрана, пронумерованные приглашения... – сказал он, когда они вышли из парка. Мэлоун, опустив голову, смотрел в землю. Через мгновение запели первые птицы, и к тому времени, как эти двое скрылись в унылой пустоши Второй авеню, небо просветлело, являя бледные, изможденные человеческие лица без тени таинственности и призывных взглядов. Словно кто-то вытащил пробку из раковины: зеленая вода схлынула,

оставив на фарфоре налипшие странные предметы. Через пять минут парк опустел, а затем появился местный житель, с лестницей и ведерком обходя каждое дерево, с невинной в общем-то целью, совершенно спонтанным поступком, – покормить белок.

8

Тем летом уже к концу июня установилась невыносимая жара, и даже королевны, которым было плевать на танцы, перебрались всей тусовкой на Файер-Айленд. Город опустел, а Сазерленд нашёл дом в *Лайнс*, который снимала итальянская принцесса, её муж когда-то был его любовником. Даже на социальном пособии в своё первое нью-йоркское лето, Сазерленд умудрился, – как и многие другие в такой же ситуации, – ежегодно откочевывать на Файер-Айленд; поскольку не имело значения, как ты туда попадал, кто ты и откуда родом. Симпатичный и остроумный, – его приняли, хотя вскоре он переехал на более уютные пажити *Ист-Хэмптона*. Но была в его характере черта, всегда возвращавшая на Файер-Айленд. Ведь именно здесь он мог прогуляться к прибывающим кораблям в одеянии монашки, именно здесь возможно было принять двести самых близких друзей, чтобы выпить и посмотреть, как горят надоевшие вещи от *Лакоста*. Именно здесь он появлялся на рассвете на веранде чужого дома с дайкири в

руке, утверждая, что только в дюнах видел, как одного мужчину трахала деревянная нога другого, а сам он оказался рядом, потому что просто шел пропеть мантру восходящему солнцу. Файр-Айленд был местом безумия, жарких и отвязных ночей, поцелуев и табунов потрясающих мужчин: национальный заповедник, ежегодно наполняемый каждое лето прибывающими со всех штатов весьма причудливыми путями. Одетый Гарриет Бичер-Стоу*, Сазерленд спускался на причал всякий раз, когда должен прибывать корабль с его новыми протезами.

Однако тот факт, что в их головах почти ничего не было, в конечном итоге изменил его привязанности в направлении Хэмптона, где, хотя гомосексуалы, как правило, были толще, старше и носили брюки пастельных тонов, но они, по крайней мере, в состоянии были поддержать разговор за коктейлями на подстриженной лужайке о Сэмюэле Беккете** или последнем романе Айрис Мердок***.

Что касается Мэлоуна, то, хотя песок самых прекрасных местных пляжей казался ему гораздо хуже самой грязной же улочки Нижнего Ист-Сайда, где Рамон и Энджел играли в гандбол у стен многоэтажек, он почувствовал, что обрёл рай с первого

* **Harriet Beecher Stowe** (1811-1896) - американская писательница, аболиционистка. Автор романа *Хижина дядюшки Тома* (1852).

** **Samuel Beckett** (1906-1989) - ирландский писатель, поэт и драматург, представитель модернизма в литературе. Один из основоположников *театра абсурда*.

*** **Iris Murdoch** (1919-1999) - английская писательница и мыслительница ирландского происхождения, одна из крупнейших фигур послевоенной английской литературы.

же визита на Файр-Айленд; однако, и ему потребовалось три-четыре лета, чтобы признать, что это нечто иное.

И Сазерленд, и Мэлоун, по сути, приезжали на курорт чаще, чем им хотелось бы признать это; потому что так было всегда, всё лето. По крайней мере, для тех, кто любил танцевать. Поэтому Сазерленд, считавший это место вульгарным, и Мэлоун, считавший его бессердечным, всё равно приезжали, потому что нигде больше на земле не сочетались воедино природная и человеческая красота; и потому что нигде больше на земле нельзя было танцевать в такой же атмосфере. Каждое лето устраивались сотни вечеринок, но от Сазерленда их ждали с огромным нетерпением: из-за дома, где все намечалось, из-за репутации Сазерленда, но и с учетом идеального времени, чтобы завершить сезон с размахом. Список гостей сразу стал сенсацией, циркулировали обычные слухи о приезде Лайзы Миннелли* и Трумэна Капоте**. Говорили, что они приезжают несколько раз каждым летом и даже, что они уже здесь, но никто их не видел. Еще этом году, помимо прочего, также упоминались Флоринда Балкан*** и Бьянка Джаггер****.

* **Liza Minnelli** - американская актриса театра, кино, телевидения, певица, танцовщица и хореограф.

** **Truman Capote** (1924-1984) - американский писатель, сценарист, драматург и актёр.

*** **Florinda Balkan** - бразильская актриса, известная исполнением ролей в европейских фильмах. Особенно ролью графини Ольги Камастры в итальянском телесериале "Спрут" (1984).

**** **Bianca Jagger** - никарагуанская и британская правозащитница, адвокат, актриса и жена рок-музыканта Мика Джаггера.

Сазерленд лишь посмеивался низким, гортанным смехом. Ему пришла в голову мысль устроить совершенно безвкусную вечеринку, сделать что-то вразрез устоявшемуся, ведь он считал *Лайнс* сообществом оформителей витрин, неспособных на осмысленную беседу. В то же время, природная игривость подталкивала его к чему-то способному удивить и запомниться, превзойти все то, что было до; он пожалел, что не внес сюда немного садомазо, поскольку несколько знакомых парней уже предложили повисеть на кресте, выкинуть что-нибудь противоестественное на сцене во время гала-концерта.

Время от времени Сазерленд совершал налеты сюда, чтобы проверить, как продвигается работа, – и как-то днём приехал снова и нанял нас подготовить пляжный домик. Мы вымыли окна, отполировали перила, подмели настил, начали устанавливать розовые и зелёные панели, скульптуры из чайных ложек, манекены, мешочки, предназначенные для разбрасывания гвоздик, блёсток и таблеток сверху на гостей. Бригада рабочих из *Сэйвилла* прибыла установить освещение, а главный диджей Нью-Йорка – развесить колонки и смонтировать диджейскую будку. Сазерленд каждый раз появлялся с разной свитой: с кем-то, кто десять лет безуспешно писал романы в Риме, с высоким, тощим, бородатым парнем, жившим в лесах на севере штата, с пророками, интеллектуалами, художниками, моделями. Однажды мы

спустились к причалу, чтобы встретить их. – Ты должен написать что-то, историю об Огненном острове*, – взволнованно шепнул Сазерленд писателю, когда мы проходили мимо пришвартованных больших белых лодок, – об очень богатой еврейке с одной из этих лодок и о молодом человеке, её личном секретаре, играющем осенью в канасту** на борту. О, – вдруг выдохнул он, когда женщина в вишнёвом халате вышла из каюты её Крис Крафта и закурила сигарету, оглядывая гавань с мрачным, рыхлым лицом только что проснувшегося человека, – вот она! Всё её состояние полностью основано на пылесосах! Да! – продолжал он с придыханием. – Если нажать лишь одну кнопку, её лодка сама себя пропылесосит! Что же еще придумают эти дети? – он нервно улыбнулся, всему миру в целом, а затем внезапно прошипел сквозь стиснутые зубы, когда мы прошли мимо двух красивых молодых людей, вышедших из продуктового, подобно босоногим ангелам с пакетиками йогурта. И продолжал бормотать, шипеть, вздыхать, призывая нас посмотреть на какой-нибудь выдающийся образец мещанской показухи или физической красоты, пока шли обратно к дому. – Как думаете, американцы скучны, – опять придыхательно произнес он, обернувшись на краю гавани, чтобы взглянуть на белые лодки, бутики,

* **Fire Island** (Файер-Айленд) - Огненный остров дословно

** карточная игра, зародившаяся в начале XX века в Южной Америке, предположительно в Уругвае. В 1950-е годы игра проникла в США, где стала популярной, а после попала в Европу. Сводится к набору определенных карт, очки за которые суммируются.

навесы, отель, — потому что они верят в счастье на земле?

Но был человек, которого Сазерленд видел только здесь, раз в год — швейцарский педиатр, проводивший отпуск в *Пайнс* в последние две недели августа. Каждый год они виделись, и лицо доктора мрачнело от тоски, когда он видел на Сазерленда на пляже, вечеринках, в баре, и всякий год они не решались заговорить. В этот месяц Сазерленд ежедневно ходил в спортзал, чтобы реанимировать тело, которое возвращал к жизни каждый год в это время.

— Моя грудь, — сказал он как обычно с придыханием, наклонившись вперед, скрестив руки и массируя пальцем каждый сосок, — теперь больше, чем у моей матери. Именно эту грудь хотят сосать, терзать и рвать, — вздохнул он, когда мы шли по пляжу. — Понимаешь? Как говорит *Оден**, мы хотим не только быть любимыми, но быть любимыми в одиночестве, — сказал он, увидев мужчину на пляже перед домом, который тот снимал каждое лето, наблюдая за ним, — этим воплощением его ежегодной мечты. — Он болен похотью, — мягко улыбнулся Сазерленд, останавливаясь на мелководье, притворяясь, что ищет ракушки. — Смотрит на меня так отчаянно, как собака, умирающая от яда. У него что-то внизу живота, — улыбнулся он, — что, рад сообщить, не под силу ни коммерческим антацидам**, ни даже

* *Auden* (1907-1973) - англо-американский поэт интеллектуальной лирики, как социально-радикальной, так и к философско-религиозной проблематики.

** лекарства, снижающие кислотность желудка.

наркотикам, ни чему-либо, кроме этих сисечек, – продекламировал он, и его рука легла на сосок, нежно касаясь его, словно Венера Боттичелли, выступающая из морской пены. – Но он не делает ни шага, как и я тоже. Пойдемте, дети, – вздохнул он, снова продолжив движение вдоль кромки пляжа, – хватит уже интриг на сегодня.

– Какой сюжет! – воскликнул мужчина из Рима. – Каждую осень, раз в год, на пляжный курорт приезжают двое, и ни разу даже не заговорив друг с другом...

– Никогда, да, – отозвался Сазерленд своим низким, хриплым голосом, глядя прямо перед собой, пока мы шли мимо смотревших на нас, словно на гостей, подбирающихся к еде на огромном шведском столе, – а потом, в конце жизни, когда оба уже старые, но всё ещё приезжают сюда, на этот пляжный курорт, они наконец-то решаются. И!

– И? – спросил мужчина из Рима.

– Вы же писатель, – вздохнул Сазерленд.

– Но у меня нет воображения, – ответил тот, покусывая губу, глядя на воду, приятно холодившую ноги. – Я ничего не могу придумать.

– Что бы они сказали? – сказал кто-то.

– Они бы сказали, – вздохнул Сазерленд, – что-то из трёх: „Вы еврей?“ или „Вы часто здесь бываете?“, „Вы живёте с родителями?“ Любовь, в конце концов, мои дорогие, – это сплошное ожидание и воображение, а когда они наконец встретятся, то разразятся чем-то совершенно обыденным! Слишком, слишком

обыденным. Это же всего лишь сюжет из истории Огненного острова, который изложен только что, – он остановился и задумчиво изрек:

– Из истории Опасного острова. Что ж, – вздохнул он, – в том направлении нет ничего, кроме того, что сценаристы называют солнцем, морем и небом. Давайте вернёмся. Он развернулся к швейцарскому доктору и людям, наблюдавшим за этим парадом плоти, и с содроганием заявил:

– Боже, сколько лет здесь просто потрачены впустую! Друзья потеряны!

А затем еще громче:

– Мы уходим домой. Все видели мои сиськи?

Мэлоун прибыл во вторник днём по очередному приглашению, и, закончив дела, немного повалялся с нами на пляже. Но был слишком взвинчен, чтобы лежать трупом, темнеющим до глубокого коричневого цвета. Когда он, казалось, наконец покорился тишине, а остальные почти дремали, то вдруг внезапно сел, закурил сигарету и стал рассматривать людей, проходивших мимо по кромке воды.

– Признай, – прошептал он мне, ложась со вздохом, – что загорать гораздо труднее, чем рубить деревья. Я бы лучше расчищал делянки, – сказал он, выпуская струйку дыма и улыбаясь.

Наконец, когда остальные ушли уже к себе, чтобы принять душ и переодеться для Чайных вечеринок*, а мы с ним остались насладиться

* Tea Dance - давний формат вечеринок на Файер-Айленде.

закатом, он сказал:

– Знаешь, я весь день загорал на пляже между диджеем и одним из крупнейших дилеров Готэма*. Наркоторговец, мальчик по вызову и диджей. Вот так, – он мягко улыбнулся, глядя на кружащих чайек, на пену, приобретающую розоватость и золото на заходящем солнце, на ясное голубое небо, – надир** моей жизни. Снова рассмеявшись, он лёг и замолчал. Появилась луна, чистая и серебристая, а пряди облаков, растянувшиеся по небу, не длиннее следа пролетающего самолёта, раскрасились золотистым, абрикосовым и лавандовым.

Позже, когда всё снова преобразилось в синий, он перевернулся на живот и смотрел, как двое борются с воздушным змеем, после чего отсутствующим, задумчивым голосом произнес:

– Разве не странно, куда приводят, казалось бы, такие незначительные решения? В жизни, на самом деле, если просто плыть по течению, – сказал он в интонации удивленного каким-то необыкновенным фактом ребенка, – ты можешь оказаться где угодно! Унесет с потоком, – сказал он, глядя на меня, всё ещё опираясь подбородком на руки.

– Почему, – спросил я, – ты считаешь, что потратил жизнь зря?

– Разве это важно? – улыбнулся он. – И хватит ли у меня сил изменить ее? Если захочу?

* т.е Нью-Йорка (см. прим. стр. 22)

** самое низкое положение Солнца на закате над горизонтом.

Он вздрогнул, поднялся на колени, повернувшись к морю, где на горизонте виднелись две лодки ловцов креветок. Вдоль пляжа растянулись длинные вереницы людей в позе лотоса, медитировавших лицом к морю. Небо же позади совершенно заполнили скопления золотистых и лососевого цвета облаков, день впереди угас, одновременно и незаметно порождая главную мечту этого особого места, музыкальную, переливчатую, эротическую ночь. Все, — да, все, кроме нас и медитирующих на песке, обративших взор к морю, — сейчас готовились к этой волшебной ночи, принимая душ, одеваясь, а также искали таблетки, которые следует принять ровно в девять часов после легкого ужина, чтобы к полуночи ночь стала еще более трепетной.

Люди, поголовно в белых штанах, с лицами, порозовевшими после дня, проведенного у моря, на солнце, уже шествовали по пляжу в направлении коктейльных вечеринок Уотер-Айленда*; очень популярная модель с вязанным пледом, в сопровождении агента, снизошла сюда, чтобы встать у кромки воды на цыпочки, в позе нимфы Максфилда Пэрриша**, с прозрачным голубым шарфиком в руках, игриво подрагивающим на ветру на самых кончиках ее пальцев; двое влюблённых задержались, чтобы поиграть друг с другом в прибое, плавки сброшены на песок, их

* Water Island - пляжный поселок на о. Файер-Айленд.

** Maxfield Parrish (1870-1966) - американский художник и иллюстратор, получивший известность работами на сказочные и мифологические сюжеты.

ягодицы, белые, подобные целомудренной луне, словно она же плыли над зелёными волнами, в которых они стояли в ожидании следующего наката прибоя.

– Почему я такой пуританин? – вдруг спросил Мэлоун. Он встал, взял полотенце и сигареты, посмотрел на меня сверху вниз, как бы ожидая ответа. – Пуританин – это вроде закоренелого преступника, – улыбнулся он, – его невозможно перевоспитать. И тотчас удалился, объяснив, что нужно собираться на семичасовой катер обратно на материк, оставляя мир сумеркам и мне.

В городе установился невероятный зной – настолько, что мы лежали по ночам в постели, неподвижные, обливаясь потом. Кошки валялись повсюду, в том числе и рядом с тушками животных, сбитых автомобилями. Все устремились на улицу и сидели там сколько возможно, пока не наступало время ложиться спать. Сазерленд и Мэлоун постоянно ходили на пляж и обратно, что в тот момент наводило на Мэлоуна скуку, так как он был влюблен в городскую жару. Любил спускаться на улицу по утрам, рассматривая пуэрториканцев, прохаживающихся по тротуарам с рубашками, свисающими из карманов. В такие летние дни он отправлялся бродить по городу. Гулял по улицам и паркам с глубоким удовольствием человека, прощающегося с местом, которое, когда-то кануло в Лету, а теперь кажется особенно трогательным. Лежал на траве в Центральном парке, наблюдая лица проходивших мимо,

или мелькавшие во время футбольных матчей на пыльном поле, что когда-то так завораживало его.

В этот момент своей жизни Мэлоун осознал, что перестал быть гомосексуалом, настолько же, насколько стал педерастом. Парню, который вынудил его однажды днем остановиться, усевшись на травянистом холме, чтобы посмотреть футбольный матч, было не больше двадцати, в самом расцвете юношеской красоты; и все же, когда тот мчался с мячом сквозь клубы пыли, поднятые играющими, Мэлоун наблюдал за ним с определенной отстраненностью, выработанной годами отчаяния. Пять лет назад этот парень сразил бы прямо в сердце, вселил бы такое уныние, что легко можно было стать одержимым до конца дня и ночи, бродить по барам и саунам в надежде найти кого-то в своем вкусе. А на следующий день – вернуться на Овечий луг* в надежде, что тот, возможно, придет сюда играть снова. Теперь же всё было иначе. На нём были старые белые спортивные шорты и выцветшая красная рубашка-поло. Чёрные-чёрные волосы и большие тёмные глаза, и он не проводил лето на солнце, потому что его кожа была цвета слоновой кости. Много лет назад Мэлоун пришёл бы домой и тотчас позвонил бы кому-нибудь со словами:

– Видел бы ты парня, которого сегодня видел я в Парке!, – будто должен же кто-то

* Sheep Meadow - участок Центрального парка Нью-Йорка, до 1934г. использовался для выпаса овец. С 1980г. спортивные игры здесь запрещены.

увековечить такие чудеса.

Теперь Мэлоун просто смирился. Ибо прекрасно знал, что красота этого молодого парня просто факт: его красота, а он, Мэлоун, не может боготворить эту красоту или, что ещё хуже (вина многих людей, которых всё ещё знал), не может обладать ею, поглощать её, впитывать. Красота юноши стала для Мэлоуна, когда он лежал на траве и наблюдал, как парень носится в клубах поднятой пыли, прекрасный, словно персонаж мифа на равнине перед Троей, безличным фактом, таким же безличным, как красота дерева, неба или морского берега, фактом, который настолько же призывал к объятиям, насколько казалось необходимым обнять особенно красивый медный бук. Так он и лежал, наблюдая, как мальчик играет в свой увлекательный футбол, но смотрел и на облака, пробежавшие под солнцем, а когда команда наконец разошлась, разбредаясь по траве к западной части Центрального парка, Мэлоун встал и ушёл со спокойной душой. В тот день Мэлоун пришёл к своего рода соглашению с городом: он покидал его, теперь, когда нашёл выход, и его лица больше не удерживали здесь против воли. Он был свободен. Свободен уйти. Свободен даже порадовать Сазерленда в последний раз, появившись на вечеринке на Файр-Айленде, которая до сих пор казалась ему достойной лишь порицания. И был очень весел, когда мы все сели в поезд, по непонятной нам причине, уселся рядом с Сазерлендом,

который сразу уснул.

На полпути к Сэйвиллу* молодой человек с усами и в очках, выглядевший так, будто возвращался домой с урока фортепиано в Кью-Гарденс**, сел напротив нашего маленького табора и, после получаса пристальных разглядываний Мэлоуна, с пылкостью анархиста, собирающегося взорвать тут все, начал мастурбировать.

— В скольких я влюбился в этом поезде, — сказал Мэлоун, поднимая голову от книги, его глаза сверкнули. Он подтолкнул Сазерленда локтем и тихо объяснил, почему нам придется перебраться в другое место; но Сазерленд лишь зевнул и ответил:

— Это зависит, дорогуша, от того, насколько у него большой. Он наклонился вперед и заметил:

— Дорогой мой, не думаю, что это повод звать проводника. Если в этом древнем вагоне вообще он есть, — пробормотал он, снова закрывая глаза; поезд остановился, кондуктор крикнул: «Сейвилл!», мы все попрощались с Сазерлендом и вышли.

Сазерленд остался в поезде, потому что его целью был Ист-Хэмптон, он намеревался все-таки забрать парик, который одна женщина одолжила у него несколько месяцев назад, "и с обычной тактичностью неприлично богатых людей, — сказал он, в таком придыхательно-высокомерно возмущенном тоне, — "позволила своему ирландскому волкодаву описать его, а

* Sayville - поселок на южном побережье Лонг-Айленда.

** Kew Gardens - кварталы в районе Квинс, Нью-Йорк.

потом забыла вернуть".

Парик, как он узнал по прибытии в Ист-Хэмптон, вернулся в город на прошлой неделе вместе с горничной той дамы, и поэтому Сазерленд накануне грандиозной вечеринки оказался в разъездах по Лонг-Айленду в душных поездах метро, в погоне за своими любимыми накладными волосами.

- История целого поколения! - вздохнул он, когда на следующий день наконец добрался на гидросамолёте до Лайнс. Прибытие стало зрелищем, которое я, честно говоря, никогда не забуду: Сазерленд на понтоне гидросамолёта, когда тот причалил к берегу чуть позже трёх, в одной руке - туфли на шпильках, в другой - дайкири, на голове - ярко-рыжий парик, в ушах - крошечные жемчужные серьги. У него было четырнадцать позиций багажа, которые мы должны отвезти домой, и при том он пришел в полное изумление, когда узнал, что Мэлоун где-то на далеком пляже, в другом поселке, зачитывается собранием сочинений святого Августина.

- Мама очень нервничает, - придыхательно заключил он, когда мы, уже в воде, подошли ближе, - из-за слишком многого другого.

Цветы прибыли?

Мы заверили его, что да, и водрузили на головы виттоновские чемоданы.

- Дико извиняюсь за багаж. Знаю, все это так вычурно, - он закусил губу. - Но тогда, когда моя бабушка покупала сумки, в 1926 году, они смотрелись вполне пристойно.

Мы последовали за ним на берег, словно рабы в где-то Камеруне за хозяином, мимо переполненной веранды *Ботеля**, где четыреста лощёных гомосексуалов развлекались коктейлями рядом с белыми боками многочисленных яхт, где, в свою очередь, еврейские семьи играли в канасту, без всякого внимания к толпе в десяти футах** от них; талант игнорировать людей, порожденный лифтами Нью-Йорка.

— Как думаете, этот дом, — сказал Сазерленд, вытирая лоб в великолепной гостиной с зеркалами, — достаточно представителен? Мне предложили соседний за четыре тысячи в месяц, но я лишь ответил, что этого недостаточно. Нет, — продолжал он, прохаживаясь, — я хотел чего-то действительно впечатляющего. Так вот, здесь мы должны выдать нашу дочь. Читает Святого Августина, — фыркнул он, — в Пойнт-о-Вудс***. У Мэлоуна, боюсь сказать, развита меланхолия, что весьма прискорбно, хотя она же — наполовину секрет его успеха. Мы все влюблены в печаль жизни — в эту тоскливую, глубокую, безутешную печаль, которая наполняет его глаза, подобно парфюму от *Guerlain*, название которого сейчас не могу вспомнить. Я старался поддерживать его беззаботность, — сказал он, стоя у

* см. стр. 33

** 3м.

*** **Point o' Woods** - частный, закрытый поселок на Файр-Айленде. Здесь есть такие службы, как паромный порт, универсальный магазин, церковь и пожарные, только членам общины и их гостям разрешается въезжать сюда или на пристань частного парома, приходящего из Бэй-Шор, Нью-Йорк.

стеклянной двери и глядя на море, — но Мэлоун хочет большего, чем может дать Эсте Лаудер, бедный ребенок. Читает Святого Августина, в самом деле! Идеально подходит Джону Шефферу, который, если прочтет еще хоть одну книгу, испортит цвет своего лица. Ну что ж, — вздохнул он, поворачиваясь, чтобы расставить гладиолусы и белые настурции в вазе по своему вкусу. — Дорогуша, есть ли Перье в холодильнике? — посмотрел он в нашу сторону, доставая таблетку из своей коробочки. — Мамочка думает, что хотела бы вздремнуть. Но он снова подошел к стеклянной стене и стал рассматривать тела, прожаривающиеся на пляже в безудержном, свирепом пекле, прямо за песчаной дюной:

— Вы же не думаете, что они так обгорят, что в плохом настроении придут к нам в гости, с таким же горящим темпераментом, как и их кожа? Что ж, — опять вздохнул он, разворачиваясь, чтобы подняться по полированной лестнице, его изящная фигура отразилась в полудюжине зеркальных стен, — нельзя же в их возрасте требовать, чтобы они зашли с солнышка, вздремнули... что разумные девушки из Ричмонда делают с тех пор, как были крошечными...

Его голос затих, он прошел на балкон, чтобы оттуда взглянуть на комнату внизу, поднял руку снимая жемчужные серьги-клипсы.

— Вы хоть понимаете, — сказал он, — что значит быть матерью? Выносить дочь, родить и растить, беспокоясь о её зубах, уроках

игры на фортепиано, первых месячных? Найти ей лучшего учителя французского, лучших подруг и друзей, лучшие школы. Надеяться вопреки всему, что она будет красивой, остроумной и мудрой? А потом получить ее отказ от выбранного тобой миллионера? Если бы вы знали, как страдает Джон Шеффер! – выдохнул он. – Мэлоун считает, что единственная причина, из-за чего сегодня вечером он идет на все это, – шанс, что Джон встретит кого-то другого и влюбится. Конечно же, именно поэтому все и приезжают на этот остров. Господи, какие же глупцы эти смертные! – возвестил он. – Разбудите меня только в самых экстренных случаях! В противном же я хочу спать и выпить всю пользу моих увлажняющих средств! – с этими словами он повернулся и исчез в шлейфе белых занавесок, пробормотав что-то о призраках прошлых вечеринок.

Пока Сазерленд пребывал в чарующем мире белой таблетки, обитательницы его маленького серебряного футляра, из продуктового магазина на тележках прибыли мешки со льдом, а поставщики провизии устанавливали и наполняли бары в комнатах. Пляж опустел, люди вернулись, чтобы подготовить костюмы и наряды, а прекрасные, почти незаметные сумерки опустились на пустынное море. Лишь гидросамолёты, заходившие на посадку с фиолетового неба, еще могли блеснуть в лучах солнца, подсвечивающего остров подобно алмазу в витрине ювелирного магазина и нисходящего в

воды залива Грейт-Саут. Золотистая трава на дюнах отражала этот свет, разгораясь еще ярче, в то время как остальная часть острова уже купалась в синеве и слухах о самоубийстве.

Бесподобные сумерки длились всего лишь мгновение, пока Мэлоун сидел на причале, обсуждая с кем-то очередные сплетни, но встал и направился к людям в гидросамолётах, к лицам, деревьям, лодкам и яхтам, – здесь совсем отчетливо можно было слышать тихий гул местных сплетен, доносившийся со стороны рощицы остролиста. Все собравшиеся на Чайной вечеринке говорили о мальчике, который сегодня днём спрыгнул с крыши в городе и разбился насмерть, а когда тема была исчерпана, – о своих любовных приключениях прошлой недели, новых лицах, музыке вчерашнего вечера, предстоящей вечеринке и, – по крайней мере, в кругу тех, кто сидел с Мэлоуном, когда я пришел на причал и присоединился к ним, – о том, как они собираются возвращаться в город после вечеринки, чтобы сразу пойти в сауну Эверарда. И прежде чем они удалились домой на коктейли, уговорили Мэлоуна лететь с ними.

Но как только все ушли, Мэлоун посмотрел на меня с улыбкой и лишь пожал плечами: он был счастлив в тишине наблюдать, как воздух становится молочно-голубым, как белые мачты и паруса плывут по заливу, без всякой суеты и нужды. На нас снизошло великое умиротворение. Нам почти нечего было

говорить друг другу, ведь мы видели это уже столько лет. Я взглянул на парня рядом. Теперь он был одним из нас – и я начал задаваться вопросом, почему Мэлоун так очаровал нас. В конце концов, он же не был тем, кем мы думали мог быть все эти годы: врачом, дизайнером, жертвой костной болезни, протее кого-то из протестантской церкви. Из всех тех лиц, в которые мы были влюблены, некоторые действительно и были ими; но большинство, кем бы они ни были, растворились среди ферм на севере штата, в Калифорнии или Хэмптоне. Только мы всё ещё были в пути. В стране, где человек – это не более, чем то, что он делает (страна рабочих) или деньги, которыми владеет, Мэлоун, как и мы, утратил всякую индивидуальность. Стал просто улыбкой, набором безупречных манер, мечтательным обещанием, таким же нематериальным, как ветерок, развевающий волосы на лбу. И все эти годы он был столь же потерян, как и мы, среди лиц, музыки, надежд на любовь, удаляясь еще и еще от любой возможности найти её. Через год-другой он уже будет убирать дома и жить один в какой-нибудь тёмной комнате в Ист-Виллидж, не встречаясь ни с кем из своих прежних друзей; а когда будет заходить в старые заведения, чтобы потанцевать, делать того не станет, – а будет стоять на краю танцпола, возможно, танцуя в одиночестве, или отбивать ритм, когда зазвучит особенно хорошая песня. Это случалось с нами всеми. Либо так, либо

путешествие куда-нибудь ещё, например, в Монтану или Орегон, где снова можно запустить ту же иллюзию, с новыми лицами, телами, глазами, в которые можно влюбиться: случайного, проходящего мимо незнакомца. Именно в момент всех этих размышлений мимо на парусной лодке проплывал красивый темноглазый юноша в красных плавках. Он посмотрел на Мэлоуна. Их взгляды встретились, и темноглазый юноша продолжал удаляться, выходя в пролив, поворачивая время от времени голову навстречу закатному бризу, но не отводил глаза, выдерживая контакт как можно дольше, пока его лодка не превратилась в сине-розовое пятнышко в сгущающихся сумерках, опускающихся на залив.

– Вот где я хочу, чтобы были все мои отношения, – улыбнулся Мэлоун. – Просто исчезнуть в закате на Западе.

Ведь латиноамериканские молодые парни наверняка были и в Сан-Франциско, и в Чикаго; и в Лос-Анджелесе, а также в общественных парках Боготы и Рио-де-Жанейро. Эта мысль, – относительно всех тех парней, с которыми он всё ещё мог бы спать (утешение каждого сердца, сохранившего романтику), – растворилась в воспоминании о том единственном, с которым не спал, когда мимо прошла следующая лодка. Она буксировала четырёх воднолыжников, отправляющихся в последний на сегодня заезд, и один из них, красивый пуэрториканский врач, крикнул Мэлоуну:

- Слышал о Бобе? Это разбило мне сердце! Мэлоун кивнул, а затем покачал головой. Самая прекрасная из иллюзий как для гомосексуалов, так и для романтиков: если бы я только любил его...

Чего добивался своей смертью тот двадцатитрехлетний юноша, чья белокурая красота даже Мэлоуна убедила в том, что возможно вернуться к самым истокам растраченной юности, когда они пересеклись вдруг сегодня в спортзале? Лицо его приобрело печальное выражение, когда пришлось пересказывать новость, повергшую весь остров в шок, столь подавляющий, насколько это вообще бывает, и что, когда он вновь говорил об этом сейчас, заставило Мэлоуна вздрогнуть под хлопковой рубашкой. Этот двадцатитрехлетний красавчик, у которого вся жизнь еще впереди; этот парень из Айдахо, — перерезавший себе вены, а затем горло, вдобавок ко всему бросился с девятого этажа многоэтажки, где и жил, на раскаленный тротуар внизу в этот самый жаркий из всех жарких дней года всего четыре часа назад? Чего добился этим? Мэлоун хорошо знал любовника этого погибшего парня, он когда-то был идеалом для Мэлоуна, а любовь между ними, — одним из утешений в этой невротической жизни; а теперь мальчик, с его изящным сложением, грацией газели, длинными ногами и упругими ягодицами, вскрыл себе вены, бросился на тот заплеванный, грязный тротуар, по которому сам Мэлоун проходил почти каждый

день, вдоль которого лишь дюжина дешевых бакалейных лавок и подвальных рюмочных, перед входом в которые распивали виски и делали ставки. А этот светловолосый юноша из Айдахо разбился о горячий, жесткий тротуар на глазах у вечно пьяных карточных игроков, возненавидев свою юность, свою красоту, своего любовника. Из всех людей, которых Мэлоун выслушивал, кому пытался помочь, он теперь чувствовал себя каким-то образом ответственным за самоубийство этого парня; ведь провел много дней в спорткомплексе YMCA рядом с ним, занимаясь атлетикой.

– Почему я не переспал с ним? – высказал он неожиданную, но многое, казалось, объяснявшую мысль. – Когда мы все так ужасно одиноки. Самое легкое ведь, что можем сделать в этой жизни, – это просто любить друг друга... просто обнять и поцеловать...

Он был прав, конечно; Но как можно любить всех? Если бы достаточное количество из нас так любили, – возможно, исходя из какой-то арифметической прогрессии, – каждый получил бы этот дар.

Но это были бесполезные размышления для тех из нас, кто остался, кто не собирался бросаться со зданий под воздействием летней жары, любовной ссоры, наркотиков, – подумалось мне, сидя здесь и сейчас. Для остальных из нас такого конца не было, как и славного наследия любви: судьба в Америке принципиально иная, как знал Мэлоун,

рассматривая воду у своих ног: человек возвращается к работе, покупает дом, смиряется. В детстве Мэлоун посвятил свою жизнь Христу; став взрослым, – какому-то авантюрному идеалу гомосексуальной любви – ну, оба оставили его ни с чем. Некоторое время мы провели в тишине, пока толпы пришедших к заливу с напитками, чтобы посмотреть на закат, возвращались к своим лодкам, вечеринкам и ресторанам.

– Ну, дорогуша, – сказал Мэлоун, поднимаясь с тем выражением и приобретенным с годами умением избегать серьезности, возвращаясь к беззаботности, то есть буквально перемещаться с похорон на вечеринку, – пойду-ка я уложу волосы и подберу подходящий лак для ногтей, – он взглянул на меня сверху вниз и улыбнулся. – В конце концов, это же моя помолвка.

И мы ушли с причала, как раз когда заходил на посадку гидросамолёт с Джоном Шеффером, двумя пожилыми дизайнерами, с маленькими лхассскими апсо* на коленях, диджеем, который должен играть на вечеринке, и семнадцатилетним марокканцем из Бруклина, которого Сазерленд и Джон обнаружили во время одного из своих рейдов по городским районам.

К тому времени, как понтоны самолета коснулись воды, уже стемнело, и Джон Шеффер сошел на берег, прямо в толпу возвращавшихся с Чайной вечеринки, касаясь чьей-то обнаженной груди, бронзовых

* длинношерстная порода собак, родом из Тибета.

рук, вслушиваясь в мягкие и приятные голоса, разливающиеся в вечернем воздухе, смех и сплетни. Гавань наполнили огни фонарей, отражения дрожали на воде, лёгкий ветерок игрался фалдами и фестонами навесов, а миллионер и диджей, которые никогда здесь раньше не были, бродили по набережной, пока не узрели Сазерленда, стоящего в ночной рубашке и парике на верхней террасе дома, в перекрестье прожекторов и облаке брызг морской воды. Он проснулся, чтобы поужинать. Они разделили на троих жареную курицу, пока Сазерленд, всё ещё до конца не проснувшийся, пытался отвечать на возбуждённые вопросы Джона Шеффера:

– Эти мужчины, с которыми я летел..., – сказал Джон Шеффер, – один из них впервые взял сюда своего немецкого друга, я слышал, как он сказал немцу:

– Ты должен помнить, что все парни, которые приезжают сюда, влюблены лишь в себя.

Он отставил жареную куру.

– Думаете, дело в этом? – воскликнул Джон.

– Влюблены в себя? Сазерленд взмахнул крылышком и некоторое время молча смотрел на него. – Ну, ты же знаешь, что мы, гомосексуалы, всего лишь разновидность вросших ногтей на ногах... Озабочены лишь вниманием к себе...

– Но... – сказал Джон Шеффер, – но я же влюблён в Мэлоуна, а не в себя.

– Конечно, – ответил Сазерленд. – Да, не волнуйся, – вздохнул он, надкусывая

крылышко, — у тебя же член толстый, как сосиска, любовь обязательно найдётся в той или иной форме. Кстати, — обратился он к диджею, — что вы делаете сегодня вечером? Думаю, очень важно, чтобы хозяйка и диджей были под одним и тем же наркотиком. Как думаете, стоило мне написать об этом в приглашении? Подозреваю, что большинство девушек будут накуренные, не так ли? — они, Сазерленд и диджей, начали обсуждать различные наркотики, популярность которых росла-падала тем летом, и не поступала ли недавно с побережья Ангельская пыль. Джон Шеффер воспользовался возможностью, чтобы удалиться к раковине и начать мыть посуду, слушая этот странный разговор.

— Ох, — зевнул Сазерленд, — я слишком стар для этого. Столетия назад эти дела внушали мне внутреннюю дрожь, а теперь я хочу, чтобы все они ушли домой, а они даже еще и не приходили. О, добрый вечер, дорогуша, — улыбнулся он, когда первый огромный головной убор показался в дверях.

Есть просто вечеринки и вечеринки Файр-Айленде, а Сазерленд, который последние пятнадцать лет своей жизни не посвятил себя чему-либо целенаправленно, по ходу дела научился устраивать действия: он много где был, так что теперь точно знал, почему самые лучшие стали легендарными. Это было публичное мероприятие. На этот раз люди приехали поездом и паромом из Хэмптона и Монтока*; из Парижа и Сан-Франциско —

* Montauk - поселок на восточной оконечности Лонг-Айленда.

самолётом. Люди из прошлого, которых не видно было пять лет, снова появились и выстроились на набережной снаружи, шелестя перьями на ветру. Они потратили недельную зарплату на свои костюмы, в полном убеждении, что здесь будут из журналов *Women's Wear* и *Interview*; кто-то с кабельного телевидения уже брал интервью у гостей на набережной; но большинство лиц были настолько незнакомы Сазерленду, что он был очень признателен, когда его внезапно обняла *Болотная Леди* – древняя королева, приезжавшая в *Пайнс* с тех пор, как здесь было лишь скопление хижин, занятых поэтами, и наблюдавшая, как каждое лето все это превращается в *Малибу*, наводнённое толпами молодёжи. И вот, она пришла. Театральные агенты и актрисы, модели и свита нового дизайнера; звезды *Уорхола* прошлых лет; опять же, прилетевшие из *Токии** и *Далласа*, глазные хирурги из *Омахи* и *Фёникса*; мальчики, прожившие в *Риме* десять лет: все они были здесь. К ужасу Сазерленда.

– Дорогая моя, – выдохнул он, когда мимо прошла очередная толпа странных королевн, – кто все эти люди? И они начали плакаться друг другу на свою старость.

К трём часам диджей играл самбу для этой толпы незнакомых персонажей, и платформа, выстроенная над бассейном, начала заметно резонировать в ритме танцующих, когда биржевой маклер из *Kuhn, Loeb*** расчистил

* *Topeka* - административный центр шт. Канзас. Основан в 1854г.

** *Kuhn, Loeb & Co* - американский многонациональный инвестиционный банк. Основан в 1867г. С 1984г. - подразделение *American Express*.

себе пространство, чтобы устроить вихрь из страстного танца и бледно-зелёного органди*. Сазерленд попытался вспомнить сцену, смутно похожую: освобождал ли он так себе место для танцев на вечеринке Лео в 1969 году? В том же облачении? Но на ум ничего не приходило, он вздохнул и сказал Мэлоуну:

- Каждая таблетка кислоты, как мне говорили, уничтожает сотню нейронов. И они с изумлением переключились на пятерых очень молодых и симпатичных латиноамериканцев, танцевавших обнявшись, под деревом остролиста.

- Молодые девушки, пришедшие по воду, - подумалось Мэлоуну.

В четыре часа поднялся какой-то шум, - Мэлоун и Сазурленд с радостью увидели в дверях Лавалаву и Испанку Лили**, пререкающихся с охранником.

- Она мусор в лицо мне бросила! - возмущался охранник. - У неё нет приглашения, и я сказал ей идти домой! Лавалава махнул розовым боа в сторону охранника и разразился потоком испанских слов.

- О, она может остаться! - сказал Сазерленд, вспомнив ночи в Двенадцатом этаже, а также, что Лавалава много лет назад убил своего друга с помощью вуду. - Мы же не хотим, чтобы она вернулась домой и сделала маленьких кукол с нашими лицами, -

* очень легкая, полупрозрачная хлопковая ткань.

** см. стр. 57

пробормотал он Мэлоуну. А разозлившийся охранник ушёл. Лавалава позвал своего спутника — высокого, темноволосого, красивого мужчину в розовых колготках и зелёных подтяжках поверх голой груди. В нём было что-то располагающее, когда тот на мгновение замер, оглядывая толпу, но и что-то потаенное, зловещее.. Сазерленд лишь тихо и глубоко вздохнул: «Фрэнки!»

Фрэнки? Или кто-то, похожий, ведь в Нью-Йорке каждый сезон появляется дюжина Фрэнки: смуглые, угрюмые парни с серьезными глазами и лицами, которых мгновенно представляешь на кровати в темной комнате. На этой вечеринке было несколько таких Фрэнки, и когда Мэлоун вернулся со своего званого ужина в Уотер-Айленде, а Сазерленд поделился с ним своими опасениями, тот лишь сказал:

— О, я знаю, он был на пароме, шедшем сюда. Не волнуйся. Наконец-то все кончено. Он живет у какой-то богатой старой кубинской королевы в перьях, любит Остров, а мной интересуется не более использованного попперса, — они наблюдали за тем самым Фрэнки с балкона, стоящим внизу под ними в окружении людей, то и дело подносящими ему попперсы к носу и танцевавшими вокруг него. Фрэнки снял рубашку, Мэлоун улыбнулся. Потому что круг замкнулся. Это было последнее доказательство, последний фрагмент данных, который лишь подтверждал взгляды Мэлоуна на весь мир: этот образ Фрэнки, танцующего без рубашки, обожаемого

всеми окружающими, осознающего свою красоту. И он был не один.

Мэлоун стоял с Сазерлендом на балконе, поражаясь количеству таких красивых парней на этой вечеринке, огромному количеству тех, кого они даже не знали, — особенно молодых, впервые пришедших. Тихие, как олени, некоторые даже подходят к твоей руке за солью: темные глаза широко раскрыты, блестят от удивления и страха, — чувств, которые все испытывали, впервые увидев жизнь такой, какой всегда представляешь в своих мечтах... и, конечно же, столь многих других, таких же, как они сами, столь многих, в которых вполне можно влюбиться.

Старая магия, сотканная из света, музыки и людей, впервые завораживала, и от этого их лица становились ещё трогательнее.

Друзья подошли обнять Мэлоуна, люди, которых он знал много лет, — уже сколько, что не хотелось и думать. Все смотрели на новые лица со странным ощущением собственной смерти, ведь они все тоже когда-то были такими новыми лицами. Да и каждое лето на Острове восходит звезда: юноша, присоединившийся к маленькому обществу с молодостью и красотой, которые тот только начал растрачивать (а что ещё с ними делать?). Старые друзья, обнимавшие Мэлоуна и Сазерленда, у каждого из них было своё лето, когда-то точно также трепетали и замирали, когда молодые, тихие и нервные, как оленьята, приходили на такую вечеринку. А теперь гадали, — как и мужчины тогда

гадали насчет них, – смогут ли затащить кого-нибудь из этих звёздочек в свою постель, или они старше, чем кажется самим? Неужели теперь им столько же лет, сколько тому давно забытому человеку, смотревшему так на них в то первое лето с ужасным отчаянием на лице, и с которым они отказались даже встретиться? Всё это не беспокоило Мэлоуна. Мысленно, он видел это в последний раз. Мог наслаждаться этим, как не наслаждался с тех пор, как впервые приехал на Остров много лет назад.

– Посмотрите на него! – воскликнул Мэлоун, хватая человека рядом, голосом, полным того восторга, который все в нём любили и к которому стремились, когда их собственная способность удивляться исчезала. – Умереть можно! Умереть! Что за зелёная футболка! О боже! Сделайте мне переливание! До слез! Безупречно! – он повернулся к Джону Шефферу, стоявшему рядом с ним и желавшему пригласить Мэлоуна на танец, но совершенно без понятия, как это сделать, и сказал: – Ты должен признать, – это невероятное место – мы, привыкшие к нему.. – Совсем чуть-чуть, – придыхательно заметил Сазерленд, стряхивая пепел в толпу внизу. – Забудьте о безупречном стиле и красоте всего этого, – продолжал Мэлоун, – в этом доме. Поскольку это и есть всё то, что мы когда-то увидим, когда земная жизнь закончится.

– Я рад, что тебе нравится, – сказал Джон Шеффер с улыбкой.

- О, да я это терпеть не могу, - парировал Мэлоун. - Вот как? Почему? - выдохнул Джон, уставившись на Мэлоуна. - Потому что... потому что... о, наверное, потому что мне тридцать восемь, - сказал Мэлоун. - Боюсь, всё сводится к этому. У тебя всё это впереди, а у меня - позади, - ответил он Джону Шефферу. - Я на полпути, дорогуша, - проговорил он с интонациями типичной королевы, чтобы развеять сложившийся вокруг себя ореол, разрушить те самые качества, в которые влюбился Джон. - У меня менопауза, перемены в жизни, приливы, понимаешь. Интересно, сколько я ещё смогу обходиться без пересадки волос и действительно ли *Жермен Монтейль** помогает от гусиных лапок. С меня хватит, я прошла через всё, я пресыщенная королева. Но у тебя, дорогуша, есть дар, потеря которого всю оставшуюся жизнь сделает торжественными похоронами, иначе, как думаешь, зачем эти седовласые джентльмены, - кивнул он на своих друзей на танцполе, - зарабатывают деньги, покупают дома, путешествуют по миру? Иначе почему их круг сужается до узкого общества близких друзей, фермы на севере штата, и в конце концов они становятся просто бизнесменами, владельцами магазинов, декораторами, которым нравится, когда их дома полны цветов, а друзья летают самолетами *Air France*, а напротив них за столом сидит кто-то симпатичный, вроде

* *Germaine Monteil Cosmetiques Corp.* - компания, основанная французским модельером и косметологом Жермен Монтейл в 1898г.

тебя? Всё дело, дорогой мой, в том, что они уже не молоды. Потому что они больше не живут в том волшебном мире, который принадлежит тебе ещё лет десять. Юность в Америке заканчивается в тридцать.

Джон Шеффер стоял там, конечно, в полном изумлении, не желая ничего этого слышать, потому что любил Мэлоуна.

– У тебя впереди десять лет этой молодости, – язвительно продолжил Мэлоун, потушив сигарету в тарелке с заливным, – а я профессиональный педик*. Ведь что такое гей-жизнь? – сказал он, рассматривая танцпол сверху, – как не машинки с резиновыми бамперами в парке развлечений, которые сталкиваются и отскакивают друг от друга? Прямо как в гонках на выживание. Он приобнял Джона Шеффера и по-доброму произнес:

– Запомни одно: если я могу оставить тебе хоть что-то, если мои годы в этой жизни принесут тебе хоть какую-то пользу, пусть это будет именно оно. Не забывай, что все эти люди – прежде всего визуалы: дизайнеры, оформители витрин, модели, фотографы, графики. Они оформляют витрины в *Saks*. Понимаешь? Это визуалы, и они ценят зрительные впечатления, их грехи, как говорил святой Августин, – грехи глаз. И от людей, живущих прежде всего зрительными впечатлениями, нельзя ожидать наличия ума или сердца. Звучит абсурдно, но так просто. Здесь всё красивое, но не более того, –

* faggot в оригинале

красота прежде всего. Не жди ничего другого, не жди пищи ни для чего, кроме глаз, – и ты справишься со всем этим превосходно. Ведь ты будешь точно знать, с чем имеешь дело, – напутствовал Мэлоун, обнимая Джона Шеффера, когда они предстали перед толпой танцующих, состоящей из одних красавчиков.

– Но я не хочу с этим разбираться, – сказал Джон Шеффер, поворачиваясь к Мэлоуну. – Я хочу объехать с тобой весь мир. Езжай, куда захочешь. Я люблю тебя, – сказал он.

– О Боже! – засмеялся Мэлоун, но и одновременно вздрогнул, почти заметно. – Эти слова. Выкини их из своего лексикона, что избавит тебя от многих проблем. Ты меня не любишь. Я профессиональный педик. Чему я могу тебя научить? – следовало переходить уже к тому, чтобы этот момент остался позади. – Равнодушие – величайший афродизиак, – осторожно начал он, пытаюсь в три минуты суммировать опыт этих десяти лет и правильно изложить его для парня, которому передавал, так сказать, эстафетный факел. – Никогда не недооценивай значимость равнодушия, это, в конце концов, великая свобода. Постарайся не быть застенчивыми, – сказал он, – или слишком критичным. Не стоит и впадать в уныние при поисках того, кто сделает счастливым, и нужно помнить, что подавляющее большинство гомосексуалов ищут сверхчеловека, которого можно полюбить, – им очень трудно любить просто человека, которыми мы, к сожалению, все и

являемся. О, Боже, давай танцевать! – сказал он, когда донеслись первые аккорды из Зулемы*.

Диджей миксовал старые песни с новыми, в отличие от посредственных городских диджеев, (которые, должно быть, играли больше новые, те, которые любит публика; или, что ещё хуже, то, что эта публика никогда не слышала), а старые песни возвращали людям волшебство прошедших сезонов. Мэлоун танцевал с Джоном Шеффером немного в стороне от танцпола, передавая его, наконец, музыке и без слов показывая движения, которые тому нравились. Они танцевали вместе, словно влюбленные, но любовь Джона Шеффера вызывала в Мэлоуне лишь мрачное чувство отчаянной вины. Они были друг напротив друга, на противоположных концах иллюзии. И тут раздались первые, безошибочно узнаваемые ритмы бас-гитары, первые ноты той песни, которая заставляла всех в Двенадцатом этаже вопить в едином порыве экстаза, те первые повторяющиеся низкие ноты, относительно которых Сазерленд однажды вечером с большим юмором высказался, что "каждый аккорд, – как толчок пениса", – и эта необычная музыка, обладала силой, – пусть и была всего лишь песней, исполнявшейся на дискотеках всего год, никогда не пользовавшаяся там особой популярностью и не всплывавшая на публике, – изменить всю атмосферу этого места. Мэлоун подтянул

* см. прим. стр 52

Джона Шеффера к себе, прикрыл ему глаза и начал шептать слова вслед за Пэтти Джо:

- Сделай так, чтобы я тебе доверяла, что любовь может быть настоящей.

Когда тот наконец открыл глаза, они были безумными.

Уже на балконе, весь мокрый от пота, рубашка-поло прилипла к груди, на лице радостное возбуждение, то самое, из-за которого думали, что он под спидами, хотя на самом деле это было не так, Мэлоун радостно задумался, а хорошо, что есть мужчины, которые любят других мужчин.

- Как вечеринка, дорогуша? - спросил он Сазерленда, поймав его за руку, обтянутую перчаткой, когда тот пронесся мимо в вихрях тафты. Сазерленд помахал мундштуком:

- По шкале от одного до нуля? Невероятно, дорогуша, - ответил он, обнимая Мэлоуна. - Пришли абсолютно все. Кроме Пэм Тоу, слава богу... Не испорти мне прическу, - чуть отстранился он. - Мамочка так рада. Сосиски в тесте были восхитительны, музыка просто убойная, и, похоже, все сидят на одном и том же наркотике, что действительно важно. Туалеты, конечно же, полны насасывающих члены, а я даже не могу добраться до ящика с моей всемирно известной коллекцией редкого и антикварного валиума. Ты счастлив, дорогуша?

- Да, - сказал Мэлоун, снова обнимая его. - Даже Джон отлично проводит время, а Фрэнки - звезда лета.

- Я и не говорил, что у тебя нет вкуса, -

вкрадчиво заметил Сазерленд. — Он, представляешь, купил дом во Фрихолде, Нью-Джерси, — сообщил Мэлоун, когда они на мгновение присели, а Сазерленд снял атласные туфли.

— Ого, рассказывай, — сказал Сазерленд, массируя ногу.

— Да, у него теперь двадцать тысяч в год, и еще будет пенсия. Никогда не говори, что Америка не рай для рабочих!

— Дедушка всегда так говорил, — вздохнул Сазерленд. — А у нас нет денег на автобусный билет до Денвера. Ну что ж, мы жили для другого, — улыбнулся он, Мэлоун же обнял его, прижал к себе.

— По крайней мере, — прошептал он ему на ухо, — мы научились танцевать. Ты должен признать это. Мы хорошие танцоры.

— А что, — согласился Сазерленд, — важнее в этой жизни? Ничего!

Им вдруг стало грустно в объятиях друг друга, и они просто тихо сидели, внезапно, на мгновение, почувствовав усталость, или даже за все эти годы, да и вечеринка, казалось, гремела где-то там; Мэлоун, который стал страдать бессонницей, поскольку беспокоился о своей жизни, начал чувствовать сонливость, — показатель счастья, — но внезапно Сазерленд, озадаченно взглянув поверх плеча Мэлоуна, заметил высокого, худого, бородатого человека, стоящего в коридоре, угрюмо рассматривающего их.

— Кто это? — спросил Сазерленд.

Мэлоун, оглянувшись, ответил ему на ухо:
– Роджер Дентон. Королева размера, из Сан-Франциско, потому что он сменил Нью-Йорк, так как у него там уже все были. И вот, вернулся, дорогуша, ищет новую добычу.

– О, ля, ля, – вздохнул Сазерленд, всё ещё обнимая Мэлоуна за шею, – отправь её в ту деревню на Филиппинах, где полно молодых парней, которые все такие же. Не волнуйся, – улыбнулся он Мэлоуну, выскользнув из его объятий и поднявшись, приветствуя гостя. – Билеты куплены. Милый! Как дела? Сан-Франциско, как говорят, город выходного дня? – и он обнял гигантского богомола, только что прибывшего следом за Роджером Дентоном.

Толпа внезапно взревела, когда погасло освещение, а зал окутал приглушённый красно-лихорадочный свет, и в тот же миг на верхней площадке лестницы появился Джон Шеффер, до ужаса бледный.

– Я ждал тебя, – сказал он Мэлоуну, в глазах была боль.

Мэлоун взял его за руку, повёл на балкон, обнял, когда послышались скрипки *Темы любви**. Они облокотились на балюстраду, чтобы смотреть вниз, на происходящее.

Час спустя Мэлоун утащил Джона Шеффера вниз по лестнице, потому что в этот момент началась *Местный закон***. А это была одна из тех вечеринок, с которых никто

* *Love's Theme* (1965) - инструментальная композиция Барри Уайта. Вышла синглом в 1973г. под лейблом *Love Unlimited Orchestra*.

** см. прим. стр. 52

не собирался уходить: всё было так, как они хотели. Люди, музыка, наркотики, само это место. Около пяти Мэлоун и Джон Шеффер, изнуренные, вспотевшие, вышли на террасу, где я протираю стаканы. Джон вернулся в дом за вином, а Мэлоун спустился по лестнице с веранды к заливу. Его лицо было спокойным, безмятежным и свежим, какими бывают некоторые лица после ночи танцев.

— Что ж, — сказал он, снимая пропотевшую зеленую рубашку-поло и обувь, входя в воду, — по крайней мере, я научился танцевать. Он увидел меня и крикнул:

— Передай Сазерленду, что это была чудесная, восхитительная вечеринка, скажи, что я уезжаю на Запад, скажи, что напишу. Он зашел глубже, пока я стоял там.

— Я буду счастлив работать в каком-нибудь городке в Айдахо и жить достойной жизнью. Сначала выстрою себе хижину, а потом пойду учиться на стоматолога, — сказал он, уже по пояс в тихой, тёмной воде залива, обернувшись, чтобы помахать на прощание. Его стройная белая фигура и печальный взгляд были хорошо различимы в пульсирующих световых всполохах залитого светом дома, а затем, с одним всплеском, внезапно все это исчезло в темноте.

Я стоял у кромки воды и размышлял, стоит ли мне броситься за ним, особенно после его рассуждений о молодом человеке, который покончил с собой в тот день на Манхэттене. На таких вечеринках постоянно кто-то умирает, пытаюсь разнюхаться попперсом на

дне бассейна или прыгая с балкона под Ангельской пылью, но, прислушавшись, я не услышал криков о помощи. И тёплая, тёмная ночь окутала меня, пока я стоял с подносами, заполненными стаканами, салфетками, среди разбросанных шарфов и лент.

– Мэлоун! – крикнул я. Но ответа не последовало.

В то время как Мэлоун переплывал залив, Сазерленд искал успокоения по-своему. Он всё ещё был увлечен вечеринкой, когда стало известно, что двенадцать человек погибли в пожаре в сауне Эверард, и прошёл слух (через одного из парней на причале, который слышал, как Мэлоун вроде бы говорил, что зайдет туда после вечеринки), что Мэлоун тоже погиб в огне. Думал ли Сазерленд, что Мэлоун вернулся в сауну? И, предположив худшее, поднялся наверх и принял таблетку? Или пошёл в свою комнату ещё до того, как Мэлоун исчез из его жизни, просто потому, что вечеринка вымотала его? Как бы то ни было, незадолго до рассвета он проснулся (а кто бы не проснулся в этом оглушительном реве музыки) и потянулся за новой таблеткой снотворного. В тот вечер он принял так много всякого рода веществ, мешая их в крови с невозмутимостью химика в исследовательской лаборатории, и даже не вспоминая, что именно принимал недавно, в полусне рефлекторно потянулся за новой таблеткой.

Подтянул к себе подушку, и вскоре после того, как далекие аккорды *Темы любви* начали взбираться вверх по лестнице и по коридору, его сердце перестало биться. Организатора *Вечеринки в розовом и зеленом* никто особо не стремился искать, не говоря уже о каких-то благодарностях, до вторника, когда в комнату вошел писатель, взявший небольшой отгул посреди недели, чтобы закончить книгу о гомосексуальном мышлении, и который, как оказалось, планировал взять интервью у Сазерленда. Писатель обнаружил на столе рядом с телом записку, которую Сазерленд оставил, чтобы отвадить гостей, которые могли бы заглянуть в его спальню, и в которой не было ни слова о самоубийстве – ведь Сазерленд не питал особой симпатии к самоубийствам и еще меньше к предсмертным запискам: *Не будите меня. Было очень мило с вашей стороны зайти. Я позвоню в городе. Целую.* Затем следовал целый лес крестообразных символов, так похожих на кресты, но на самом деле это были поцелуи.

В письме, которое Сазерленд когда-то написал о похоронах своей мечты, говорилось, что его должны были разместить перед главным алтарем Кёльнского собора, когда оркестр исполнял бы *Павану** по *мёртвой принцессе***. Но вместо того его

* медленный танец-шествие, очень популярный при дворах Европы в XVI и XVII вв.

** *Pavane pour une infante défunte* (1899) - произведение для фортепиано-соло французского композитора Мориса Равеля.

отправили к Фрэнку Э. Кэмпбеллу* на Мэдисон-авеню. Поминки были именно такими, какие понравились бы Сазерленду: на них присутствовали все, кого он считал способными на это помимо просто формальности, но кто мог бы провести его в мир иной буквально в танце: вся та толпа, которую Сазерленд называл жесткими сиськотрясами и с которыми танцевал почти двадцать лет. Пришли также дилеры, астрологи и экстрасенсы. Хотя на неделе гей-похорон было особое множество, к нему пришла половина Седьмой авеню, и те, чьими именами обыденно пестрят колонки газет и журналов: человек из Холстона зачитал трогательную надгробную речь, а одна из двух египетских наследниц – несколько строк Шопенгауэра, и Сазерленда кремировали. Гроб был закрыт, что вызвало у парикмахера в салоне *Cinandre*** вопрос:

– Но как можно на самом деле знать, что он умер?

Другие подходили к старой подруге Сазерленда (королевне давно на пенсии, которая для Сазерленда значила то же, что Сазерленд для Мэлоуна) и утверждали, что покойный должен им денег. Другие, – старая гвардия нью-йоркских экстрасенсов, которые всё ещё практиковали подобные вещи и считали одолжением предложить свои услуги подобным же образом, – спрашивали, могут ли

* Frank E. Campbell's Funeral Chapel - похоронное бюро и ритуальная часовня в Нью-Йорке. Основано в 1898г. Именно здесь, через два года после публикации романа Холлерана, будут прощаться с Джоном Ленноном.

** культовый парикмахерский салон в Нью-Йорке.

они связать нас с Сазерлендом теперь, когда его не стало. Какой-то профессор, но из солидного университета, заметил, что Джон Куинси Адамс и Томас Джефферсон умерли в один день, с разницей меньше четырёх часов, на День независимости*; и уход Мэлоуна и Сазерленда в одну ночь столь же любопытен, и даже более знаковый, особенно для некоторых королевн. Вся разношёрстная толпа, прибывавшая сюда, все те, кого Сазерленд снабжал наркотиками на протяжении многих лет, были в восторге: модели, иллюстраторы, сутенёры и мошенники, парни вроде Лавалавы и Испанки Лили, жившие только танцами, гуру йоги и учения Кришны, антиквары и сценаристы, ювелиры и врачи, психиатры, тяжелоатлеты, официанты и копирайтеры. Почти все они решили, что Сазерленд покончил с собой. Говорили о карме, о смерти, как человек жил, и о возвращении того, что отдал. В конце концов, на вечеринке присутствовала Ангельская пыль, и никто не был сам собой под воздействием этого наркотика. Так они продолжали сплетничать в тот вечер, как и в последующие. Никто не удосужился скорректировать чью-либо интерпретацию произошедшего; теперь это не имело значения, тем более для покойного, чей призрачный смех мы слышали всякий раз, когда видели этих людей в комнате: мигрантов из Южного Бронкса, сделавшихся гораздо богаче и успешнее Сазерленда в

* 4 июля

плане карьеры, немыслимой для человека с таким воспитанием, как Сазерленд; ведь Сазерленд, хоть и был в некотором смысле сутенёром, но никогда не стал бы копирайтером.

Пленка, звучавшая на поминках, была записью, которую Сазерленд и Мэлоун когда-то объявили величайшим произведением искусства со времен Сикстинской капеллы, сделанной пять лет назад, когда они были наиболее счастливы, на Файр-Айленде, диджеем, который теперь обретался в Париже, миксуя треки для гей-графа. Сразу после скорбящие отправились на открытие новой дискотеки в Сохо. Теперь дискотек вообще было слишком много, и песни, которые можно было услышать там, стали тем, что мы считали музыкой для катания на роликах. Но эти люди никогда не перестанут танцевать. Единственным членом семьи Сазерленда, который когда-то тоже переехал на север, был лысый, прекрасных манер мужчина, его брат, о существовании которого мы не знали; но с другой стороны, невозможно было представить Сазерленда, у которого вообще была семья, состоящая из обычных людей в обычном доме на обычном углу улицы, с подъездной дорожкой, на которой дети играют со шлангом в жаркие субботы лета. Его мать сильно болела в Ричмонде и могла не перенести поездки. В каком-то смысле все эти знания были к лучшему; ведь большинство из нас забыло, что у них есть семья, проводя дни и ночи среди королевн в Нью-

Йорке. Семья принадлежала тому непостижимому прошлому к западу от Гудзона, что когда королева выпрыгивала из окна и мы слышали о семье, отправившейся на восток за телом, – это было ровно также, чтобы слышать, что некий дух явился из тьмы забрать мертвых и вернуть их туда, где они некогда были разделены Тремя сестрами*, на холмы Огайо или Вирджинии. А семьи, чтобы оплакивать Сазерленда, не было. Джон Шеффер в тот момент находился у берегов Новой Шотландии**, почитывая Пруста в серебристом сиянии солнца, свободно простиравшемся на мили вокруг. Единственной фигурой, по кому скучали, скучали все, кто годами видел их вместе, полагая, что они любовники, был Мэлоун. Именно отсутствие Мэлоуна стало главной темой разговоров; потому что к тому времени слух о его гибели при пожаре в банях Эверарда стал общепринятым, и тот факт, что он не присутствовал на поминках, был сочтен неопровержимым доказательством. Мэлоун сгорел вместе с грязными матрасами, королевнами, очнувшись в одурманенном смятении в объятиях какого-нибудь незнакомца и обнаружившими вдруг пылающие стены вокруг, со ста тридцатью кроватями, на которых он любил стольких темноглазых ангелов, словно человек, приникавший к водам святого источника. Так или иначе, именно этот образ я сейчас

* Клото, Лахесис и Атропос - богини судьбы в древнегреческой мифологии, во власти которых находятся нити жизни всех людей.

** Nova Scotia - провинция на юго-востоке Канады, преимущественно на одноименном полуострове.

вспомнил, их тех зимних ночей, когда мы все шли в Эверард, особенно после благословенных танцев в Двенадцатом этаже, когда единственное, что могло дополнить музыку, – это объятия возлюбленного. Я наткнулся на Мэлоуна в тёмном коридоре третьего этажа, у маленького окошка, из которого люди выпрыгивали при пожаре, ломали кости и умирали, словно тараканы, спасающиеся из раскалённой печи. В ту ночь было холодно и шёл снег, и от этого коридор, заполненный полуголыми телами, казался ещё более соблазнительным. Мэлоун стоял у окна, смотрел на падающий снег сквозь паутину ледяных кристаллов, образовавшихся на оконном стекле, наблюдая, как снег мягко опускается на Двадцать восьмую улицу, оседает на крышки мусорных баков, на серебряных, разверстых пастях уличных фонарей; в то время как рядом с ним проскальзывали тела мускулистых мужчин, желавших привлечь его внимание, думая, что стоит Мэлоуну их увидеть, и они его не упустят. Но он лишь продолжал стоять там, в доме плоти, храме Приапа, рассматривая сверкающий снегопад. Вот так. Это и есть тот образ, Мэлоун – в скоплении чувственной плоти, замороженный холодной, одинокой, пустынной улицей.

Однако сейчас, осенью на улице перед похоронным бюро, где я стоял, наблюдая за потоком покидающих здание скорбящих, отправляющихся сразу на танцы открытия

фламинго*, было свежо и трепетно. Осень всегда придавала нашей жизни невыразимый оттенок надежды, ведь зима означала если не новые любовные приключения, то, по крайней мере, смену одежды. Как странно, как прекрасно, что в конце концов лето кому-то надоедает, и хочется покинуть пляж, чтобы снова увидеть лица в драме ранних сумерек. Я замер на мгновение, прислушиваясь к звукам закрывающихся дверей такси, шуму деревьев на холодном ветру, налетевшем из Канады, крикам гусей, которые всё ещё летели на юг над пустынным пляжем, недавно покинутым всеми этими толпами. Всё – закрывающиеся двери, исчезающие лица, званые ужины, свидания, любовные интриги, тела, улыбки – было, как и Мэлоун, неуловимым и захватывающим. Из темноты слышался голос, так похожий на голос Сазерленда, низкий, с придыханием голос, всегда создавший впечатление, что говорящий побывал в каком-то чудесном месте и вот-вот отправится в ещё более экзотическое (в конечном счёте, обещая Нью-Йорк).

– Дорогой мой, – обращалась к нам королева предыдущего поколения, во многом научившая Сазерленда его стилю, – как ты думаешь, правы ли девушки, когда говорят, что только наши любовники – наши друзья? Или, что ещё хуже, что у каждого из нас в Готэме только один друг? Если бы он только проснулся от этого сна, Сазерленд, мог бы танцевать с нами сегодня вечером.. Помолимся, дорогие,

* см. прим. к стр. 10

чтобы он обрел такого же ангела, как и он сам, и чтобы для тех из нас, кто ещё остался на земле, музыка на этой помойке не была бы слишком ужасной, – и, помахав рукой, он исчез в темноте, показавшейся впервые за этот вечер, наступившей так рано.

Дорогуша,
Кстати, у Испанки Лили случился передоз
какого-то странного нового наркотика, к
которому даже любители Ангельской пыли не
притронутся, так что мы больше не увидим её
на танцполе. Джон Шеффер уехал в Европу,
чтобы либо побродить по Немецким Альпам,
либо поступить в Лондонскую школу
экономики, или и то, и другое; с двадцатью
шестью миллионами это неважно — и её тоже
мы больше никогда не увидим. Фрэнки стал
настоящей местной королевой — он бросил ту
кубинскую тусовку и теперь на содержании у
какого-то парня, чья семья владеет почти
всем Сиднеем, Австралия. Половина тех, кто
раньше ходил к Сазерленду за весельем,
переехали в Сан-Франциско, а Рафаэль, как я
слышал, открыл цветочный магазин в Квинсе.
Ведь, дорогуша, что происходит с
большинством этих людей? У них случается
интрижка, а потом они исчезают. В конце
концов, им приходится устраиваться на
работу телефонистками, барменами, открывать
с кем-то еще магазин ламп в каком-нибудь
маленьком городке в горах Сан-Фернандо*.
... другие тотчас занимают их место... но в
основном просто исчезают, и ты забываешь о
них, пока однажды вдруг не начнется
определённая песня, чтобы вспомнить.
Что ж, но никто не забудет Мэлоуна; однажды

* San Fernando - горы в Калифорнии, неподалеку сильно урбанизированная местность, часть которой занимает Лос-Анджелес.

вечером этой зимой я увидел человека, выходящего из дома 399 по Парк-авеню в честерфилде*, с очень светлыми волосами, возможно, из молодых сотрудников Shearman & Sterling**, полагаю, и моё сердце замерло. Посреди всей этой серости, в уходящем свете дня уже почти на исходе зимы, этот развитый парень, красивый, словно принц, будто северный воин: в этом-то и суть. Все общества, как говорил Оливер Уэнделл Холмс-младший***, основаны на крови молодых людей; и если они не получают своего через войну, то получают каким-то другим, столь же определенным путём...

А у нас все по-прежнему: предсмертные записки в понедельник, любовник во вторник, развод в четверг. Единственное, что здесь меняется, дорогуша, – это квартиры, стрижки и зимние пальто; и хорошие педики**** всё ещё попадают в Сан-Франциско после смерти. (Тем более, что теперь, когда Эверарда больше нет; просто некуда идти, и все из-за этого в шоке. Ты знаешь, что в Сан-Франциско пятнадцать огромных саун?) Пиши скорее. Жду твоей реакции на роман.

Рима – девушка-птица

** см. прим. стр. 94

*** международная юридическая компания. Основана в 1873г.

**** **Oliver Wendell Holmes, Jr.** (1841-1935) - считается одним из самых влиятельных юристов в истории американского права, известен своими новаторскими взглядами, защитой свободы слова и приверженностью к судебной сдержанности. Судья ВС США с 1902 по 1932гг.

***** faggots в оригинале

Далеко на Юге
Невыносимо жарко

Смысл бытия,
Роман оказался ярче, чем я ожидал, и,
честно говоря, вернул меня к тому, что до
сих пор мне очень близко. Ведь пришлось
уехать из Нью-Йорка, знаешь ли, не по
каким-то практическим, а по чисто
эмоциональным причинам: я просто не мог
перенести, что он перестал очаровывать. Как
это возможно? Наши сердца не могут
измениться, и все же те душевные порывы,
которые несли вперед нас, сверкающих
пловцов в той феерии секса, просто однажды
исчезли, а мы подняли глаза, вроде того,
как перестал гудеть холодильник и в
квартире отключилось электричество. А те
улицы, те закоулки, каждый из которых мне
так нравился, были и остались всего лишь
улицами, всего лишь закоулками. Мэлоун,
возможно, был предан этому больше, чем
любой из нас – чем бы «это» ни было – ибо,
честно говоря, я не могу назвать это чем-то
нездоровым, бредом последних десяти лет;
даже сейчас, много размышляя об этом, я
понятия не имею, почему так жил, разве что,
простите, (теперь, когда волосы выпали,
серьги сняты, обувь тоже), по той же
причине, по которой такой разумный человек,
как Мэлоун, выходил на улицу ночью: потому
что – красив, бездетен и одинок.
Что касается того, куда он отправился – и
завершил ли вообще тот заплыв через залив,

– я слышал полдюжины разных историй. Многие в Нью-Йорке убеждены, что он погиб в саунах Эверард, куда направился в ночь своего возвращения с Файр-Айленда. Но я так не думаю: пожар начался в семь утра, а Мэлоун редко задерживался в купальнях столь долго. Хотя, когда он впервые приехал в Нью-Йорк, обычно мог оставаться здесь несколько дней и хотел вообще жить таким образом; Сауна была для него своего рода раем. Но по прошествии лет приходил и уходил не более, чем через сорок пять минут, потому что либо знал там всех, либо переспал с ними, либо, что ещё хуже, больше не мог общаться с людьми в этом смысле, того рода, который раньше волновал его (красота тела, чувственное единение), а теперь, по мере того как старел, несколько отталкивал и не мог согреть сердце. Нет, если он и пошёл в тот вечер в Эверард, то, полагаю, пробыл там не более часа, а затем просто ушел, в последний раз простившись с местами своей юности. Кстати, его также видели в тот вечер в Орлином гнезде. (Помнишь первую ночь, когда мы увидели его там. Я никогда этого не забуду!) Да, можно согласиться с тем, что для тебя, романиста, писателя, совершенно уместно, если бы он сгинул в том огне, – потому что, когда эти сауны в то утро загорелись, огонь охватил и те десять лет, в течении которых Мэлоун владел, словно ангел, нашей юностью, мечтами, нашими безумными сердцами. Но жизнь так редко подобна искусству; если это было так,

я бы не удалился на ферму и не сидел сейчас в тени этого унылого виргинского дуба, словно Будда на горе Шумеру.

Продолжая слухи, — в феврале прошлого года мой друг, путешествовавший по миру в творческом отпуске, написал мне, что видел Мэлоуна в Сингапуре и слышал, что тот преподает в женской школе где-то в пригороде. Но когда на следующий день он поехал в ту школу, выяснилось, что там никто и не слышал о Мэлоуне. Он, конечно, мог сменить имя, а возраст, возможно, изменил его внешность, если уж на то пошло (хотя думать об этом больно; это значит, что и мы тоже стареем), и, вероятно, монахини просто не поняли, о ком расспрашивал мой друг. Пятеро их учителей в тот день уехали отдыхать на Бали, и, опять же, Мэлоун мог быть одним из них, но Хэнк не имел возможности задержаться, он уехал на следующий день и так ничего и не узнал. Странно, насколько некоторым важно знать, как закончилась жизнь Мэлоуна; он был символом стольких отчаянных сердец.

Так что, в самом деле, выбирай сам: сгорел ли он вместе с остальными в пламени саун Эверарда? Тихо отбыл на Восток и теперь преподает там английский в зале, полной бледных восточных девушек с голосами, подобными маленьким птичкам, вычирикивающим глаголы и наречия в утренней тиши пригорода? И есть ли у него любовник, стройный евразийский мальчик, который живёт с ним в маленьком бунгало под олеандрами?

Или он стюард на пассажирском судне, принадлежащем судоходной компании из Момбасы*, как утверждает Джоди Майерс, – и похож ли он сейчас на одного из тех голландских моряков, которые так нравились ему в детстве, тех, которых видел на веранде дома Моряков рядом с церковью, которую посещал на Цейлоне, моряков в свежетыглаженных белых рубашках, сидевших в тени портика с сигаретой, прохлаждаясь джином и пивом, рассматривающих проходящих мимо женщин (а возможно, и мужчин), тех моряков, которые с их аккуратно причесанными волосами и дешевым одеколоном были для Мэлоуна символом сияющего мира мужественности? Неужели он сейчас один из тех голландских, загоревших до бронзы, только-что-из-душа моряков, сидит на веранде в каком-нибудь пригороде Джакарты? Единственное, чего не могу себе представить, – это как Мэлоун стареет, как Мэлоун умирает. Когда я вижу всех этих стариков на заправке, в креслах-качалках, машущих машинам, изредка проезжающим мимо, в поисках скоростной автомагистрали на Саванну**, – смотрю на их заостренные или обвисшие лица и думаю: а ведь когда-то они были красивыми мужчинами. Очень даже красивыми. Мэрия здесь, у меня, полна их фотографий, – бейсбольных команд 1910 года,

* **Mombasa** - крупный, прибрежный город на юге Кении, Африка. Основан в 900г. Население свыше 1,2 млн. человек.

** **Savannah** - город в штате Джорджия. Население ок.140 тыс. человек. Основан в 1733г.

столов с жареной рыбой на День независимости*, установки первого в округе телефонного столба. Не говоря уже о том, что я влюблен в половину их внуков! Ведь что значили те летние дни, которые мы проводили вместе, когда я не мог заснуть, так с нетерпением ждал следующего жаркого утра, дня и ночи? Когда я жил как неврастеник, когда, просыпаясь каждое утро в этом отвратительном многоквартирном доме, я был счастлив, потому что воздух уже был раскален над асфальтовыми крышами, на которых ещё оставались лужи после вчерашней грозы, а улица внизу преображалась вместе с пуэрториканцами, вышагивающими по тротуару с рубашками, свисающими из задних карманов джинсов. Те недели в середине лета, когда я ночью спускался в метро, чтобы прокатиться под городом, встречая пьяных солдат, пытающихся вернуться в Форт-Дикс**, и королевн, надменных, как Клеопатра, возвращающихся после ночи в барах, где они всем отказали; вот эти ночи, такие тёплые, такие прекрасные, что я не мог сомкнуть глаз. Что же это было за истрепанное, в клочки изодранное исступление, когда мы могли прожить целое лето под незатейливые ритмы по радио, как не упоение жизнью? Всё это было в наших безумных головах, но так и должно было быть. Самый сильный наркотик из всех, мой дорогой, – не одна из тех разноцветных таблеток, которые принимал

* 4 июля

* Fort Dix - военная база в Нью-Джерси.

годами, не опиум и не гашиш, которым укуривался в домиках на пляже, не спиды или героин, которыми ставился в квартире Сазерленда, нет, это совсем-совсем иное. Это город, дорогуша, город, нереальный город, сам город. Теперь ты понимаешь, почему мне пришлось уехать? Как сказал Сантаяна, дорогуша, художники несчастны, потому что их не интересует счастье; они живут ради красоты. Боже, как прекрасен был этот исходящий дымом, паром, всеми теми городскими флюидами, гнусный город!!! И почему, в конце концов, человеческий любовник не способен был разделить это? Потому что я был влюблен во всех мужчин этого города, в него самого. А Мэлоун был и того безумнее. По его лицу можно было сразу понять, как глубоко болезнь засела в нем. Жизнь его тела угасла, но дух вознёсся, подобно ангелам, к совершенной любви – и всё же он всё ещё не преодолел привязанностей в своём смертном теле, в смертных похотях и к смертным прелестям: невозможно жить лишь намеками случайной улыбки проходящего, пока сидишь на крыльце в ожидании дуновения ветерка с реки – полоумная королева! Невозможно любить глаза, мой дорогой, невозможно любить молодость, невозможно любить летние сумерки, которые буквально выносили нас из квартир на улицы, словно воду, ниспадающую со скал, – нет, дорогуша, это оно и есть. Кристальное безумие. Нужно заземляться, постоянно, нужно любить

другого мужчину или женщину, иметь любовника-человека, чьё попердывание изредка нарушает тишину спальни по утрам, и у которого время от времени бывает плохое настроение, которому нужно потакать.

А какой любовник мог сравниться с тем, что Мэлоун накопил в своём воображении? Или, если уж на то пошло, любой из нас. Мы были сумасшедшими, к сожалению. Наши возлюбленные не были настоящими. Разве это не было самым странным? То, какими мы их любили? В конце концов, мы были просто королевнами.

Мы даже не разговаривали с большинством из них – было ли это просто трусостью?

Застенчивостью девушек в ожидании серенад?

Или мы все подозревали, что половина красоты и блеска той жизни была в наших собственных зачарованных сердцах, а не где-то снаружи? Если это так, то мы были глупцами: потому что были романтиками. Ты же знаешь, мы, королевны, ненавидели дождь на пляже, маленькие члены и реальность, так полагаю. Именно в таком порядке. В общем, вот почему я удалился, – безумие всего этого оскорбляло меня, в конце концов, я хотел настоящую веранду, настоящий двор перед домом с настоящими же дубами и настоящими цветами в настоящих горшках, – и это то, что у меня теперь есть, дорогой мой, – так что, я отставной педик, довольный тихими радостями жизни. Даже когда я отложил эту ручку (рука онемела), я слышу пересмешников в кустах гардении за

окном, и, поверь мне*, нет звука слаще на земле.

Диана фон Фюрстенберг

Полнолуние

Нижний Ист-Сайд

Реальность,

Я передал твое письмо преподавателям Колумбийской Высшей школы**, потому что понимаю примерно половину. Что касается твоего друга, который, как ему показалось, видел Мэлоуна в Сингапуре, то я тоже слышал эту историю. Но также один стюард Пан-Ам клятвенно заверял меня, что видел его в Австралии, на улицах Сиднея. Не мог бы ты прислать мне адрес Хэнка? Думаю, я напишу в эту приходскую школу в Сингапуре и справлюсь о нашем друге. Я уже пытался связаться с его семьей в Огайо. Потому что тоже хочу знать, где он оказался; это важно, потому что он каким-то образом казался выше всего этого, и мысль о том, что он делает теперь, когда всё закончилось (и, боюсь, так оно и есть, хотя мне неприятно в этом признаваться), влечет меня. Я сомневаюсь, что он погиб в Эверарде по тем же причинам, что и ты; хотя такое, конечно, возможно, поскольку большинство тел там представляли из себя пепел и золу,

* croyez-moi (франц.) в оригинале

** Columbia Graduate School Faculty - высшая школа Колумбийского университета. Основана в 1880г. Это школа аспирантуры в привычном для РФ смысле.

опознать их не удалось.

Это объяснило бы, почему никто до сих пор не слышал ни слова от Мэлоуна — что удивляет, ведь он был лучшим другом очень многих, хотя и, вероятно, никого из них не считал своим лучшим другом. Думаешь, всё это время Мэлоун ни о ком не побеспокоился? ОЧЕНЬ интересный вариант. Так часто бывает с людьми, обладающими столь же глубокой способностью вызывать симпатию, которые даже не прилагают особых усилий, или слишком хорошо знают, как это делается. Возможно конечно, Мэлоун уехал в Сингапур или Сидней и совершенно не интересуется никем из нас здесь. Но всё же, я считаю, он обладал слишком искренними привязанностями (в этом, собственно, и вся его трагедия). Так что, молчание, — может быть, гордость? Как у той парижской графини, которая, обнаружив первую морщинку под глазами, задернула шторы в своем особняке и больше никогда не выходила в свет? Дорогой мой! Есть и другое возможное объяснение полной тишины, помимо гордости, безразличия или погасшего пламени саун Эверарда, — что подводит нас к моей последней теории. Помнишь, как Мэлоун был очарован — да что там, сражен, — нашей местной итальянской королевой Марио Проссом, который вступил в орден францисканцев? Мы все знали королевн, которые вышучивали подобное, но когда Марио действительно это сделал, Мэлоун был искренне восхищен. В конце концов, Марио Просс был одной из самых обреченных

королевн. Одну неделю он качал сиськи в спортзале на Шеридан-сквер (а был он очень красив, если помнишь, и у него было потрясающее тело), ездил на Файр-Айленд, употреблял попперсы и другие вещества разного рода, танцевал до рассвета, трахался в Мясной лавке*, оформлял витрины для Масы's** и вообще жил с очень крутой публикой, а на следующей неделе – бац! – он босой, с молитвой шествует по Крестному пути***. Никому не говоря ни слова! Просто сделал. Думаешь, Мэлоун обрезает виноград где-нибудь в монастыре над Гудзоном? Видишь ли, мне кажется, на самом деле Мэлоуна объясняет его религиозность: он вырос с монахинями среди изразцовых колоннад на Цейлоне, под терновником в полдень, и если любил моряков, собиравшихся на веранде и распивающих пиво, то любил и Христа, Марию, всех святых в полумраке той церкви. Думаю, солнце, пальмы, прозрачное море, загорелые моряки, счастье его детства и смерть Христа – всё это перемешалось, и он никогда не понимал, где заканчивается эстетика и начинается религиозность, и наоборот. Знаешь, когда люди, некогда религиозные, перестают верить в Бога, они по-настоящему не меняются; они только продолжают искать экстатическое, пытаюсь утолить свой голод.

* Meat Rack - локальная местность на Файер-Айленде для случайного и анонимного секса.

** ★macy's - американская сеть универмагов. Основана в 1858г.

*** путь Христа на Голгофу в Иерусалиме.

Согласись, этот поиск завёл Мэлоуна туда, куда он никогда бы иначе не зашёл; и кто знает, куда это привело его сейчас? Потому что он мечтал, как и лучшие из нас, мой дорогой, мечтал о ещё более и более невероятном, а когда мечты оказались лишь мечтами, он просто ушёл. И тишина. Ибо что тут скажешь? Помнишь, что сказал мне Сазерленд в поезде по дороге домой, когда я спросил его, почему Мэлоун такой неугомонный, и постоянно говорит о переезде в Денвер, Сан-Франциско, Чарльстон?

— Мечты разлагаются, дорогуша, — отвечал он, — как и всё остальное. Они выделяют газы, некоторые из которых ядовиты, а все остальные неприятны, и поэтому человек уезжает оттуда, где мечтал, поскольку теперь эти мечты разлагаются прямо у него на глазах. Иначе можешь умереть, дорогуша, от отравления угаром. И того хуже*, — вздохнул он.

Так что, может быть, поэтому Мэлоун и сбежал. Что думаешь? Разложившиеся мечты?

Бетси Блумингдейл

Самый сон
Далеко на Юге

Экстаз,
Я бы с удовольствием рассуждал об этом
вечно, но разве не видишь, во что мы

* tant pis (франц.) в оригинале

превратились: в старых стерв,
пережевывающих одно и то же, как здесь
местные, которым ничего не хочется, кроме
просиживания целыми днями на почте или
заправке, что-то пожевывая и болтая о том о
сем. О рыбе, которую поймали, о разводе
дочери, о ее переезде в Атланту. Очень
деревенские, дорогой, очень золотые годы.
Что самое удивительное в гомосексуалах, так
это то, что, если они живут как
гомосексуалы (то есть как женщины:
существа, чья жизнь заключается главным
образом в том, чтобы быть привлекательными
для других), то они умирают гораздо раньше
гетеросексуальных мужчин.
Мы говорим так, будто жизнь закончилась.
Мэлоун исчез, это правда, и мы понятия не
имеем, где он и чем занимается (как будто
это может подсказать нам, что делать и куда
идти, хотя на самом деле стоит искать
ответы в себе), а с его отъездом из города
город утратил притягательность и
очарование. (Вот о чём, в конечном итоге,
твой роман, знаешь: о городе. О жарких
летних ночах в этом городе. Так что ты
сделал то, о чем, как я и говорил, должен
быть роман, ведь он не может быть чем-то
большим.) И теперь, когда это сделано,
нужно двигаться дальше. Мы не можем просто
сложить крылья и заснуть, подобно дроздам
на ветке магнолии; и что же делать дальше?
Жить ради красоты – это, конечно,
прекрасно, но это тяжёлый режим, который
очень быстро сжигает сердце. Надеюсь, мы не

превратимся в незаметных старых пердунов, просиживающих день за днем на скамейке в каком-нибудь маленьком городке, наблюдая за молодыми парнями, играющими в бейсбол. Помнишь Шекспира? Сонеты посвященные прекрасному юноше, где ему рассказывают, что он должен жениться, иначе его красота умрёт вместе с ним? Дело в том, что мы обречены не потому, что мы гомосексуальны, мой дорогой, мы обречены только если живём из-за этого в отчаянии, как делали это на пляжах и улицах Отстойного города. Давай, в конце концов, не будем слишком превозносить Мэлоуна: в конце концов, он был местной королевной. Был красив, искренен, воспитан и добр – и грустно думать, что такой романтичной душе придётся скитаться (если он жив), как цыгане или евреи, изгнанные из какого-нибудь обнесённого стеной города в Средние века, – однако, любовь, даже при самых благоприятных обстоятельствах, найти трудно. Мэлоун был полон решимости. Не сдавался. Держался так долго, как мог, и – кто знает? Может быть, он вернётся. Может быть, и мы вернёмся. Ты помнишь, все те, кто пытался сбежать, – чьи компании перевели их в Саудовскую Аравию, в Кливленд, кто уехал за город управлять магазинами или просто вышел на пенсию вместе со стареющими родителями – все проявлялись снова. Как только эта жизнь у тебя в крови, дорогой, трудно жить где-то ещё.

И даже при всем том, понимаешь ли ты, какой действительно малой частью от общей массы гомосексуалов мы были? В тот день, когда мы пошли маршем в Центральный парк и оказались в море людей, как же я был ошеломлён, когда знакомы всего четыре-пять лиц? (Конечно, все наши друзья были на пляже, дорогуша; им было лень приходить и делать что-то политическое.) Я постоянно говорил, что в Нью-Йорке всего семнадцать гомосексуалов, и мы знаем каждого из них; но в этом городе нашлось множество мужчин, которые не тусовались, не танцевали, не путешествовали, не влюблялись в Мэлоуна, которые оставались дома и ездили летом за город. Мы их никогда не видели. Мы были зависимы от чего-то другого: от того, с чем я жил так долго, что это стало привычкой, рутиной. Вот в чём был настоящий грех. Я был достаточно умен, возвел стену вокруг себя. С таким же успехом можно было жить в пустыне, где воздух, в конце концов, чище. Что ж, дорогой, солнце палит в небе, испепеляя каждый листик в саду; озеро гладкое, как лист полированного свинца; птицы дремлют; сосны выглядят так, будто их включили в розетку, - иголки светятся от тока; облака над головой раскалены добела, окаймленные серебром, и примерно через три часа соберутся в огромные, вздымающиеся кучевые горы и извергнутся мощной грозой, которая сделает воздух восхитительно мягким. То, что я говорил раньше, было неправильным: нам не нужно ничего делать со

своей жизнью. Пока жив, всему приходит конец. Я чувствую себя ребёнком, которого разбудили и на руках отнесли вниз, чтобы он посмотрел на вечеринку и гостей. Кто знает, сколько это продлится, кто знает, когда этот заботливый взрослый отправит тебя обратно в постель, и жизнь снова превратится в волнующую полоску света под дверь, за которой слышны голоса, смех и счастье? Нет, дорогуша, не стоит скорбеть более по Мэлоуну. Он отлично знал, как прекрасна жизнь, – именно в этот свет в нём влюблялись и ты, и я, и все королевны. Иди танцевать сегодня вечером, мой дорогой, и с кем-нибудь возвращайся домой, а если любовь не продлится дольше утра, знай, что я люблю тебя.

Пол

"ПЕРСОНАЖИ ИНТРИГУЮТ
ПОРОКАМИ И ИЗВРАЩЕНИЯМИ,
ДИАЛОГИ БЛЕСТЯЩИЕ".

Книжное обозрение Лос-Анджелес Таймс

В трагически-комичном воспоминании о прошлом — и всё ещё пронзительно настоящем — этот захватывающий, блестящий роман о молодом человеке, одержимом поиском любви в мире геев. Мэлоун, молодой и поразительно красивый, следует зову сердца от сауны Эверард на Манхэттене и ночных дискотек, до роскошных оргий на Файр-Айленде, от парков с наступлением сумерек, до колонок светской хроники в утренних газетах. А чтобы прокомментировать и посочувствовать падению Мэлоуна из высшего общества в распутство, стоит упомянуть одно из самых запоминающихся литературных творений современной литературы, Сазерленда: квинтэссенцию отборных королевн, остроумного, уморительного и, в конечном счёте, душераздирающего.

«Танцор из танца» — это необыкновенная проза — правдивая, провокационная, возмутительная и изложенная голосом, близким как к смеху, так и слезам.

"Роман прекрасно выписанный, вызывающий и уморительный... Холлеран обладает сверхъестественной способностью сочетать эмоциональную раскованность и высокую комедию".

Журнал "Новая Республика"

"Великолепный... эротический жар исходит с этих страниц".

Книжное обозрение Нью-Йорк Таймс